
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2459)

17 АВГУСТА

«ОГОНЕК» НА ЖАТВЕ

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Алексея ГОСТЕВА

См. страницу 5.

ДОБЛЕСТЬ ИДУЩИХ ВПЕРЕДИ

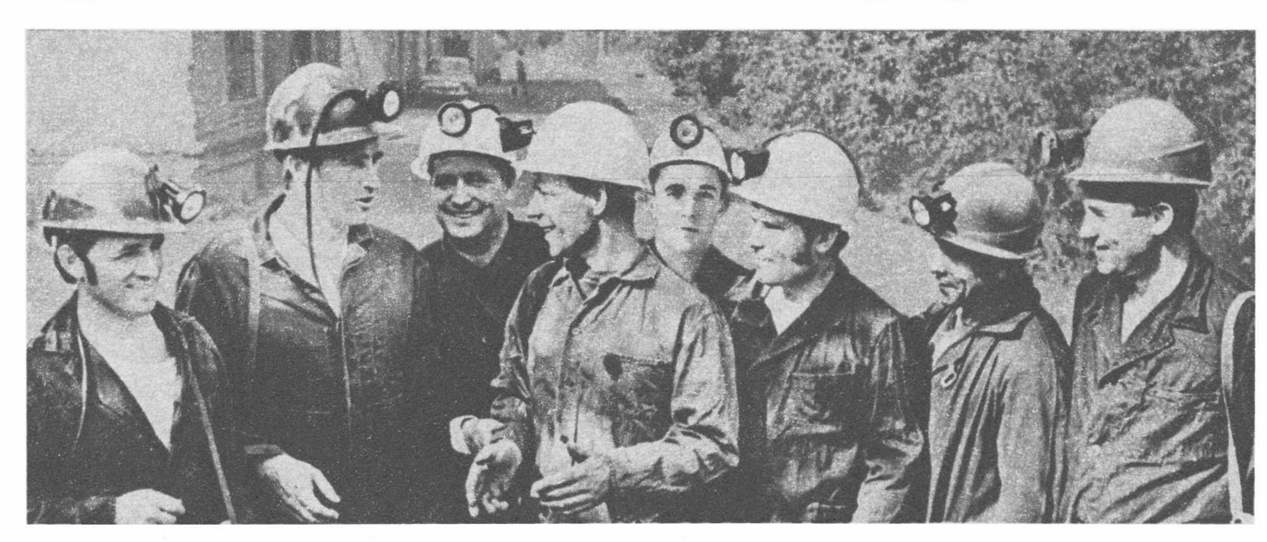
С ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ВАС, ГЕРОИ ПЯТИЛЕТКИ!

В эти дни советские люди с радостью узнали, что группа славных представителей рабочего класса — новаторов, передовиков производства, показавших пример доблестного, инициативного труда, Указами Президиума Верховного Совета СССР за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки и социалистических обязательств награждена орденами и медалями СССР.

Кто они, эти гвардейцы пятилетки! Машиностроители Москвы, металлурги Запорожья, шахтеры Кузбасса, горняки Приморья, ленинградцы — строители атомного ледокола «Арктика»...

Среди награжденных — первые кавалеры ордена Трудовой Славы, учрежденного в январе нынешнего года. Это одна из самых высоких наград Родины, награда за самоотверженный труд, за верность избранной профессии, за верность своему заводу, колхозу, совхозу!

Честь и слава героям пятилетки!

Кузбасс. Горняки шахтоуправления «Юбилейное»: Н. К. Семенюк, А. В. Козлов, Н. Е. Зубаков, Герой Социалистического Труда бригадир Н. М. Романцов, В. А. Родин, С. Г. Сизых, А. В. Кондратьев, П. И. Савруцкий.

Фото В. Климова.

Москва. Электромеханический завод имени Владимира Ильича. Слесари-сборщики М. И. Кисин, Н. А. Дубков, В. И. Поляков, В. А. Сошников и бригадир В. М. Овчинников.

Высокая награда Родины — на знамени газеты

Фото В. Кутырева.

ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ — «СОВЕТСКОМУ СПОРТУ»

За плодотворную работу по пропаганде физической культуры и большой вклад в развитие физкультурного движения в нашей стране газета «Советский спорт» награждена орденом Трудового Красного Знамени.

8 августа в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летию газеты и вручению ей высокой награды.

Председатель Спорткомитета СССР С. П. Павлов, открывая собрание, поздравил коллектив «Советского спорта» с высокой оценкой его деятельности.

С большим воодушевлением участники заседания избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства тепло поздравил коллектив газеты со славным юбилеем и высокой правительственной наградой, отметил вклад «Советского спорта» в решение самых различных задач физического воспитания нашего народа и под аплодисменты собравшихся прикрепил орден к знамени газеты.

С ответным словом выступил главный редактор «Советского спорта» Н. С. Киселев.

К 30-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ МОЛДАВИИ

КАННЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. Н. ШАРОХИН, генерал-полковник, бывший командарм 37-й армии, Герой Советского Союза

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Кицканы... До войны мало кто знал это неприметное молдавское село, затерявшееся среди приднестровских холмов. Теперь же оно навсегда вошло в историю Родины, дав имя огненному плацдарму. Отсюда в августе сорок четвертого года войска 3-го Украинского фронта нанесли сокрушительный удар по гитлеровской группе армий «Южная Украина», удар, который привел к освобождению Молдавии и открыл путь к освобождению стран Юго-Восточной Европы.

Все лето 1944 года наши войска напряженно готовились к наступлению. На небольшом прибрежном участке шириной в несколько километров нужно было развернуть две армии, механизированный корпус, тысячи стволов артиллерии. Даже генерал Толбухин, любивший смелые решения, осмотрев плацдарм, с сомнением заметил:

— Удастся ли скрытно разместить здесь такое количество войск?

— Влезем поглубже в землю,— заверил я командующего фронтом.

Началось строительство настоящего подземного города. Солдаты работали только ночью. Вручную долбили иссохшую землю лопатами, кирками, ломами. Помнится, только с южной стороны плацдарма, от деревни Плоп-Штюбей до старого русла Днестра, было отрыто двести километров траншей.

Солдатская смекалка да великий труд наших саперов позволили построить на Днестре удивительные мосты. Их деревянный настил лежал ниже поверхности воды и не был заметен с воздуха. До сих пор помню, как тягачи с орудиями шли, словно в сказке, прямо по днестровским волнам...

Этой сложнейшей работой руководил замечательный специалист, начальник инженерных войск армии генерал Голдович. Однажды он принес мне ценнейшие сведения: точное расстояние до вражеских окопов по всей линии плацдарма.

— Ночью промерили,— сказал Александр Иванович, заметив мое удивление.

— Как промерили?

— Обычной веревкой. От бруствера до бруствера...

И это только один пример...

Почему мы стремились развернуть на маленьком и в общем-то неудобном плацдарме такое огромное количество войск? Отсюда можно было кратчайшим путем выйти на соединение с войсками 2-го Украинского фронта, что позволяло быстро окружить кишиневскую группировку врага.

Судя по расположению сил, которые гитлеровцы сосредоточили в Молдавии, враг ждал нашего наступления на Кишинев. Поддерживая эту уверенность, мы имитировали сосредоточение механизированного корпуса на кишиневском направлении. На станции Затишье разгружались эшелоны с артиллерийской дивизией прорыва. Все передвижения велись с наступлением вечера, чтобы создать у противника видимость скрытых действий. Но ночью войска возвращались в свои расположения...

Командование фронтом шло на смелый, даже дерзкий маневр силами. Там, где враг ждал атаку, стояла одна, до предела растянутая по фронту 5-я ударная армия. А три другие армии и два механизированных корпуса сосредоточились в районе Кицканского плацдарма. Наша хитрость удалась настолько, что начавшееся здесь наступление немецкое командование расценило поначалу как демонстративное и продолжало ждать главный удар советских войск на кишиневском направлении. Только на второй день боев оно поняло свой просчет.

...Ровно в 8 часов утра 20 августа земля содрогнулась от залпа тысяч орудий. Одновременно с артиллерией на передний край гитлеровцев обрушила удары наша авиация. Рев самолетов, грохот орудий, разрывы снарядов и бомб — все это слилось в один неумолчный, нарастающий гул. Черная стена разрывов поднялась над вражескими окопами. Через 55 минут после начала артподготовки мы перенесли огонь в глубину обороны. Но это был обманный маневр...

Наши пехотинцы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь, который обычно предшествует атаке, и подняли над окопами искусно сделанные чучела, на которых для убедительности были надеты каски. Дружно прогремело «Ура!». Уцелевшие после артобстрела гитлеровцы вылезли из блиндажей и нор, изготовились к отражению атаки.

Тогда командующий артиллерией фронта генерал М. И. Неделин вновь изменил направление огня, и вражеские траншеи вторично накрыл уничтожающий шквал. Как потом показывали пленные, в эти минуты гитлеровцы понесли наибольшие потери.

В 9 часов 45 минут наша пехота поднялась в атаку. Вместе с нею пошли танки сопровождения, а вскоре на командный пункт армии поступили первые донесения: «Линия вражеской обороны прорвана!»

А в это время начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов запрашивает:

— Как дела?

Докладываю о первых успехах. Говорю, что дальше всех продвинулась 195-я дивизия. Только вот командир ее, полковник Шапкин, тревожит меня.

— А в чем дело? — спрашивает Бирюзов.

— Шагает впереди какого-то батальона...

— И что, боем не управляет?

— Да нет,— успокоил я начальника штаба,— дивизия бой ведет энергично, я бы сказал, даже весело...

— А если так,— говорит Бирюзов,— пусть идет впереди. Ведь это он по-чапаевски действует. Враг-то бежит...

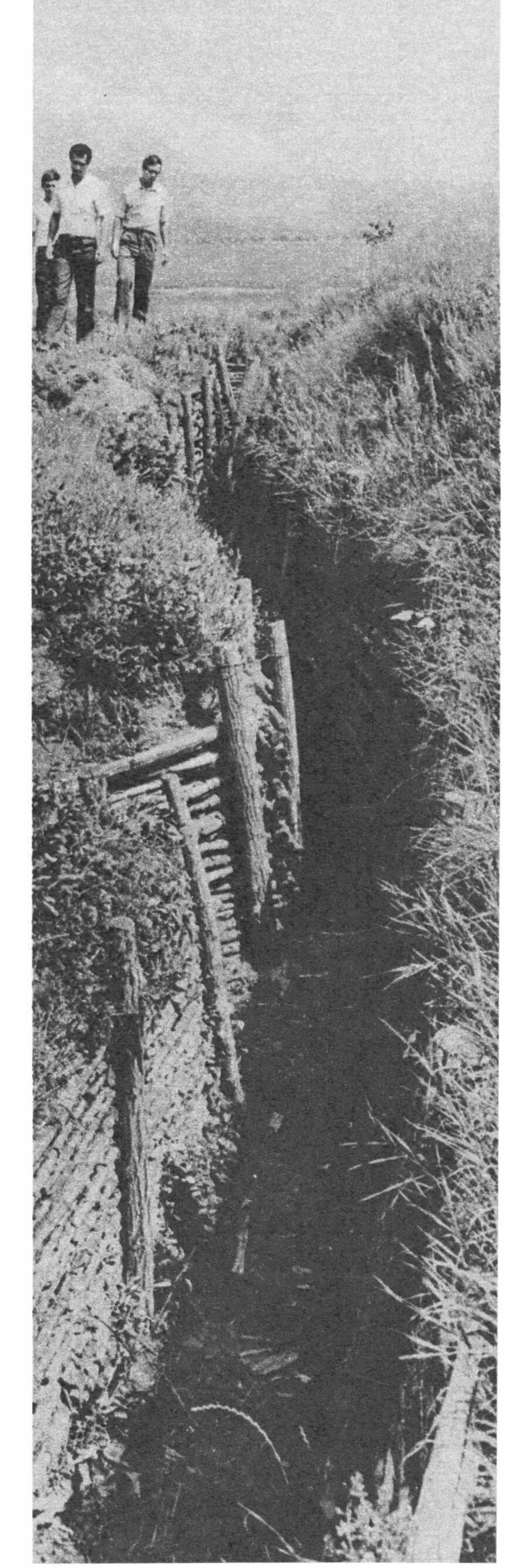
Успешно было и продвижение нашего соседа слева — 46-й армии генерала И. Т. Шлемина.

Однако в ночь на 21 августа враг бросил на помощь своим войскам крупные резервы. Со стороны Ермоклии двигалась его 13-я танковая дивизия, имевшая до 150 тяжелых машин. Не останавливая общего наступления, я приказал левофланговому стрелковому корпусу закрепиться на достигнутом рубеже и встретить врага огнем артиллерии.

Все утро 21 августа фашистские

Освободителям Советской Молдавии. Памятник в центре Кишинева.

Навечно в памяти народной подвиг героев...

На этой земле они сражались в огненном сорок четвертом. Участники Ясско-Кишиневской битвы А. Б. Кучмаев, Х. В. Знак, И. А. Фридлин, И. К. Свиридов, Н. Е. Павленко.

танки яростно атаковывали не успевшую окопаться пехоту 6-го корпуса. Ожесточенный бой разгорелся на позициях 20-й гвардейской дивизии, которой командовал один из ветеранов Красной Армии, генерал Н. М. Дрейер. Здесь, отбивая атаку врага, совершили героический подвиг Александр Гусев и Кузьма Гуренко. Обвязавшись гранатами, они бросились под гусеницы вражеских танков...

Исход этого боя решили мощный удар авиационного корпуса генерала О. В. Толстикова и выдвинутый из армейского резерва самоходный артиллерийский полк. Уже к полудню наши части опрокинули противника и ворвались в городок Ермоклию.

Введенные в бой танкисты 7-го механизированного корпуса буквально смяли отходящие части 13-й танковой дивизии и устремились вперед. Поздно вечером командир корпуса генерал Катков радировал в штаб армии: «Пройдено 50 километров. Нахожусь севернее Чимишлии. Продвигаюсь с боем к реке Прут».

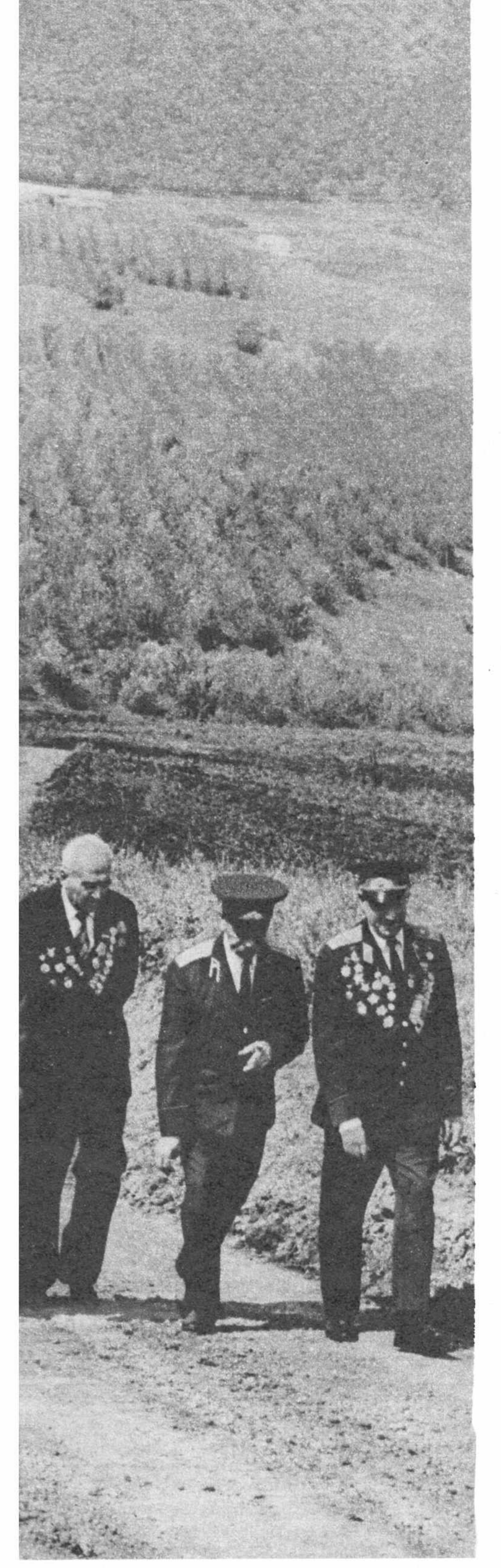
Радостные вести шли и со 2-го Украинского фронта. Здесь оборона врага была сокрушена на участке в 65 километров. Танковые соединения генерала Кравченко, преследуя отходящие в беспорядке фашистские дивизии, с ходу преодолели хребет Маре. На второй день наступления на участке 52-й армии генерала К. А. Коротеева был введен в прорыв 18-й танковый корпус. Танкисты и пехотинцы штурмом овладели городом Яссы и устремились на юг. Над группой армий «Южная Украина» нависла угроза окружения и разгрома. Только теперь гитлеровские генералы окончательно осознали замысел советского командования...

В ночь на 22 августа начальник генерального штаба Гудериан, битый нами под Тулой еще в сорок первом году, дал разрешение на отвод 6-й немецкой армии за реку Прут. Но было уже поздно.

К исходу 23 августа войска 37-й армии и приданный ей механизированный корпус вышли к переправам через Прут в районе Леушены, Леово, где соединились с войсками 2-го Украинского фронта.

В гигантском кольце оказалось 18 дивизий 6-й немецкой армии, почти триста тысяч солдат и офицеров. Оставляя свои позиции на Кишиневском выступе, вся эта масса войск устремилась к румынской границе. Теснимые с севера и запада советскими войсками, неся огромные потери от ударов нашей авиации, гитлеровцы пытались пробиться к спасительным речным переправам...

Тремя многотысячными колоннами, похожими на огромный таран, ударную часть которого составляли танки и штурмовые орудия, гитлеровцы обрушились на центр боевых порядков нашей 37-й армии. Враг шел ва-банк.

Находясь на командном пункте в городе Чимишлии, я был вынужден организовать оборону штаба и тылов армии от прорывающегося на юго-запад врага. Один раз выручил 52-й танковый полк, в другой раз — отряд заграждения... На критический участок под Сарата-Галбена я перебросил на машинах свой армейский резерв: 64-й стрелковый корпус. Эта брешь была закрыта, но, пользуясь отсутствием сплошного фронта, гитлеровцы все-таки прорвались к Карпинянам и двинулись напролом к Пруту.

В это тревожное время на мой командный пункт приехал командующий фронтом. Генерала Толбухина беспокоило положение на этом участке. Казалось, что немецкая армия вот-вот прорвется к переправам. Но мы держались...

Утром 26 августа бои разгорелись с новой силой. Волна за волной идут на бомбежку эскадрильи нашей штурмовой авиации. Командный пункт летчиков находится в сотне шагов от моего штаба. Мы работаем «на одном дыхании». Генерал-полковник Судец направляет удары авиации по заявкам наземных войск. Цели не надо искать — все проселки между холмами забиты фашистскими солдатами и техникой...

Хладнокровно отражают отчаянный натиск врага наши закаленные полки, но желанный рубеж на реке Прут все еще манит гитлеровцев... Здесь в памятном сорок первом они перешли советскую границу, двинулись на восток. Теперь, окруженные на этой же земле, они старались прорваться на запад. От организованных соединений остались одни воспоминания — хаос и паника царили во вражеском войске. Мы знали, что командование 6-й немецкой армии бежало на самолете, бросив своих солдат на произвол судьбы.

И тогда по всему кольцу переднего края заговорили мощные радиоустановки. Командование фронтом предлагало окруженным прекратить бессмысленное сопротивление. Стихли выстрелы, воцарилась непривычная после грохочущих дней тишина... И враг пошел, но уже с белыми флагами... Только 27 августа на участке 37-й армии сложили оружие 20 тысяч немецких солдат и офицеров...

Но на западном берегу Прута бои продолжались еще два дня. 29 августа войсками 2-го Украинского фронта были разгромлены основные силы окруженной у города Хуши 50-тысячной группы генерала Мита.

Полное поражение потерпел враг и на юге перед фронтом 46-й армии. Форсировав Днестровский лиман и обойдя с севера приморскую группировку фашистов, наши войска заставили сложить оружие 3-ю армию фашистского генерала Думитреску.

Ранее, 24 августа, соединения 5-й ударной армии генерала Н. Э. Берзарина штурмом овладели столицей Советской Молдавии. Первой ворвалась в город 89-я стрелковая дивизия. Бойцы батальона капитана А. И. Бельского выбили врага с центральных улиц и водрузили над Кишиневом красное знамя.

Ясско-Кишиневская операция августа 1944 года вошла в историю второй мировой войны как блестящий пример стратегического мастерства Советской Армии. За несколько дней боев была окружена и разбита мощная группа армий «Южная Украина». Советские войска пленили 208 600 вражеских солдат во главе с 24 генералами, захватили огромное количество техники.

Историки называют эту операцию современными Каннами. Однако значение ее не ограничивается только чисто военным успехом. Она стала началом и главной предпосылкой освобождения балканских стран от фашизма. Именно в результате этой победы советский солдат протянул руку помощи народам Румынии, Болгарии, Югославии. Об этом времени мы мечтали еще в тяжелые дни 1941 года. Уже тогда мы знали, что, громя гитлеровскую Германию, мы защищаем свободу не только своей Родины, но всех порабощенных народов Европы.

КОЛОС КУБАНИ

См. 2-ю страницу обложки.

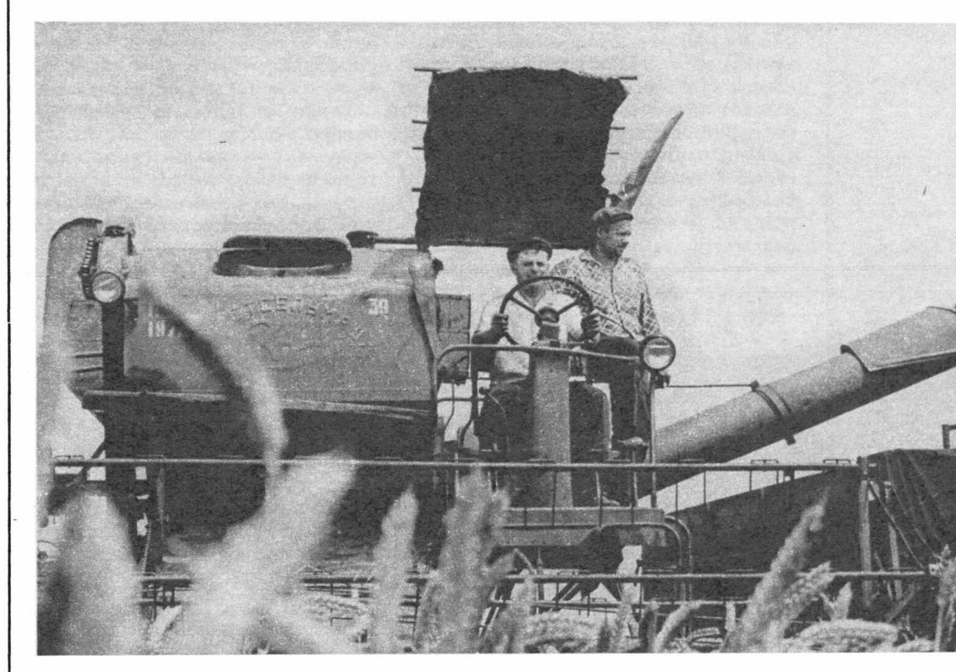
Блесткое солнце, наскоки ливневых дождей, покачивание тяжелых колосьев, бесконечные ленты желтых хлебных валков — это все штрихи пейзажа сегодняшней Кубани. Идет страда! То солнце выбелит пшеничную степь, то летучая гряда низких туч пронесется над полями — погода нынче переменчивая, сложная, но гул жатвы не затихает ни на минуту. Первыми отмолотились совхозы и колхозы Темрюка. И сразу же фронт уборки перекатился на север — в степь под Кореновском и дальше, дальше...

В этом году комбайнеры работают куда быстрее, чем обычно, и обязательно врезаются в хлебную массу всем звеном. Поле сырое — и звено комбайнов мобильно перебрасывается в ту бригаду, где роса сошла и дожди отшумели. Четкая, инженерами продуманная организация труда помогает резко повысить суточную выработку на агрегат. Недавний рывок ростовчан увлек в прорыв десятки, сотни механизаторов и на кубанском участке уборочного фронта. И вскоре кубанец В. Жуковский выдал за двадцать три часа безостановочного обмолота около двух тысяч трехсот центнеров зерна. А хороший пример заразителен!

«Вчера рекорд — сегодня норма!» — так и кажется, что эти слова начертаны на скромном флажке, врученном лучшему комбайнеру колхоза имени Кирова, Кореновского района, Б. А. Кохану. В этом колхозе в страдные недели работали дружно и споро. И когда последние гектары могучей пшеницы были свалены, тогда и выпекли свежий каравай победителю; им оказался комбайнер шестой бригады Алексей Кузьмич Скубий.

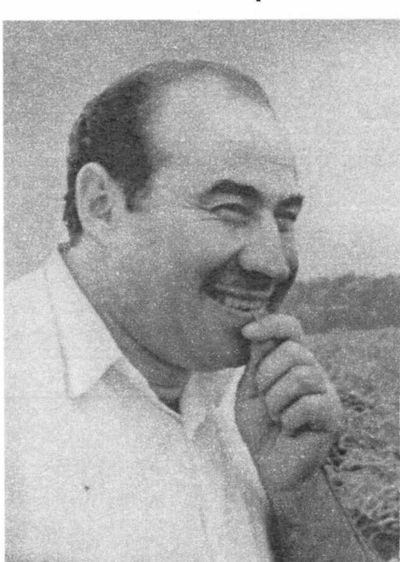
На кубанских токах высятся хлебные курганы. Обработка нового зерна повсеместно механизирована. Один за другим уходят автопоезда на пристанционные элеваторы. Колос Кубани тяжел, и хлеба кубанского много, как и планировалось на девятую пятилетку.

Н. БЫКОВ

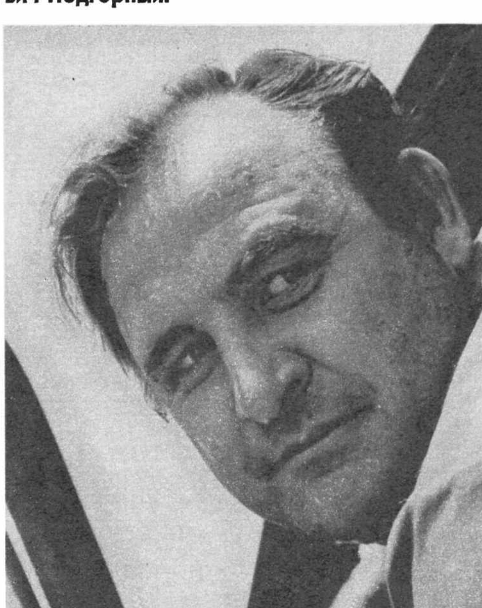

На комбайне Б. А. Кохана — флажок передовика.

Хамед Юнусович Багов, председатель колхоза имени Кирова.

Первую квитанцию с элеватора привез в колхоз Алексей Федорович Подгорный.

К 27-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ

Дворец президента в Дели. Фото автора.

СТРАНА, УСТРЕМЛЕННАЯ В ЗАВТРА

В. ЯКУНИН,
член Исполкома Общества советско-индийских культурных связей

Всякий раз, когда доводится бывать в одном из крупнейших городов Индии — Бомбее, внимание привлекает причудливое сооружение из желтого базальта на одной из городских набережных. Это «Ворота Индии». Вокруг всегда людно: здесь и приезжие из других районов страны, и иностранцы, и сами бомбейцы. Отсюда открывается изумительной красоты вид на бомбейскую гавань. По ее лазурной глади величественно скользят белоснежные пассажирские лайнеры, с деловитой торопливостью проходят транспортные корабли, лениво тащатся грузовые парусные барки. Отсюда иной раз увидишь и серые громады военных кораблей — независимая Индия мужает как морская держава.

Глядя на «Ворота Индии», невольно думаешь о том, что этот монумент — немой свидетель интереснейших событий в истории страны. Его воздвигли колонизаторы более полустолетия назад, в честь приезда в Индию английского короля Георга V. «Ворота Индии» должны были, по замыслу их творцов, на веки вечные прославлять могущество британцев. Но история и народ Индии рассудили иначе...

В августе 1947 года упорная освободительная борьба народа Индии увенчалась победой. Есть в этом и вклад Бомбея. Именно здесь в начале 1946 года вспыхнуло восстание военных моряков-индийцев против английского владычества. А «Ворота Индии» вскоре стали свидетелем бесславного конца английского господства — через них прошел последний английский солдат, с позором покидая индийскую землю...

В этом году, 15 августа, индийский народ отмечает 27-ю годовщину независимости своей родины. И в эти дни с особенной силой и значимостью звучат вдохновенные, проникнутые верой в творческие силы своего народа слова первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру. «Индия вновь обретет себя,— писал он,— когда свобода откроет перед ней новые горизонты. Тогда будущее будет занимать ее гораздо больше, чем недавнее прошлое, полное разочарований и унижения. Она уверенно пойдет вперед, полагаясь на свои собственные силы и в то же самое время готовая учиться у других и сотрудничать с ними».

Независимая Индия завоевала бесспорный престиж и авторитет на международной арене. Крупнейшая азиатская страна, она, естественно, выступает в качестве важного фактора, оказывающего заметное влияние на развитие мировых международных отношений.

В своей внешнеполитической деятельности Индия широко сотрудничает с Советским Союзом и многими другими социалистическими странами. Краеугольным камнем сотрудничества между Индией и СССР на международной арене являются принципы мирного сосуществования государств с различными политическими системами.

Особенно широкий и во многом качественно новый характер приобрели дружественные советско-индийские отношения в последнее время. Важнейшими вехами, знаменующими прогресс этих отношений, стали заключение в августе 1971 года Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией и дружественный визит в Индию Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, во время которого был подписан ряд совместных советско-индийских документов.

В результате визита товарища Л. И. Брежнева дружественные советско-индийские отношения были подняты на более высокую ступень.

За годы самостоятельного национального развития Индия добилась значительных успехов в области экономики, культуры, в осуществлении важных социальных преобразований.

Почти в три раза выросло в Индии промышленное производство. В стране заложены основы индустриализации, созданы современные отрасли хозяйства. За годы независимости Индия стала экспортером широкого ассортимента промышленной продукции. Важные перемены произошли в индийской деревне. По феодальным и полуфеодальным отношениям нанесен ощутимый и, главное, непоправимый удар.

Если сегодня Индия готовится отправить в космос в сотрудничестве с советскими учеными свой первый искусственный спутник Земли, то это является одним из ярчайших примеров того, какого уровня развития достигли в этой стране наука, просвещение и подготовка национальных кадров.

У ПРИЧАЛОВ ЧХОНДЖИНА

15 августа в Корейской Народно-Демократической Республике национальный праздник — День освобождения. 29 лет назад Советская Армия во взаимодействии с национально-освободительным движением Кореи разгромила ударные силы японского милитаризма.

На горе Комалсан.

Наш разговор с Василием Кабиковым шел у причала корейского порта Чхонджин, на борту теплохода «Профессор Ющенко». Это флагман учебного флота на Дальнем Востоке, как отрекомендовал его сам Кабиков, помощник капитана судна. Полноватый и круглолицый, с постоянной улыбкой, он излучал добродушие, нисколько не напоминая сурового «морского волка». О виденных дальних странах рассказывал спокойно, как о чем-то привычном. На счету Кабикова не одно кругосветное путешествие, много раз довелось ему наблюдать жизнь чужих портов.

Эту бухту Кабиков впервые увидел с борта торпедного катера в августе 1945 года. Он вел свое грозное и стремительное суденышко резкими зигзагами, потому что с берега навстречу летели снаряды, очереди трассирующих пуль. На борту, кроме экипажа, было 12 разведчиков с автоматами в руках. Таких же «пассажиров» несли и остальные катера. Веером рассыпавшись по бухте, они на полном ходу мчались прямо к ощетинившимся огнем причалам. На глазах у отороpевших от такой дерзости японцев десантники спрыгивали на берег.

Чхонджин был форпостом японцев на северо-восточном побережье Кореи, здесь находилась крупная военная база. Два дня и две ночи горстка смельчаков вела неравный бой, пока не подошли корабли с основными силами десанта.

Сколько бы потом ни плавал Кабиков, сколько впечатлений ни сменил,— эта бухта осталась в его памяти навечно. Еще раз ему довелось пройтись по Чхонджину в первые дни после победы. С тех пор где только не побывал, а вот сюда заходить не приходилось.

— Ну и как, Василий Васильевич, изменился город?— спрашиваю я.

— Сравнить невозможно!— отвечает Кабиков.— Тогда здесь сплошь хибары были, а теперь и город поднялся и люди распрямили плечи!

Он произносит это с такой радостью, с таким торжеством в голосе, что я вижу: нет, не утратил способности удивляться этот много повидавший человек. Да ведь и Чхонджин для него не просто еще один иностранный порт. Может ли человек быть равнодушным к судьбе земли, за свободу которой пролили кровь его боевые товарищи? Кабиков ходил по городу, радуясь асфальту мостовых и оживленной сутолоке улиц, многоэтажным корпусам, что выросли на месте старых лачуг. Гордость переполняла его сердце от сознания того, что все эти перемены были связаны с именем советского человека.

У Н. Г. Гарина-Михайловского в дневнике о путешествии в Корею можно найти такую запись. «Имя русского в Корее священно,— записал тогда Гарин-Михайловский слова одного из своих собеседников.— Русский — самый дорогой наш гость...» Во все века взаимоотношения русских и корейцев бы-

Успехи индийского народа в созидании новой жизни — прежде всего плод трудовых усилий миллионов. Кроме того, эти успехи обусловлены тем, что с первых дней независимости в стране осуществляется курс, имеющий жизненно важное значение для молодого государства. В Индии этот курс называют по имени его творца — «курсом Неру». Достойным продолжателем его в наши дни является премьер-министр Индира Ганди.

В развитии национальной экономики независимая Индия широко сотрудничает с Советским Союзом. О результатах этого сотрудничества красноречиво и убедительно говорят десятки промышленных объектов, построенных и строящихся в Индии с помощью Советского Союза. Яркими примерами плодотворности этого сотрудничества, его взаимовыгодности стали сегодня не только домны Бхилаи и Бокаро, нефтяные вышки Анклешвара и Камбея.

В прошлом году автору этих строк довелось побывать на заводе электронного оборудования в городе Хайдарабад.

Мы шли по просторным и светлым цехам, осматривали дома рабочих, инженеров и техников завода, а сопровождавшие нас индийские друзья рассказывали, что их завод производит контрольное оборудование для индийских атомных электростанций. В недалеком будущем в Индии будут работать четыре атомных электростанции.

«В недалеком будущем»... Этот рефрен присутствует почти во всех разговорах с индийцами, о чем бы ни зашла речь. Эта всеобщая, страстная устремленность в будущее, вера в него — пожалуй, то главное впечатление, которое уносишь от поездок в Индию, встреч с индийскими друзьями, от знакомства с жизнью этой великой страны и ее народа.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ли исполненыдружелюбия. Октябрь 1917 года внес в эти отношения новый, исключительно важный оттенок: классовое братство, ставшее одним из основных внешнеполитических принципов Страны Советов.

«У нас русская речь слышится особенно часто,— говорили Кабикову в чхонджинском клубе моряков.— Здесь это рабочий язык». Действительно, у причалов одновременно с «Профессором Ющенко» шла разгрузка другого советского судна — «Славянска». На строительстве новых корпусов металлургического завода работают инженеры и техники из СССР. Этот завод лишь один из 28 крупных объектов, сооружаемых или реконструируемых сейчас в Корее при советском участии, в добавление к пятидесяти, уже построенным.

На горе Комалсан, что возвышается над Чхонджином, находится кладбище краснофлотцев-освободителей. Как гласит надпись на надгробной плите, их пало здесь 176. На плите начертано: «Дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму». Глядя сверху на кварталы новых домов, выстроившихся вдоль лазурной кромки моря, на дымящие вдали трубы металлургического завода, бывалый моряк подумал, что все это и есть воплощение верности высеченной на граните клятве.

А. КРУШИНСКИЙ

Чхонджин — Москва.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ США

Игорь ТРОЯНОВСКИЙ

Джеральд Форд принес присягу в качестве 38-го президента Соединенных Штатов Америки. Осенью 1973 года Джеральд Форд был назначен вице-президентом США, оставив свой пост лидера республиканского меньшинства палаты представителей американского конгресса. Он сменил Спиро Агню, оказавшегося замешанным в финансовых махинациях. Теперь Дж. Форд, минуя перипетии избирательной борьбы, занял президентский кабинет в Белом доме в результате отставки Ричарда Никсона.

Неудачная попытка республиканцев установить подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии, обосновавшейся в отеле «Уотергейт» во время президентских выборов 1972 года, привела к целому водопаду (кстати, уотергейт по-английски означает водопад) отставок, судебных разбирательств и шумной кампании в прессе. Серьезной критике подвергалась администрация Никсона из-за ухудшающегося экономического положения в стране, роста инфляции, значительного удорожания жизни. Опросы общественного мнения показали, что большинство американцев осуждают внутреннюю политику Никсона.

Одновременно стали спекулировать на уотергейтском деле те, кто стремился любыми путями скомпрометировать внешнеполитический курс США. Противники разрядки в международных отношениях рьяно выступали против позитивных достижений в области улучшения советско-американских отношений. В канун своего последнего визита в Советский Союз президент Никсон буквально подвергся травле со стороны тех, кто мечтает о воскрешении времен «холодной войны». Такие деятели, как сенатор Джексон, а также ряд органов печати прямо требовали от Никсона отменить поездку в Советский Союз, заранее чернили возможную договоренность по актуальным вопросам современности как проявление его «слабости».

Ричарду Никсону после решения юридической комиссии палаты представителей предстояло разбирательство в конгрессе с целью импичмента, и в случае виновности президента — отстранение его от должности. По настоянию судебных властей Белый дом передал комиссии магнитофонные записи бесед Никсона со своими сотрудниками в отношении уотергейтского дела.

Объясняя мотивы своей отставки, Р. Никсон заявил: «После бесед, которые я имел с руководителями конгресса и с другими руководящими деятелями, я пришел к выводу, что из-за уотергейтского дела я, возможно, не буду располагать той опорой в конгрессе, которую я считаю необходимой для поддержки очень трудных решений и для выполнения президентских обязанностей так, как этого требуют интересы страны. Америка нуждается в президенте, отдающем все свое время исполнению прямых обязанностей, и то же самое справедливо и для конгресса, особенно сейчас, учитывая те проблемы, с которыми мы сталкиваемся здесь и за границей». Никсон подчеркнул, что с Советским Союзом установлены новые отношения, и призвал развивать их и расширять, чтобы эти две страны мира могли жить в условиях сотрудничества, а не противоборства.

В свою очередь, Дж. Форд после вступления в должность президента США заявил: «Я имел возможность наблюдать внешнюю политику, которая на протяжении последних пяти лет оказалась особенно успешной в смысле обеспечения мира для всех нас и, надеюсь, для остального мира. Эта политика, как я полагаю, может обеспечить мир в предстоящие месяцы и годы. Позвольте мне без всяких колебаний и оговорок отметить, что эта политика, которая позволила достичь мира и заложить основы для мира в будущем, поскольку это будет зависеть от меня, как президента Соединенных Штатов, будет продолжаться и впредь».

Американская пресса сейчас широко публикует высказывания руководящих деятелей как республиканской, так и демократической партии, в которых они подчеркивают свое желание сохранить преемственность внешнеполитического курса. Многие обозреватели отмечают в своих комментариях, что нынешний президент Дж. Форд всегда решительно поддерживал дипломатические акции своего предшественника и обладает большим государственным и политическим опытом для того, чтобы содействовать процессу разрядки. С удовлетворением было встречено сообщение о том, что один из творцов американской внешней политики, Генри Киссинджер, по личной просьбе нового президента остается на посту государственного секретаря США.

Советский Союз последовательно и твердо проводил и будет проводить впредь курс на дальнейшее улучшение советско-американских отношений, курс на то, чтобы сделать необратимым процесс разрядки международной напряженности.

На встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил:

«Мы хотим, чтобы советско-американские отношения стали по-настоящему стабильными, не зависели от конъюнктурных моментов. Мы за то, чтобы пользу от их дальнейшего развития получали и обе наши страны, и мир в целом».

КОРИФЕЙ РУССКОГО ПЕЙЗАЖА

Эльвира ПОПОВА

Пенсионер Петербургской Академии художеств Алексей Боголюбов в Риме недавно. Но в мастерской его множество этюдов, несколько картин. Однажды дверь отворилась, и вошел в мастерскую сам Александр Иванов. Посмотрел работы, поздравил с удачей. Мастер ушел тогда, забрав с собой «Вид Сорренто». Это была первая купленная у Боголюбова картина. Это было благословение, подобное тому, каким одарил однажды юного Пушкина Державин.

Путь Боголюбова в искусство был необычным. Он родился в 1824 году; всего шесть лет исполнилось будущему художнику, когда от ран, полученных еще в войне двенадцатого года, умер отец — полковник Петр Гаврилович Боголюбов. Двух сыновей — Алексея и Николая — воспитывала мать Фекла Александровна, родная дочь Радищева. Воспитывала в духе уважения к памяти их «крамольного» деда и свободомыслия, почерпнутого ею из сочинений Дидро и Вольтера. Сначала Алеша кадет Александровского, затем Морского кадетского корпуса. Мальчик был «отчаянной веселости и озорного нрава». Сам художник рассказывал: «Страсть к рисованию меня тоже губила, ибо я ударялся в часы досуга в карикатуры, что также умножало мои беды». Однажды он нарисовал карикатуру на ...экзаменационную комиссию. Это в николаевском военном учреждении! Чудом его простили — под честное слово, что не станет более рисовать карикатур, пока не наденет эполет. В январе 1841 года семнадцатилетний Боголюбов надел золотые эполеты мичмана русского флота. Начались заграничные плавания. Но страсть к искусству не выветрили соленые морские ветры. Едва заходил корабль в большой порт, спешил мичман в музеи — Лондона, Амстердама, Гарлема... И судьба отозвалась! В 1848 году на фрегате «Камчатка», где служил лейтенант Боголюбов, совершал путешествие к острову Мадейра президент Академии художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Он сказал увлеченному рисованием лейтенанту: «Заместо того, чтобы быть дюжинным офицером, будьте лучше хорошим морским художником, знатоком корабля, чего у нас нет в России». Совет этот президент подкрепил в Петербурге, добившись разрешения принять офицера в Академию художеств с оставлением во флоте, ибо иных средств, кроме тех, что давала служба, будущий художник не имел.

К новому, реалистическому искусству Боголюбов шел, не вырываясь из традиций академизма, без полемического запала. Академическая схема скрыла тогда от молодых художников смысл и величие живописных открытий Александра Иванова, сделавших эпоху в нашем искусстве. Один Боголюбов повторял, что Иванов не только «мастер рисунка самого строгого», «гениальной композиции», а великий реалист и что для русских художников долг «изучать его во всех отраслях с полною добросовестностью». Он безошибочно чувствует, где будущее родного искусства, и потому становится участником передвижных художественных выставок, членом Товарищества, сплотившего цвет талантов России.

Алексей Петрович Боголюбов оставил нам торжественно-документальные сцены морских сражений, воспевшие победы Петра, отвагу моряков Крыма, героизм русских солдат, сражавшихся за свободу Болгарии. Об этих полотнах не меньше историка искусства может рассказать военный историк.

Живописец показал нам и совершенно особенный Петербург. Уже не пушкинский град Петров, с державным течением Невы, но еще и не Петербург Достоевского и Блока — таинственный, фатальный. Пожалуй, по настроению запечатленный Боголюбовым легендарный город ближе всего к тургеневским описаниям русского пейзажа — спокойной, светлой человечностью, душевной чистотой, гармонией правды. Боголюбов редко заглядывает в глубины петербургских кварталов — пишет город издали. Намечает тонкий, графический силуэт за полноводной Невой с парящей над пространством золотой точкой купола Исаакия. Или, поместив у самой рамы уходящую за облака Адмиралтейскую иглу, зовет наше воображение продолжить стройные громады за краем холста. Дивимся мы мастерству, с каким написана панорама низких берегов — будто ниже вод морских, и думаем, что недавно все было здесь таким же и только на наших глазах вышел Ленинград к морю кварталами новостроек. Но если вглядеться — цвет и колорит этих мест все те же, боголюбовские. Чуткая кисть художника умела все это переносить на полотно. Он мог бесконечно варьировать; тон и цвет помогали ему выразить состояние и образ небольшого кусочка природы. Пишет этюд, и ни один мазок не ложится плоскостно — лепит струящееся, вечно вибрирующее живое пространство.

Юон говорил, что старые мастера писали предметы на фоне воздушной среды; импрессионисты, наоборот, писали воздушную среду на фоне предметов. Боголюбов же утверждал в нашей живописи реалистическое понимание пейзажа, которое ближе всего к правде. Он писал предметы в самой свето-воздушной среде, как живут они вокруг нас.

Из путешествий по великой Волге привез Боголюбов широкие, спокойно-задумчивые, как светлое воспоминание, картины-портреты волжских городов. Говорят, будто перегружены они «сухо трактованными деталями». Но почему-то щемит сердце, когда глядишь на эти «детали», ставшие историей. Боголюбов подчеркнуто объективен, личные переживания ему не так уж важны. И не из-за этой ли подчеркнутой объективности сдержанного военного человека теперь, через сто лет, наше воображение щедро и взволнованно наполняет боголюбовские образы России чувствами, памятью сердца, сложными ассоциациями людей XX века.

«Ипатьевский монастырь близ Костромы». Какая русская, овеянная певучей тишиной, грустным покоем картина! Забываешь о сильной, верной живописи, не думаешь о мелодичности колорита, собранного из тончайших цветовых нюансов — валеров. Перед тобой — Родина.

Нижний Новгород — в позолоте вечернего солнца, в густеющей дымке, пронизанной косыми лучами, запечатлен без прикрас. Москву Боголюбов пишет с Хамовнической набережной, у Волхонки, возле Голицынской больницы. И везде правда документальности, жизни слита с правдой эпохи — России середины ушедшего столетия.

Родной русский пейзаж... Чаще всего начинают его историю с саврасовских «Грачей». Но Саврасов и Боголюбов прожили долгую жизнь почти в одни и те же годы. И вместе открывали новую эпоху русского пейзажа. Ни одна боголюбовская баталия или видовой ландшафт не похожи на его печально-задумчивый «Пруд в Петровско-Разумовском», обласканную полдневным солнцем «Москву-реку у Звенигорода» или написанные во Франции «Лес в Вёле», «Ферму в Шамбодуане».

Есть в биографии Боголюбова факт, который имеет значение не меньшее, чем его живопись. «С тех пор,— писал современник еще о поре заграничного пенсионерства художника,— на всем, что он приобретал или что ему дарили по части предметов искусства и книг, немедленно появлялась метка: «Р. М.» — Радищевский музей.

«Мысль об учреждении музея и школы в родном моем городе Саратове меня всегда занимала»,— читаем мы в «Записках моряка-художника»— воспоминаниях Боголюбова. Внук Радищева «хотел оставить по себе память, возвышая втоптанное в грязь имя деда». «С другой стороны,— объяснял художник,— я всегда думал, что каждый гражданин в моих условиях обязан все свое имущество отдавать своей родине, дабы возвысить образовательное дело юношества». Прочтешь эту фразу — и припомнятся берущие за сердце слова Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала».

Собрать коллекцию оказалось много легче, чем отдать ее в дар России. Причина разъяснилась, когда Боголюбов обратился к Победоносцеву. «Дело хорошее, сказал мне Константин Петрович,— читаем мы в воспоминаниях художника.— Но действовать следует благоразумно... Не будь у Вас радищевского вопроса, конечно, его бы решили сейчас же». Итак, радищевский вопрос. Но для Боголюбова речь была не о благоразумии — о чести. И вместе с И. С. Тургеневым составил он ультиматум Саратовской думе: «...отдаю все мое художественное имущество городу... а ежели не хотят, то пойду искать счастья в другой уезд России». Ультиматум возымел действие. 29 июня 1885 года состоялось торжественное открытие первого в России провинциального общедоступного художественного музея. Ведь когда распахнулись его двери для простых людей, Третьяковская галерея была частным собранием. Долго в придворных кругах не могли смириться, что музей носит имя «бунтовщика». Но Боголюбов не посчитал дело жизни завершенным. Он хотел основать и рисовальную школу. 73-летний мастер просил, хлопотал, писал письма, но умер, не дождавшись осуществления своей мечты. Училище открылось через три месяца после смерти его создателя.

...За гробом Боголюбова шли рядом Репин и студент училища Штиглица Петров-Водкин, старавшийся идти как можно ближе к Илье Ефимовичу. Кто-то заговорил с мастером, и молодой художник услышал ответ: «Да, знаете, умирают корифеи русского искусства!»

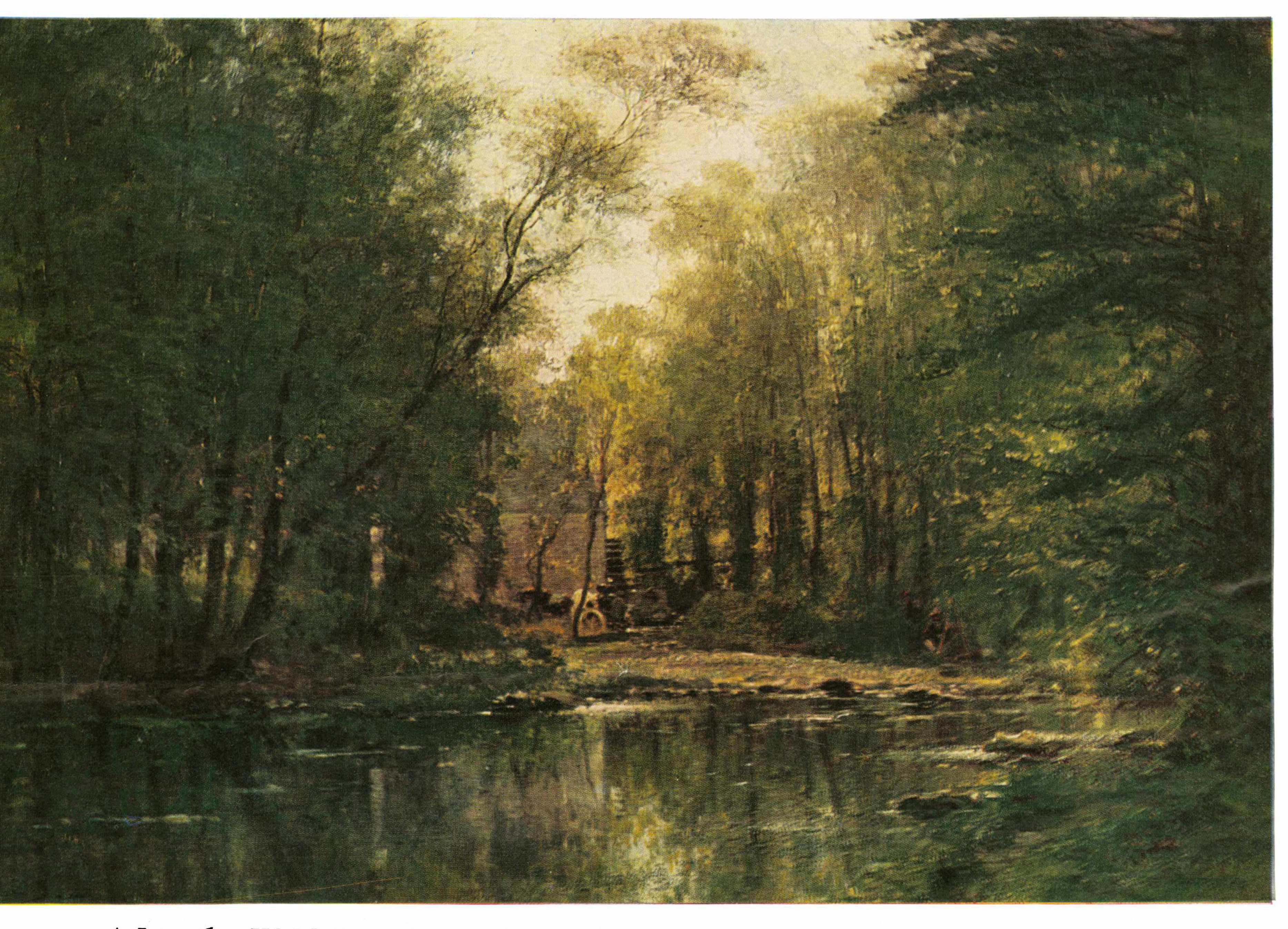
Хранятся в залах музеев картины, под которыми стоит имя: А. П. Боголюбов. И глядя на них, невольно вспоминаешь, что есть сегодня в советском городе Саратове музей, уже девять десятилетий носящий имя Радищева, который саратовцы гордо называют своим Эрмитажем. Сейчас здесь праздник — юбилейная экспозиция, посвященная 150-летию со дня рождения этого прекрасного русского художника.

А. Боголюбов (1824—1896). ВИД С ЛЕБЯЖЬЕЙ КАНАВКИ НА МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК В ПЕТЕРБУРГЕ.

Государственный Русский музей.

УСТЬЕ НЕВЫ. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Боголюбов. ЛЕС В ВЕЛЕ. НОРМАНДИЯ. 1871.

Государственная Третьяковская галерея.

ГЕРОИ ПЯТИЛЕТКИ

В РОЩЕ БЕЛОНОГОЙ

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото М. САВИНА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Николай Павлович Поляков выключил станок и как-то бесшабашно улыбнулся:

— Все, на сегодня хватит! Моя норма — две нормы. А я так увлекся, что взялся за третью.

Когда мы вышли за ворота завода, Николай Павлович вдруг разбежался, перепрыгнул лужу, перескочил через канаву, поддел консервную банку и вприпрыжку зашагал в сторону рощицы.

— День-то какой, а! — на ходу воскликнул он.— Лето! До чего же я его люблю! А еще больше — весну-голубушку. Особенно когда зеленя из-под земли ударят да ручьи сломя голову помчатся к Оке. Эх, жизнь городская! Ничего-то мы здесь не видим, топчемся по асфальту... Я ведь крестьянский сын, до восемнадцати лет жил в деревне.

Николай Павлович споткнулся на изумрудной полянке, присел, шероховатыми ладонями, привыкшими к металлу, погладил шелковистые травинки, и вдруг я услышал:

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

— Я ведь, можно сказать, земляк Есенина,— с гордостью заявил он.— Мое родное Чешуево в пяти километрах от Константинова. Так что босоногим я бегал по тем же тропкам. А места у нас! Да что там говорить, о них все сказано Есениным... Жаль, конечно, что учиться не пришлось,— вздохнул Николай Павлович.— Семилетку заканчивал во время войны. В сорок четвертом призвали в армию. После демобилизации работал в колхозе, потом кочегаром на паровозе, а с пятьдесят второго — на Рязанском станкостроительном заводе. Но поэзию люблю, особенно Есенина... До смешного доходит. Стою иной раз у станка, посматриваю, чтоб он не баловал, а сам шевелю губами. Друзья потом в шутку спрашивают: «Ругаешь кого или таблицу умножения повторяешь?» Не признаюсь, конечно, говорю, что вслух проверяю расчеты рацпредложения... Вот и рощица белоногая. Ну как ее не любить! «Зеленая прическа, девическая грудь, о тонкая березка, что загляделась в пруд?»

И вдруг без всякого перехода спросил:

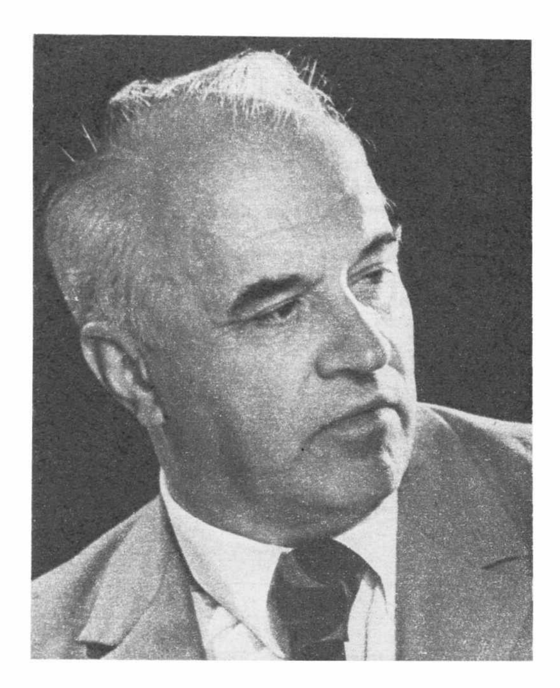
— Видели мой станок? Старенький, да? Маленький? Между прочим, я работаю на нем уже семнадцать лет. А сколько он служил до этого?.. Поистерлось в нем все, поизносилось. Да и врет старик безбожно: «сотка» туда-сюда для него норма. Но я-то знаю, когда его остановить, чтобы деталь получилась тютелька в тютельку. Никто другой с моим стариком работать не может — это уж факт. Хорошие мастера пробовали чуть ли не на пари: исправненько выдавали брак и бежали куда подальше. Со мной тоже анекдот вышел. Я ведь не ведал, что меня к высокой награде представили, а начальство, само собой, знало. Вызывает меня как-то начальник цеха и говорит: «Не пора ли тебе, товарищ Поляков, перейти на новый станок? Получили на днях совсем новенький «гигант». Будешь растачивать крупногабаритные детали, а то всю жизнь возишься с мелкотой. Надоело, поди?» Чую: неспроста обхаживает начальник, что-то за этим кроется. Сам же неделю назад просил подготовить ученика, а то, мол, стоит мне уехать в отпуск или заболеть, как цех в прорыве: я ведь один расточник на весь цех, так что в каждом серийном станке есть мой труд. «Нет,— говорю,— я со своим старичком не расстанусь. Придет время, вместе и на пенсию выйдем».

Потом все разъяснилось. Когда мне присвоили звание Героя Социалистического Труда, в цех стали люди приходить, поздравлять. Начальнику цеха, конечно, неловко, так сказать, передовик, а работает на таком неказистом станочке. А я думаю: ничего, старик еще послужит, он у меня молодчага.

Николай Павлович помолчал, виновато улыбнулся и сказал:

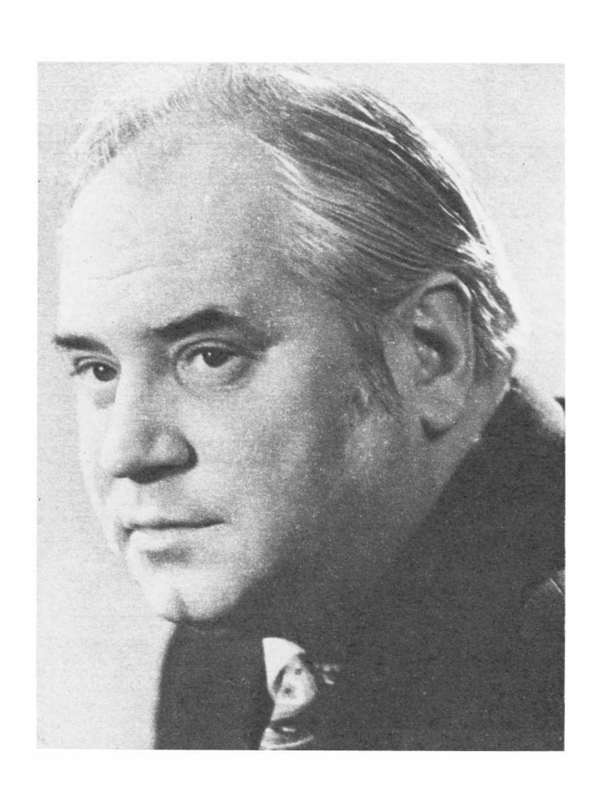
— Растекся я мыслию по древу, запутал вас: станки, березы, цветы — все свалил в одну кучу. А сказать-то хотел об очень важном: о верности и любви. О любви к родному краю, к природе нашей русской, о верности этой земле, о долге рабочего человека. Заговорил я об этом вот почему: как члену парткома завода и горкома партии мне часто приходится беседовать с молодыми рабочими, которые «летают» с завода на завод. На первый взгляд кажется, что они ищут, где можно поменьше работать и побольше заработать. А поговоришь с парнями, копнешь поглубже — и в девяти случаях из десяти окажется, что они просто-напросто неудовлетворены работой. Ведь почти все ребята после десятилетки, а потом еще и ГПТУ кончали, естественно, им хочется работать не по принципу «подними да брось», а, как говорится, мозгами шевелить.

Стоит поставить парня на ответственную операцию, скажем, обрабатывать детали для станков с числовым программным управлением, и все приходит в норму. Смотришь, увлекся новым делом и готов все трудности одолеть. Таких у нас сотни. Только к каждому нужен свой подход, свой ключ. Найти его — одна из главных задач ветеранов. Ведь подобрали же когда-то такой ключ ко мне, а я, между прочим, в свое время не был пай-мальчиком. Выходит, и мой долг — помочь стать на ноги молодым. А это значит — воспитать любовь не только к своей профессии и своему заводу, но и к своему краю, своей Родине, чтобы каждый мог сказать о себе словами Есенина: «А в сердце светит Русь».

ДИАЛОГ ВЕДУТ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель,
искусств РСФСР,
главный редактор
журнала «Театральная жизнь»,
и
Игорь ГОРБАЧЕВ,
народный артист СССР,
председатель
художественной коллегии
Ленинградского
государственного
академического
театра драмы
имени А. С. Пушкина.

ДЛЯ ЧЕГО МЫ?

Ю. ЗУБКОВ. Советский театр, как и вся наша жизнь, находится в постоянном движении. Это естественно. Особенно для театров, глубоко понимающих свою ответственную роль в показе главных, передовых событий и явлений действительности. Хорошо зная творческую практику столичных и так называемых периферийных (хотя это весьма условное понятие) театров, их сильные и слабые стороны, я все же не могу сказать, что все сейчас в нашем театральном искусстве идеально. Более всего тревожит меня в наших театральных буднях — и тревожит уже в ряде случаев не первый год — некоторое снижение подлинных художественных критериев. Вокруг тех или иных имен и даже целых сценических коллективов порой создаются шумные, но далеко не всегда заслуженные репутации. Мы все свидетели того, что бывает и так: ставится пьеса, нашпигованная высказываниями, позволяющими двойственно судить о нашей действительности. Но уже задолго до премьеры с поразительной быстротой распространяется мнение: остро, смело, талантливо! Или берется классическое произведение — ради приспособления к «злобе дня», к тому же нередко понимаемой односторонне,— и подвергается режиссером такой «хирургической» обработке, что автор, восстань он из гроба, не узнал бы ни своих героев, ни своих мыслей. А молва уже шумит о смелости и талантливости... Режиссер, конечно, ходит в гениях, чему порой немало способствуют его собственные «сенсационные» выступления. Театр «выплывает» на гребень «моды», а чающие узнать, что это за чудо такое, толпятся у входа за «лишними билетиками»...

И. ГОРБАЧЕВ. То, с чего начали вы, Юрий Александрович, наш разговор, глубоко волнует и меня. Думая о процессах, происходящих сегодня в искусстве, о себе и своих товарищах на сцене, я часто задаю себе вопрос: **ДЛЯ ЧЕГО МЫ!!** Убежден, что без ясного, четкого ответа на этот вопрос наша жизнь в искусстве лишается смысла. Не понимаю и не принимаю режиссера, который гордится тем, что он своим спектаклем «вмазал» нашей действительности. Да кому «вмазал»-то? Себе же и «вмазал», как члену нашего общества. Мне кажется, что это недостойно нынешнего дня, той глубоко доброжелательной, благотворной атмосферы, в которой мы все живем. Любой спектакль примет наше общество, самый острый, самый крутой, если в результате у зрителей возникают положительные эмоции, если им хочется жить и работать, совершенствовать действительность. Моя концепция современного человека очень проста: чем ярче светит солнце, тем лучше видны плесень и гниль... Конечно, еще встречаются в нашей жизни равнодушие и стяжательство, бюрократизм и черствость. Все это тоже входит в понятие «правда жизни», но отнюдь не исчерпывает ее! Обличать мы обязаны, **утверждая** нашу действительность, а не отрицая ее. Не забывая ни на минуту, что с дурным борется все наше общество. Когда же я смотрю в театре некоторые пьесы, то не понимаю, ради чего они бывают поставлены. И не в личных симпатиях и антипатиях суть. Рассуждения типа: я — за того-то писателя или за такую-то группу писателей — вредны. Написал «тот» писатель талантливую, жизнеутверждающую пьесу — я ее беру. Написал «этот» — также беру!.. А если плохо написали оба — не возьму ни ту, ни другую.

Ю. ЗУБКОВ. Мне много приходится ездить по стране. Порою, приезжая в тот или иной театр, слышишь от его руководителей, пытающихся оправдать включение в репертуар пьесы, сомнительной по своему содержанию, сбивчивой по мыслям, такие слова: она не вредная!.. Странная формулировка!.. Пьеса и спектакль либо содействуют коммунистическому воспитанию людей, либо они, вне зависимости от субъективных желаний и намерений автора и режиссера, пропагандируют взгляды, чуждые нам. «Ничейной полосы» тут не бывает и быть не может! Думаю, что и главный режиссер и директор театра великолепно это понимают, но боязнь отстать от «моды», прослыть в глазах «модников» ретроградами заставляет их порой идти на компромисс с собственной совестью, забывать о том, что театр — дело серьезное и любая игра в поддавки здесь неуместна. Попытки же «самовыявления» и «самоутверждения» в искусстве, вне ответа на тот главный вопрос, который сформулирован вами, Игорь Олегович,— **для чего мы,** попытки любой ценой объявить себя новаторами и при жизни зачислить в классики, всегда несостоятельны. Новаторов и классиков, как однажды справедливо сказал Леонид Максимович Леонов, определяют потомки...

И. ГОРБАЧЕВ. Современником тоже **надо** быть, а не только объявлять себя им! Ведь и Черчилль был вроде наш современник. И Даллес был... На самом же деле это только люди, которые жили в одно время с нами. А современник — это человек, который чувствует главное направление века, пути движения человечества к прогрессу, разделяет с нами высшие идеалы времени и яростно идет за них в бой... Как актер, режиссер, я страстно хочу быть современником нашего народа! В этом — и только в этом — я вижу свое художническое призвание. Всей душой ненавижу я пошлость и равнодушие, безразличие и позу, казенщину и конъюнктуру. И люблю добрых людей. Но добрых, а не добреньких. Глубоко убежден, что добро должно всегда быть с кулаками. Потому-то и бросаюсь в атаку за доброту, против пошляков, против зазнавшихся людей, которые порой берут на себя смелость говорить от имени всего нашего искусства. Меня их претензии не устраивают, так же, впрочем, как и их спектакли.

Мы все знаем художников, которые имеют право говорить от имени нашего искусства,— они обрели это право своим творчеством! Ни-

колай Симонов, Юрий Толубеев, Николай Черкасов... Их творчество всегда было примером гражданственности, коммунистической партийности. Почему с такой громадной художественной силой играл Черкасов? Только ли потому, что был гениальным артистом? Нет! Он **так** играл еще и потому, что он **так жил.** Во всю силу души! Обладал глубочайшей идейной убежденностью. Был настоящим коммунистом и настоящим патриотом. Когда Черкасов в спектакле «Все остается людям» играл страстного бойца, академика Дронова,— у него по лицу текли слезы. Ненавидя казенщину и формализм, он всегда выступал в защиту человеческого достоинства, интересов нашего общества.

Ю. ЗУБКОВ. У нас в последние годы много говорят о личности художника. Но трудно, на мой взгляд, разглядеть личность в человеке, который лишь брюзжит по поводу недостатков и трудностей, встречающихся в действительности. Художника делает личностью прежде всего стремление **утвердить** главные тенденции времени, способствовать устранению неполадок и недочетов. Как здесь не вспомнить мудрые горьковские слова о «точке зрения» и «кочке зрения». Находясь на «кочке», многого не увидишь. И как ни старайся, личностью не станешь.

И. ГОРБАЧЕВ. Да, «кочка» не дает возможности делать широкие и глубокие обобщения, мыслить глобально — масштабами времени, масштабами планеты... Миролюбивая политика нашей державы направлена на то, чтобы решать спорные вопросы с капиталистическими странами за столом переговоров, а не на поле брани. На то, чтобы люди на земном шаре могли спокойно жить, дышать, думать, чтобы мир был необратим! Однако разрядка напряженности вовсе не исключает острой идеологической борьбы с капитализмом и империализмом, а, напротив, предполагает ее усиление, ее более сложные и тонкие формы... Мне бывает грустно и горько, когда мы, артисты и режиссеры, писатели, деятели культуры, порой замыкаемся в своей узкопрофессиональной сфере, забывая о главном: **для чего, во имя чего мы живем в искусстве...** Почему занимаемся именно искусством, а не каким-либо другим общественно полезным делом.

Ю. ЗУБКОВ. Вот мы снова возвращаемся к тому, с чего начали разговор,— к проблеме высоких критериев, к вопросам мастерства, к вопросу — для чего мы... Путь художника к зрелости всегда многотруден и долог. Между популярностью молодого актера, сыгравшего первую роль в кино или на голубом экране, и настоящим мастером — дистанция огромного размера.

И. ГОРБАЧЕВ. Безусловно. А ведь есть люди, которые наивно полагают, что мастером актер может стать чуть ли не в двадцать лет. Проявить талантливость, даже гениальность можно, вероятно, и в семнадцать. Но мастерство, включающее в себя идейную и жизненную зрелость художника, обретается с годами, упорным трудом.

Ю. ЗУБКОВ. Полностью согласен! И вместе с тем думаю: а не упрекнут ли нас в том, что мы-де недооцениваем молодежь, ее творческие возможности... В других-то отраслях человеческой деятельности мастерство приходит раньше, и звание мастера присваивается вне зависимости от возрастного ценза...

И. ГОРБАЧЕВ. Да разве о цензе идет речь! Речь идет о все более глубоком познании жизни и человека. Овладеть машиной, научиться ею управлять все же, простите меня, гораздо проще, нежели проникнуть в глубины человеческого духа, в психологию, постигнуть процессы развития общества. Это не значит, что я недооцениваю другие профессии, другие области человеческой деятельности. И там мастерство — результат огромного, кропотливого труда. Просто я говорю об особенностях, о специфике нашей профессии. Позволю себе привести один пример. Вот вы, Юрий Александрович, несколько лет назад высоко оценили спектакль театра «Современник» «На дне». А мы смотрели (я был на спектакле вместе с некоторыми своими товарищами по театру) и думали иначе. Да, в спектакле есть простота, есть узнаваемость. Но нет главного. Нет того, что я бы назвал **величественным обобщением.** Тем обобщением, которое давал Симонов, играя Сатина, или Толубеев в роли Бубнова, либо Екатерининский, раскрывающий в Костылеве сгусток злобного мещанства и человеконенавистничества... Я могу понять японцев, которые просили нас привезти этот спектакль в Токио. Они увидели не просто «узнаваемость» жизни, а проникновение в сущность характера, типа, образа. Увидели глубокую философскую мысль... Как видите, есть весьма заметные различия между нашей постановкой «На дне» (а также старой, мхатовской) и тем, что мы увидели на сцене театра «Современник».

Ю. ЗУБКОВ. Я поддержал несколько лет тому назад спектакль театра «Современник» потому, что, на мой взгляд, встреча с большой драматургией дала молодым — тогда молодым — актерам многие возможности поиска в области перевоплощения, позволила им раскрыться в новом качестве... Но, разумеется, если сопоставить ваших огромных мастеров и способных, даже талантливых актеров «Современника», то ясно, в чью пользу будет сопоставление!.. И все же я за то, чтобы молодые талантливые коллективы обращались к таким шедеврам, как пьеса «На дне»... **Новое** всегда связано с отказом от **привычного.** Однако далеко не всегда **непохожесть** на знакомое означает дальнейший шаг вперед по сравнению со знакомым. А потом, можно ли говорить о «знакомом» в связи с творчеством великих мастеров сцены?.. Творчество актера всегда сиюминутно, и сегодняшний спектакль всегда отличен от вчерашнего, всегда содержит в себе неожиданное.

И. ГОРБАЧЕВ. Я уважаю и ценю талантливых актеров «Современника», с интересом отношусь к поискам этого театра. Но когда сейчас слышу порой о «знаменах», под которыми собрались 17—18 лет назад зачинатели этого театра, то у меня это вызывает некоторое недоумение. Что за знамена? — спрашиваю я. Ведь известно, новые знамена поднял Станиславский! А «Современник», если хотите, стал под знамена Станиславского, стремясь преодолеть штампы, рутину...

Ю. ЗУБКОВ. Вы правы! Сила спектаклей «Современника», их манкость для зрителя состоят прежде всего в их житейской достоверности. Театр высвечивает грани повседневной жизни своего молодого современника и делает это ненавязчиво, талантливо. Но, к сожалению, выбор репертуара порой подводит коллектив... Возьмите хотя бы пьесу «Валентин и Валентина». Выражают ли пьеса и спектакль семидесятые годы нашей страны так, как, скажем, выражает тридцатые годы афиногеновская «Машенька»? Внешне камерная пьеса о первой любви и первых разочарованиях, «Машенька» пронизана героическим воздухом первых пятилеток, а ведь они, казалось бы, ни одним словом в ней и не упоминаются! Вот я и спрашиваю: достоверность — это много или мало?..

И. ГОРБАЧЕВ. Без достоверности, узнаваемости не вызовешь у зрителя доверия. Однако это только лишь начальная стадия взаимоотношений драматурга, театра и зрителя. Оставаться на сцене самим собой — еще не значит создать образ, проявить мастерство, зрелость... Достоверности мы добиваемся уже от студентов первого курса института... Зрелость мастерства неотделима от идеологической зрелости художника, от ясности и содержательности его гражданских, партийных позиций. Недаром в актерской среде говорят: наша технология — это наша идеология!

Ю. ЗУБКОВ. Проблема перевоплощения — это, на мой взгляд, не только и не столько проблема технологическая, сколько идеологическая: от способности актера к перевоплощению зависят творческий диапазон, широта отображения современной жизни, страстность и значительность мысли...

И. ГОРБАЧЕВ. Станиславский учит: надо идти к образу от себя. Что здесь важно? Не только слова: **от себя,** но — **идти.** И непременно идти **к образу.** Проблема перевоплощения для меня, как актера,— главная проблема. Но если перевоплощение понимать лишь как умение выйти на сцену так, чтобы тебя не узнали,— такое перевоплощение мне не нужно! Не в том состоит перевоплощение, чтобы наклеить нос и прилепить бороду. Перевоплощение — это овладение поступками героя, его характером, взаимоотношениями с действительностью, с другими людьми... В конечном счете это — проявление **моей позиции.** Моего отношения к персонажу, которого я играю, к данному человеческому типу... Если говорить откровенно, то я мечтаю о театре, где бы зритель видел после того, как откроется занавес, труппу, сидящую на сцене, в креслах. Все — во фраках. У каждого — роль. Выходит, подобно дирижеру, режиссер. Свет, музыка... Режиссер начинает спектакль... Актер должен уметь так разнообразить диалог ритмически, что зрители должны безусловно поверить в подлинность человека, которого он играет.

Ю. ЗУБКОВ. То, что вы сейчас говорите, снова и снова возвращает нас к разговору о критериях творчества, мастерства актера. О тех требованиях, которые мы к нему предъявляем как к художнику, гражданину, и чем в конечном счете довольствуемся сами, на чем, так сказать, успокаиваемся... Есть и еще один аспект разговора: толкование такой важнейшей эстетической категории, как положительный герой... Антон Павлович Чехов в некрологе, посвященном известному русскому путешественнику Пржевальскому, писал о воспитательной, облагораживающей силе положительного героя в искусстве и особенно в жизни. Но сегодня — не в погоне ли все за той же достоверностью как самоцелью,— объявляя бой сложившемуся штампу положительного героя (высок, плечист, обаятелен), создают штамп противоположный. Героя, которому автор доверил самые благородные поступки и высокие мысли, играют человеком низеньким, толстым, с невыразительным лицом, а то и косноязычным...

И. ГОРБАЧЕВ. Тут я снова могу вспомнить наш театр. Правда, уже в иной плоскости. В постановке «Вишневый сад» был выбран на роль Пети Трофимова актер с «отрицательным обаянием». И в конце концов Петю превратили в болтуна. А Чехов уже вывел в пьесе одного болтуна — Гаева, второй ему был не нужен. Петя не болтун! Он просто не может высказать всего, что думает и что делает. Сам Чехов в одном из писем говорил об этом, указывая на постоянные скитания Пети, на то, что его повсюду ищет полиция. Может быть, даже здесь, в усадьбе Раневской, Петя скрывается от преследований. Если он и смешон — своими нелепыми очками, рваными калошами, то «смешон», как Дон Кихот!.. Ведь в чем суть главного конфликта пьесы? Высокие идеалы Пети сталкиваются с меркантилизмом и практической деловитостью Лопахина. Зачем Чехову нужен четвертый акт? Ведь все уже кончено, сад продан. Для разоблачения (вероятно, не то слово!) Лопахина, для которого деньги — главная ценность. Он предлагает деньги Пете, а тот не берет, говорит, что все практические расчеты и планы Лопахина — ерунда, лишены смысла. И в этом трагедия Лопахина. А смешной Гаев с его монологом, обращенным к книжному шкафу, оказывается на поверку выше, тоньше Лопахина, приказавшего рубить сад, когда хозяева еще не уехали. Все это осталось за рамками нашего спектакля, и в этом наш просчет. А результат — на чеховском спектакле никто у нас не плачет, не радуется. Зрительный зал равнодушен.

Ю. ЗУБКОВ. Как же взаимосвязаны между собою все проблемы жизни театра, театральной эстетики! Разговор о критериях, тревога по поводу их размывания привели нас к проблемам достоверности положительного героя. А эти проблемы, в свою очередь, побуждают к раздумьям о режиссере как истолкователе пьесы, ее философского смысла, создателе целостной концепции будущего спектакля.

И. ГОРБАЧЕВ. Нередко приходится слышать сегодня такие слова: мы живем в век покорения космоса, научно-технической революции и... режиссуры. Роль режиссера как истолкователя пьесы, организатора спектакля и в самом деле по сравнению с прошлым веком неизмеримо выросла. Однако состояние режиссуры, глубина режиссерской мысли, умение выразить авторский замысел через актера — все это не может не вызывать большой озабоченности.

Ю. ЗУБКОВ. Обратили ли вы внимание на корреспонденцию из Омска, напечатанную не очень давно в «Советской культуре»? Пришел в Театр юного зрителя новый главный режиссер. «Будем строить европейский театр»,— декларировал он. А оказалось, что спектакли он ставит слабые, коллектив сплотить не в состоянии. Пришлось с ним расстаться. Вот вам и «европейский театр»! И кстати, что это за театр? Каково его соотношение с нашим театром — театром социалистического реализма? Не оборачиваются ли подобные пышные декларации чаще всего идейной и художественной несостоятельностью?.. Сколько коллективов сегодня, хотя бы в одной только России, утратили свою былую славу?! Всегда славившиеся как театральные, иные города вдруг стали «нетеатральными». Причиной же тому — низкий уровень режиссуры, частая сменяемость режиссеров — и очередных и особенно главных. Актеры же там работают крупные, мастера, и молодняк вырастает перспективный... И не главная ли вина здесь театральных институтов, уровень идеологического, творческого и эстетического воспитания будущих режиссеров?

И. ГОРБАЧЕВ. В нашем разговоре уровень режиссуры — это проблема проблем, к которой мы шли, так сказать, неотвратимо и естественно. Чем рождается озабоченность? Попытками иных режиссеров утвердить свой приоритет! Сегодня часто видишь, а еще чаще слышишь, что режиссер смотрит на пьесу, актера, музыку к спектаклю, декорации как на «материал», из которого он, автор спектакля, создает художественное произведение. На здоровье, пусть он — автор спектакля! Но — спектакля, а не пьесы! Пьеса прежде всего рождается на столе драматурга, а затем в театре, и это, конечно, при том условии, что должны быть оригинальная пьеса и авторская индивидуальность. Актер же для самого сверхгениального режиссера не материал, не глина, а **сотворец.** Только в равноправной триаде: автор — режиссер — актер — может родиться действительно значительное произведение театрального искусства.

История театра знает отличные спектакли без режиссера. Была — пусть даже слабая — пьеса, но выходили на сцену, скажем, великие наши актеры — Константин Александрович Варламов и Владимир Николаевич Давыдов и так играли, так чувствовали друг друга, взаимоотношения персонажей, события, что зал отвечал овацией. История театра знает гениальные спектакли, разыгранные гениальными актерами на основе гениальной пьесы. А вот без талантливого актера-мастера я не припомню сколько-нибудь значительного спектакля! Какие бы претензии ни высказывал тот или иной режиссер, театр жив в первую очередь актером. Ради рождения на сцене образа человека, живого и полнокровного характера и приходит зритель в театр, и ведь он тоже сотворец! И каждый спектакль для него — нравственное и эмоциональное открытие.

Ю. ЗУБКОВ. Очень справедливы ваши слова, Игорь Олегович! Вспомните, как Белинский призывал своих современников: о, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете! Вероятно, это естественная эмоциональная температура зрительного зала на все времена! И сколько ни говорили бы сегодня о рационалистичности современного человека, о его сдержанности,— ценность всех этих суждений, на мой взгляд, весьма относительна. Не беднее современный человек чувствами, чем его отцы и деды! Сдержанность? Было бы что сдерживать! Да и чем больше сдерживать напор чувств, тем сильнее, неистовее прорвутся они в конце концов. И не представляют ли подобные ссылки на «рационалистичность», «сдержанность» современного зрителя своеобразных попыток оправдать прохладную температуру творчества иных художников и иных театров? Слушая и читая высказывания некоторых режиссеров об их приоритете перед писателем и актером, снова вспоминаешь Станиславского, призывавшего художников любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Можно ли серьезно говорить о любви к искусству, о глубоком понимании его общественного назначения, если режиссер более всего озабочен тем, чтобы его заметил зритель? Заметил и воскликнул: как это интересно, как талантливо!..

И. ГОРБАЧЕВ. «Как интересно», «как талантливо», «как здорово поставлено»! По-моему, это верный признак того, что спектакль как целостное явление искусства не захватывает зрителей, и они начинают удивляться частностям. Я, как актер, нахожусь уже в том возрасте, когда мне стыдно работать какими-то «верняковыми», как говорят, приемами либо приемами, эпатирующими зрителя,— лишь бы обратить на себя внимание, вызвать аплодисменты и восклицания: «Как здорово!» И очень мне грустно бывает, когда некоторые, даже очень хорошие режиссеры или актеры оказываются рабами своего тщеславия, мелочно стремятся к популярности, к признанию у некоей «избранной» публики, которую порой составляют они сами и им подобные, ну, и, уж конечно, их родственники и хорошие знакомые... Вряд ли найдется человек, который будет отрицать ведущую роль режиссера в современном театре. Важно только, чтобы режиссеры всегда были достойны роли, предназначенной им временем, задачами и самим характером нашего искусства.

Ю. ЗУБКОВ. Ну, что же, Игорь Олегович, наверное, нам пора подвести некоторые итоги. На мой взгляд, главное, к чему мы пришли,— это, с одной стороны, мысль о неразрывности всех творческих проблем жизни современного театра, а с другой — мысль о неотделимости идейно-художественной стороны этой жизни от стороны этической. Тут самое время вспомнить о критике, о ее месте и роли в развитии художественного процесса и формировании конечных его результатов. Выступая в июне этого года на встрече с избирателями, Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Леонид Ильич Брежнев отметил, что «зрители, читатели, слушатели становятся все более требовательными. Страна ждет от писателей и всех работников советского искусства новых высокохудожественных, капитальных по содержанию произведений о наших современниках... Мы хотим, чтобы в демократической, взыскательной, товарищеской атмосфере приумножались духовные ценности, столь необходимые народу, строящему коммунизм».

Думается, что демократическая, товарищеская атмосфера в искусстве предусматривает прежде всего взаимное уважение художника и критики, такт и бережность со стороны критики, способность художника эту критику воспринимать, извлекая из нее все полезное и ценное для себя. Перед нашим искусством, перед каждым художником стоит задача утверждения социалистического образа жизни, преимуществ советского строя, душевной, нравственной красоты людей, созидающих новый мир. Решение этих задач является важным условием создания произведений глубоких, значительных и по форме и по содержанию.

Известная малагасийская писательница Кларисс Андриамампандри Рацифандрихаманана родилась в небольшом городке на восточном берегу Мадагаскара в 1926 году в семье врача. Стихи начала писать в 1950 году. Сейчас она автор многих романов, рассказов, стихов, пьес. Преподает малагасийский язык в колледже, является муниципальным советником города Антананариву — столицы Малагасийской Республики. Кларисс Рацифандрихаманана — мать семи детей.

Это первая подборка ее стихов на русском языке.

Я — ЧЕРНАЯ

Черная ли ночь сделала мою кожу такой черной,
Чтоб увеличить мои страдания?
Или это от корзинок с навозом,
Что я каждый день носила на голове?

Я вижу сквозь свои лохмотья:
Я — черная,
Кожа моя черна.

Мою душу хотели купить за франки,
Чтобы вечной тенью
Преследовал меня страх.
И я страдаю от этого.

Я — черная. Надо мной издеваются без конца,
И это причиняет мне боль.

В моих жилах, как и у всех,
Течет красная кровь,
У меня чувствительная кожа, живые нервы
И стройное тело,
Но я — черная...

Передо мной закрываются двери домов,
Куда я хочу войти:
Я — черная.

Сильные отобрали у меня дом,
Захватили мою землю
И все, что мне было дорого,—
И печален стал мотив моих песен.

Я — черная... О мама!
Когда ты зачала меня,
Когда ты произвела меня на свет,
Знала ли ты, как тяжело мне будет?

Я вижу сквозь свои лохмотья:
Я — черная,
Кожа моя черна.

Кларисс Андриамампандри
РАЦИФАНДРИХАМАНАНА

Моя Африка

БЕСЕДА ПОД КРЫШЕЙ ДОМА

Где мои соседи справа? Они не встали еще?
И у них еще дверь, кажется, закрыта,
До сих пор не горит очаг —
Хотя день уже начался,
Еще не варили, наверно, рис на завтрак,
Еще не жарили крабов?

Почему соседи слева не идут с лопатами на плече?
Почему брошены их сломанные лопаты?
Почему не видно их в поле,
А ведь уже позднее утро?
Не подготовили почву,
Не заготовили семена?

Где соседи, живущие напротив?
Почему не плетут новые корзины,
Чтобы ссыпать в них зерно?
Разве сейчас не пора сбора урожая?

Где соседи, живущие сзади?
Почему они не спешат на рынок,
А их сын бегает в рваной одежде?
Почему они не шьют шерстяные одеяла,
Не готовят пряжу,
Хотя время приближается к зиме?

Может, вы думаете, что
Соседям справа нравится не зажигать огонь
И не варить рис на обед?
А соседям слева не нравится пахать землю,
Чтобы попусту тратить время весной?
Или соседи, живущие сзади, не хотят плести корзины?
Или им лень ткать
И крутить веретено?
Может, им нравится ложиться спать голодными?
Нет!..
Они это не делают потому,
Что у них ничего нет.

Я ВИЖУ

Я вижу огромные храмы,
с гордо высящимися колокольнями,
Я вижу также великолепные церкви.
А рядом с ними
Маленькие лачуги, без огня, холодные.
Дома, где ютятся дети,
скорчившиеся от холода,
Голодные, истощенные.

Я разделила бы богатства этих храмов,
Чтобы прикрыть закоченевшие
тела дрожащих детей.
Я разделила бы имущество церквей,
Чтобы обуть раздетых детей!

СЛОВО

Это слово и сквозь черную ночь
Сверкает, как звезда.
Страх и тревога уходят прочь,
Когда оно пишется большими буквами.
Оно приводит в ужас богача
И нищего поднимает на борьбу
за свои права
А умирающий от ран воин
Кровью выводит слово:
«Свобода!»

ДЛЯ ЧЕГО МНЕ СВОБОДА, ЕСЛИ...

Для чего мне свобода,
если она дана мне одной,
Неужели я буду плясать от радости,
Когда другие умирают от голода и ран,
Страдают от нестерпимой боли
И в отчаянии призывают к отмщению?
Для чего мне свобода, если рядом
Трудятся в поте лица, чтобы заработать
себе на хлеб
Под палящим солнцем? А скудость их пищи
Кажется насмешкой над их тяжким трудом.

Для чего мне свобода, если
есть несчастные?
Все, что я пишу, мне кажется
бессмысленным,
Если рядом страдают от рабства
И я не в силах им помочь.
Для чего мне свобода, если все еще
Потоки крови заливают эту землю?
А тех, кто встает на защиту отчизны,
Называют мятежниками.

Для чего мне свобода,
если я не могу писать
О радости,
Переполняющей сердца людей,
Живущих свободно и в мире?..

* * *

Если над нашим темным небом
Вспыхнул луч солнца,
Если стало возможным уменьшить
Страдания несчастных,
Если слова «свобода» и «борьба»
Зовут людей вперед,
Это потому, что были люди,
Имена которых теперь знают все,
Которые боролись с оружием в руках,
Не боясь смерти.
Был Ралаймунгу,
Был Лумумба,
Был Кабрал.
Это они помешали
Империалистам
Закабалить наши земли.
И если мы победили,
То потому, что народы Африки
И Мадагаскара боролись вместе.

Перевела с малагасийского
Людмила КАРТАШОВА.

НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»

ВЗВОЛНОВАННОСТЬ ПРОСТОТЫ

Юрий Панкратов — один из интереснейших поэтов поколения, вошедшего в литературу в начале 50-х годов. И тем не менее книг он выпустил немного, но в каждой новой книге проявляются новые качества панкратовского таланта.

Не повторяться, доискиваться до самой сути — в этом, должно быть, секрет столь упорной, столь длительной работы над словом, неторопливости с выходом к читателю.

И в книге «Месяц июль» поэт открывает нам новые грани своего таланта. Лирика Юрия Панкратова стала глубже, определенней и в слове и в переживании. Поэт улавливает изменчивое, текучее настроение души и природы. Он стремится запечатлеть мир в многообразном единстве, увидеть его в подробностях жизни.

Строки его стихов диктуются смятенной чуткостью к жизни, отсюда и подробная детализация увиденного, которая лишь порою соприкасается с описательностью. Эта тяга к подробностям постоянно контролируется строгостью замысла, стремлением к обогащенной переживанием простоте:

Я не ищу надменной и убогой,
гордящейся собою красоты —
лишь одного прошу я — простоты,
загадочной, волнующей и строгой.

В мир больших гражданственных страстей распахнуто лирическое сердце новой книги, в мир, где душа человека поверяется чувством Родины.

Большая любовь не любит громких слов — она тиха, как дыхание человека, замершего перед чудом. И поэт вверяется ей не только как долгу, но и как откровению.

Под высоким
крылом
мироздания,
где так сладко
поет соловей,—
дай мне мужества
в час испытания,
надели меня
ширью
своей...

Вообще в новых стихах Юрия Панкратова много живой, лирической воспламененности, не охлажденной ни зрелостью, ни строгостью мастерства. Она проявляется то в необычных интонационных сдвигах, то в озаренности обычного слова.

Душевный настрой новых стихов Юрия Панкратова нравится мне своей определенностью и искренностью. Это настрой много пережившего и много передумавшего человека, который вправе от имени себя и своего поколения сказать: «Мы выходим из прошлого в будущее». И это твердо и нерушимо, как любовь поэта к своей земле.

Владимир ЦЫБИН

Юрий Панкратов. Месяц июль. М., «Современник», 1973, 136 стр.

Письмо с фронта. 1942 год.

НАША ГАЛЯ

Галина Захаровна Санько — фоторепортер. Много на моей памяти женщин приходило в фотожурналистику, но мало кто выдержал физическую нагрузку нашей профессии. Галина Санько — одна из тех, которые не изменили ей. Уже в тридцатые годы в печати появились ее поэтические фотографии, рассказывающие о Камчатке, Сибири, Командорских островах, о людях, живущих в этих отдаленных местах.

Я не был знаком с их автором, но по рассказам товарищей знал, что она горячо любит свою профессию и беспредельно ей предана. Ее неуемная тяга к путешествиям и самые сложные маршруты на всех возможных, а порой и невозможных видах транспорта рождали интересные фотографии.

Началась война. Галина Санько надела солдатскую форму и с удостоверением военного фоторепортера «Фронтовой иллюстрации» отправилась на передовую. Она фотографировала на самых тяжелых участках боев и порой, отложив фотоаппарат, начинала действовать как заправский санитар. Первая награда — медаль «За боевые заслуги»—была вручена ей за спасение раненых бойцов.

Она получила два ранения и вновь вернулась в строй. За личную храбрость эта мужественная женщина была награждена орденом Красной Звезды и пятью медалями. Так был оценен командованием ее солдатский труд, а народ до сих пор восхищается и высоко ценит ее великолепные военные фотографии, многие из которых вошли в золотой фонд истории Великой Отечественной войны. Это настоящие произведения фотоискусства, рассказывающие о военном подвиге нашего народа в схватке с фашизмом.

И когда прогремел салют Победы, Галина Санько добилась направления в Порт-Артур. Факт, не требующий комментария.

После войны Галина Санько пришла в «Огонек». Война не ожесточила ее. Читатель журнала полюбил ее лирические, жанровые фотографии. Одной из основных тем ее творчества стали дети: слишком много детского горя увидела Галя на войне.

И сегодня, когда нашему другу и товарищу исполняется семьдесят лет, мы рады, что она и теперь не расстается с фотоаппаратом, и желаем ей всегда быть и оставаться Галиной Санько.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Фото Галины Санько.

Война окончена, зенитчица Лена снова дома. 1945 год.

Возвращение. 1943 год.

Галина Санько.

Партийное собрание в Н-ской части. 1941 год.

О РОССИИ МОЕЙ

Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О России моей
Полным голосом спеть...

Этими строками открывается новый сборник стихотворений Людмилы Татьяничевой «Пора медосбора».

Известная поэтесса, лауреат высшей литературной награды России — премии имени М. Горького, она не так давно писала: «Жизнь справедлива и щедра: унося молодость, она дарует человеку зрелость чувств и мыслей».

Стихи, собранные в «Поре медосбора», рождены добрым сердцем, обладающим редким и нелегко приобретенным умением сочетать лиризм с четкой строгостью мысли. Сложность человеческих взаимоотношений, величие труда, радость любви раскрываются у Татьяничевой в строфах, где нет слов, повисающих в пустоте. Каждая строка полновесна, объемна, обращена к конкретному собеседнику.

Рассказывает ли поэтесса о суздальских умельцах, космонавтах или таежных первопроходцах,— их труд, их оценка являются для Татьяничевой мерилом труда поэтического:

...Знаю,
Еще не однажды
Пронижет сердце насквозь:
— Что рабочие скажут? —
Как совесть
Прямой вопрос.

При всей многогранности затрагиваемых в книге проблем, тема нерасторжимого единства с Уралом, как всегда, главенствует у Татьяничевой. Десятилетней сиротой привезли ее сюда, и с тех пор вся ее жизнь — комсомольская юность на Магнитострое, дни войны и сегодняшняя новь — связана с этим краем, ставшим для нее, «словно корневая система».

Имя Людмилы Татьяничевой давно и прочно вошло в рубрику известных и любимых. Ей пишут, поверяя сокровенное, с ней советуются, ищут у нее поддержки. В стихотворении «Хочу, чтоб женщина другая», появившемся как ответ на читательское письмо, поэтесса беспощадными, колючими словами выносит приговор матери, бросившей своего ребенка:

Женщину,
Покинувшую сына,
Не поймут
И не простят вдвойне
Матери,
Что в предрассветной сини
Ждут сынов,
Погибших на войне.

Воспоминания о минувшей войне вновь и вновь звучат в стихах поэтессы. Их пульсирующий ритм становится тогда тревожным, слова суровыми и простыми, как солдаты, готовые к бою...

Радостна встреча с новыми стихами Л. Татьяничевой. «Пора медосбора» — книга живая, трепетная, молодая.

Виктория КРАМОВА

Людмила Татьяничева. Пора медосбора. М., «Современник», 1974, 144 стр.

ЖИЗНЬ — РАБОТА, ПЕСНЯ, БОЙ!

Владимир Котов хорошо известен как серьезный поэт-публицист. Его талант — в той свободе, с какой он полным голосом ведет задушевный разговор со своими читателями. Говорить, как с трибуны, с каждым в отдельности и со всеми сразу — это очень непростая задача, а в ее решении — секрет воздействия яркой и открытой публицистичности.

Второе необходимое условие жанра, в котором с наибольшим успехом работает В. Котов,— умение взволнованно и по-боевому откликаться на радости и боли, тревоги и надежды своего времени. В новом сборнике поэта «Продолжается бой...» редкое стихотворение не имеет конкретной направленности, причем обычно это не какие-то застывшие, удобные для цели мишени, а живые явления и события, которые «дыбится» жизнь нашей страны и всей планеты.

Публицистика сильна и важна своим передовым, наступательным характером. И поэзию В. Котова всегда отличали высокая активность, страстная боевитость, заостренная полемичность. Призывный, агитирующий строй стихов преобладает и в его последней книге. Но характерная для поэта чуткость к запросам времени обрела здесь новые краски: строки В. Котова стали раздумчивее, в них усилилась доверительная интонация.

Правда иль нет,—
догадаться
не просто мне,
но мысль
вдруг кольнула
иглой:
светлые души
становятся
звездами,
темные
черною мглой.

Поэт стремится давать не готовое решение, но обсудить его с читателем, как с настоящим товарищем и другом, убедить и привлечь на свою сторону.

Особенно это заметно в его сатирических стихах. В. Котов не старается клеймить закосневших в своекорыстии, лености мысли, пристрастии к «зеленому змию». Зато он впрямую, откровенно зовет каждого из нас поддержать и удержать тех, кому грозит опасность соскользнуть на шаткую дорожку.

Бороться за души людские — один из главных мотивов творчества В. Котова. Не менее громко звучит он и в новых лирических стихах поэта, где его герой ведет бой за свою любимую, за «совместимость» в любви. Правда, как раз здесь привычный для В. Котова громкий разговор — а то и на повышенных тонах — оказывается не слишком убедительным. «Светлые души» и души «темные» — два полюса, вокруг которых вращается тематическое многообразие поэта, часто не вмещают всей гаммы человеческих чувств и отношений, чье имя — любовь.

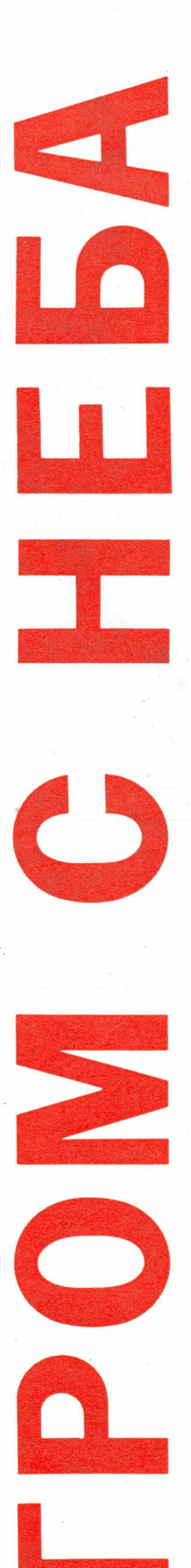
Издержки приверженности В. Котова к одному роду поэтического оружия дают себя знать и в том, что из всего богатейшего арсенала поэзии он предпочитает пользоваться ритмом, и почти только ритмом. Боевой, наступательный, этот ритм в какой-то момент, видимо, захватывает автора с такой силой, что в стихотворении могут оказаться слова необязательные, не исполненные глубокого смысла, выхваченные по ассоциации с поэтическим ощущением.

Стараясь, и во многом удачно, следовать традициям Маяковского — великого певца наших идеалов и великого борца за эти идеалы, поэт должен стремиться вести свой бой столь же отточенным и многогранным оружием.

«Продолжается бой...» не только название стихотворения, давшего имя новому сборнику, это и позиция В. Котова, его понимание жизни и поэзии.

Д. ИВАНОВ

Владимир Котов. Продолжается бой... М., «Современник», 1974, 104 стр.

Г. МАКАРОВ
Фото автора
и Г. ТОВСТУХИ.

Сейчас никого не удивишь вертолетом. Трудится он на газовых и нефтяных магистралях, перевозит нежных мальков, спасает экипажи терпящих бедствие кораблей, спешит с врачом на борту к больному, летит к геологам в такой труднодоступный район, куда ни пройти, ни проехать.

Есть у винтокрылой машины еще одна специальность: солдатская.

Рядом со своими боевыми собратьями вертолет выглядит скромно. Он не прошивает небо белами иглами инверсий, и скорость у него намного меньше, чем у современных военных самолетов. Зато никакая иная машина не проберется туда, куда долетит вертолет с пушкой, тягачом или десантом на борту, сядет на крошечном пятачке, разгрузится, уйдет в обратный рейс...

...Группу тяжелых вертолетов вел военный летчик первого класса Юрий Самсонов. В свое время он, участник воздушного парада в Домодедове, блестяще продемонстрировал там высадку десанта. Но сейчас задача была посложнее. Тут-то и пригодились тысячи часов, налетанных на вертолетах, знания и опыт всего экипажа. Сквозь нескончаемый гул слышны слова штурмана Николая Сылки:

— Высота... скорость...

А затем:

— Разворот вправо, прямая!

Крошечная площадка вынырнула неожиданно, но машины успели зайти на посадку, и через минуту солдаты и техника были уже на земле.

Обратный путь оказался более сложным: из быстро собравшейся мощной облачности то и дело срывался дождь. И все-таки вертолеты, не теряя строя, уверенно шли по курсу. Наши ведомые — борт 02 слева и борт 03 справа, пилотируемые майором Н. Ветровым и капитаном В. Луговским, порой почти совсем растворяются в потоках дождя. В этот момент видно только, как с лопастей несущих винтов срываются блестящие струи то ли воды, то ли уплотненного воздуха пополам с водой. Непонятно, как летчики находят узкую щель между нижней кромкой облаков и землей. Кажется, вот-вот колеса чиркнут по камням, деревьям. Но все хорошо, и аэродром встречает нас отличной, солнечной погодой.

Сегодня военный летчик первого класса Борис Костюков и совсем молодой его ведомый военный летчик третьего класса Федор Юнг будут стрелять реактивными снарядами. Для того, чтобы выполнить упражнение, нам над полигоном, на малой высоте, необходимо произвести маневр, довольно сложный для молодого летчика. Внешне он спокоен, собран и мужествен, но когда мы приземляемся после тренировочного захода над аэродромом, светло-голубая куртка его покрывается темными пятнами пота.

Но это после, а сейчас над полигоном нашу машину изрядно болтают восходящие потоки. Костюков покачивает головой и все же запрашивает разрешение на работу. И вдруг:

— Приготовиться к атаке... Атака!.. Пуск...

Стайка РС-ов, сорвавшихся с борта вертолета, дружно мчится в сторону мишени. Едва рассмотрев разрывы, круто уходим влево, а наше место занимает Юнг. Несмотря на болтанку, Костюков, словно приклеившись к его вертолету, держит дистанцию и интервал. Прекрасно вижу в визире машину Юнга и жду, жду его команды. Она взрывается в наушниках неожиданно громко. И я, чуть было не нажав кнопку фотоаппарата раньше времени, успеваю засечь оранжевые струи огня, полыхающие на его борту, а через долю секунды кучные разрывы и дым покрывают мишени.

Наш командир Юрий Самсонов.

Десантники готовятся к полету.

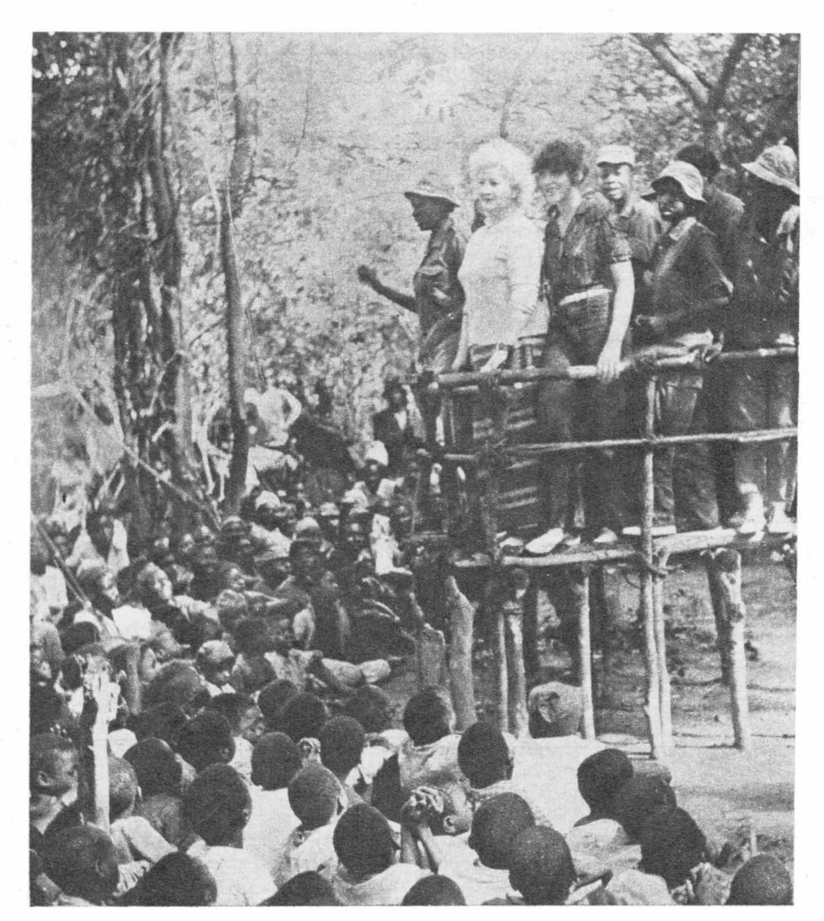
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Перед ночными.

Недавно в Мозамбике побывала делегация Комитета советских женщин. Наш корреспондент Юрий Свердлов встретился с А. Г. Марсаковой (глава делегации), Н. А. Коровиной, Т. К. Осколковой и попросил их поделиться своими впечатлениями о поездке в Мозамбик. Вот что они рассказали.

Митинг дружбы с советским народом. **Фото отдела информации ФРЕЛИМО.**

ТАМ, ЗА РЕКОЙ РУВУМА

Восточная Африка... Кто не слышал об этом крае «зеленых холмов», воспетых еще Хемингуэем! Но не экзотика влекла нас сюда. Путь нашей делегации лежал в освобожденные районы Мозамбика. Мы были первыми советскими женщинами, которым предстояло побывать здесь, и поэтому испытывали глубокое волнение и чувство ответственности за то, что именно нам доверили поехать в далекий Мозамбик.

А путь туда начался с пограничной реки Рувума, разделяющей Танзанию и Мозамбик. На лодке, кроме нас, трех советских женщин, поместилось несколько сопровождающих. Вместе с нами переправились через реку еще четыре плоскодонки с людьми и грузом.

Всего три дня назад ходили мы по улицам, площадям Москвы. А теперь уже в Мозамбике, в окружении темнокожих, в военной форме людей.

Передвигались мы глубокой ночью. Дорога нелегкая: через горные тропы, густые заросли кустарников, дикие чащи. Было нестерпимо жарко, и мучительно хотелось пить. О воде старались не думать, но мысль о ней неотступно преследовала нас. Ведь в Мозамбике источников питьевой воды мало, и местным жителям порой приходится носить ее за много километров. И тем более трогательно было видеть на каждом привале специально приготовленный для нас бочонок или котелок с водой. Об этом позаботилась Диолинда Гусмане, председатель Организации мозамбикских женщин.

Расстояния в Мозамбике измеряют не в километрах, а по времени, затраченному в пути. Поэтому, когда мы прибыли наконец к месту назначения, то могли бы сказать, что прошли десять часов. Но затруднились бы ответить, сколько километров отделяло нас от пограничной реки Рувума до лагеря, который назывался Лимпопо.

Делегация Комитета советских женщин была очень тепло и сердечно встречена всеми обитателями лагеря. Незнание языка не служило препятствием.

Все добрые слова, сказанные в наш адрес, мы воспринимали как проявление большого уважения по отношению к Советскому Союзу. Мы убедились в том, что фрелимовцы — гостеприимные, щедрые и мирные люди.

Нас, членов делегации Комитета советских женщин, естественно, интересовала роль женщин Мозамбика в жизни страны.

Женские подразделения работают на общественных полях, где они выращивают урожай кукурузы, сорго и касавы для нужд армии. И еще, конечно, забота о детях. Кроме этого, на женщин возложена еще одна важная задача — агитация среди населения. Они приходят в деревни, встречаются с жителями и объясняют им, что такое ФРЕЛИМО, каковы его задачи, за что он борется. Причем многие считают, что работа среди населения у женщин получается даже лучше, чем у мужчин.

Война, ее суровая, но священная необходимость заставила женщин Мозамбика принять на свои плечи многое. Порой просто поражало, как невысокого роста, внешне хрупкие женщины могли идти по многу дней, неся такие тяжести, как тюки с продуктами, обмундированием, ящики со снарядами и минами, не имея при себе никакой другой пищи, кроме нескольких корней касавы. Для них это — выполнение долга. Долга перед родиной, перед народом. Поэтому нас особенно взволновали подарки — статуэтки, изображающие носильщиц,— которые на прощание вручили нам в лагере. Для нас это не только прекрасные образцы работы резчиков по дереву племени маконде, но и память о милых, сильных и мужественных женщинах Мозамбика.

Из лагеря, совершив утомительный дневной переход под палящим солнцем, мы попали в дистрикт Нгапа.

Административный центр дистрикта Нгапа представлял собой поселок, состоящий из десятков хижин, расположенных в лесу. Но он значительно отличался от военного лагеря Лимпопо, в котором мы побывали. Здесь гораздо больше детей и женщин. В хижинах не только жили люди, но и располагались различные местные службы Фронта. У нас прошли очень интересные встречи с ответственными работниками ФРЕЛИМО этого дистрикта.

Товарищи из ФРЕЛИМО с гордостью рассказывали нам о своих успехах в деле ликвидации неграмотности. Самым интересным для нас в этой области была работа с детьми. Фронт освобождения готовит себе достойную смену.

У многих наших новых знакомых путь в революцию начался в школах, созданных Фронтом освобождения Мозамбика. Обычно школа — это пара длинных хижин, вроде бараков. Здесь дети и подростки живут и учатся. Тетрадей, карандашей у них мало. В условиях постоянной нехватки самого необходимого это — роскошь. Многие школьники пишут обожженным кусочком дерева на обструганной дощечке. В этих лесных школах детей обучают грамоте. Они также проходят основы строевой и политической подготовки. Учеба сочетается с производственной деятельностью: работой на полях, выполнением заданий по транспортировке грузов для партизанских отрядов.

Вот такую школу нашей делегации удалось посетить на втором этапе маршрута — в дистрикте Нгапа. Учитель, высокий человек лет тридцати, с пустым левым рукавом, сказал:

— У преподавателей в таких школах, как наша, нет специального педагогического образования. Главный багаж знаний — это умение читать и писать и глубокое понимание целей и задач борьбы народа Мозамбика. Вызывает командир отряда какого-нибудь грамотного бойца — часто это бывает человек, тяжело раненный в сражении и уже негодный для несения воинской службы, — и говорит ему: «Ты пойдешь в школу и будешь учить детей».

Однако у ФРЕЛИМО есть настоящие школы в общепринятом смысле этого слова. Там учителя, получившие педагогическое образование в социалистических странах, а также в независимых государствах Африки и Азии. Уровень обучения в этих школах высокий. Учителя, не имеющие профессиональной подготовки, приезжают сюда на специальные семинары по повышению квалификации.

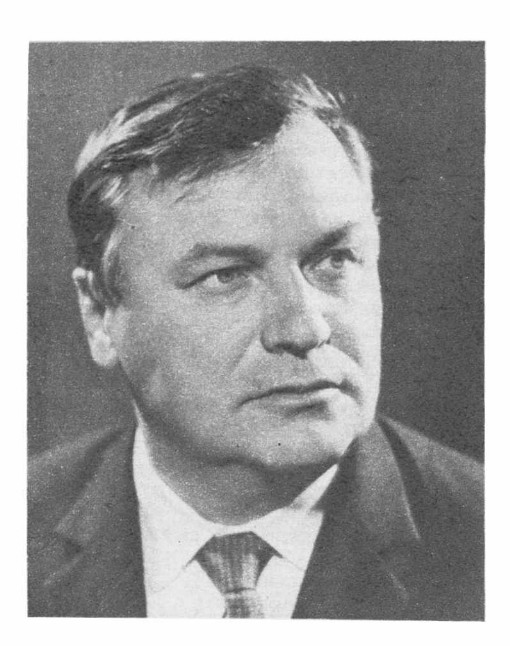
Последним пунктом нашего маршрута был окружной центр Нангаде. Путь туда был невероятно тяжел. Нещадно палило солнце. Шли целый день по низине, сплошь заросшей травой выше человеческого роста. Измученные долгой дорогой и жаждой, мы наконец прибыли в Нангаде. Здесь нас встретил заместитель начальника отдела обороны ФРЕЛИМО Альберто Жоакино. Наш разговор начался у большой карты Мозамбика. Взяв в руки указку, Альберто Жоакино рассказал нам об истории страны, о ее прошлом, о настоящем Мозамбика, об успехах ФРЕЛИМО, достигнутых в борьбе, и о его ближайших задачах. Он сказал:

— Народ Мозамбика радуется победе демократических сил в Португалии. Это принесет нам полную независимость.

И вот пролетели десять дней нашего пребывания в Мозамбике.

Мы вновь в Лимпопо. Прощальный завтрак в лагере. Дружеский обмен речами. Командир отряда, сопровождавший нашу делегацию, выступил от имени своих товарищей. Надолго запомнятся его трогательные напутственные слова:

— Женщины, приехавшие из далекого, но близкого нам Советского Союза, мужественно выдержали все испытания. Советские товарищи находили в себе силы не показывать, что им было трудно. Взаимопонимание, чувство локтя, сложившиеся за эти дни, вполне закономерны. Они свидетельствуют об искренней дружбе, связывающей народы Советского Союза и Мозамбика.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Ночная драма, свидетелем и участником которой был Сергей Ветлугин, имела свое продолжение, расходясь кругами и по временам принимая самые неожиданные, причудливые формы. Начать с того, что Авдей Белый прибежал к дому Угрюмовых, когда за Феней уже захлопнулась сенная дверь, а на крыльце вместо нее встала грозным и неумолимым стражем Аграфена Ивановна, которой не впервой заступать таким образом дорогу Фениному ухажеру. Столкнувшись с непреодолимым препятствием, Авдей остановился посреди двора, глупо заморгал, решительно не зная, куда себя деть. Так бы, наверное, и стоял истукан истуканом неизвестно сколько времени, если бы его не выручила сама же старая хозяйка. Она спросила:

— Чего ты, голубок, забыл на нашем дворе?

«Голубок» промолчал, ибо на такой вопрос не отвечают. Однако Аграфена Ивановна все-таки сделала свое дело — вывела парня из минутного оцепенения. Авдей попросил:

— Позови Феню на минуту. Мне поговорить с ней надо.

— Для этого добрые люди днем приходют. Иди, голубок, никто тебе ее не позовет. Ступай.

Сказано это было таким тоном, что надеяться Авдею на что-либо не приходилось. Повернувшись, он медленно пошел со двора, а за калиткой его догнала Феня. Набросив на плечи ватник и наскоро покрыв голову темной шалью, она вышла из избы, скользнула мимо матери, миновала двор и вот теперь, взяв Авдея под руку, повела в сторону леса. Заговорила лишь тогда, когда дорога скатилась под гору, пробежала мимо Апрелевой избы, по Поливановке, и втянула, укрыв от стороннего глазу, в плотный белесый омут тумана, спускавшегося перед рассветом на все пойменные места, на лес и лесные озера в первую очередь.

— Зачем же ты со двора? Вот чудак! Разве ты не знаешь маму? Она и раньше-то почесть не спала, а теперь и подавно. А я с проулка окно тебе открыла. Думала...

— Я знал, но ведь уж светало, бабы коров собирались выгонять.

— Ах, да. Я и забыла, что уже утро. Но все равно пойдем: я хочу что-то сказать тебе. Так дальше нельзя, Авдей.

— Как?— встревожился он, остановившись и пытаясь заглянуть ей в лицо, прикрытое шалью.

— А вот так... Аль мы прокаженные с тобой, что от нас все отворачиваются?

— Опять ты за свое. Какие — все? Старухи — это, по-твоему, все?

— Не только старухи... Ну ладно, не все. Пускай будет по-твоему. Но я больше не могу так. Либо ты оставайся с матерью и твоими сестрицами, либо... либо приходи ко мне совсем.

— А твоя мать? Как она поглядит на мой приход?

— А мы у Степаниды Лукьяновны Луговой покамест поживем. Я говорила со Стешей. Она согласна. А потом свое гнездо надо вить. У меня сын растет, у тяти своя семья. Да и Павлуша — парень уже. Не успеешь оглянуться, как приведет в дом невесту. Ну, как ты?— Теперь она остановилась и глянула на него ожидающе. Испуганно, с глубокой тревогой, в нетерпении переспросила:— Как?.. Что же ты молчишь?

— Я думаю, Феня. Но хорошо ли нам будет в чужом доме?

— Да временно же!

— Все равно. Что скажут...

— Ах, вон ты чего испугался!— Голос ее задрожал.— А по чужим погребицам да по амбарам укрываться — лучше? У разных там теренек и дяденек?.. Ну, коли боишься мирского суда, веди в свой дом!— выдохнула она с торжествующей яростью.— Веди, веди! Ты же хозяин, мужик. Вот и веди. Что, боишься? Матушки, сестриц своих испугался? А еще герой, от фашистов, говоришь, три раза убегал, а от глупых баб не можешь...

— Постой, постой,— заторопился Авдей, вот только теперь действительно испугавшись.— Надо же все обдумать как следует...

— Ну и обдумывай один, а для меня хватит!— Она резко оттолкнула его от себя и свернула на лесную тропинку, едва различимую в плотном занавесе тумана. Заслышав за собой шаги, зло выкрикнула:— Не ходи за мной! Иди, иди к своей матушке. Она давно невестенку тебе подыскала. Наденька Скворцова, бухгалтерша наша, уже постель приготовила. Ступай, и чтобы ноги твоей у меня больше не было. Слышишь?!

— Слышу!— отозвался он, тоже распаляясь.— Больно-то не расходись. Как бы...

— Что «как бы»?— зыкнула она, вновь задержавшись.— Бросишь, что ли, меня? Эка испугал!

— Я не пугаю. Но только ты подумай...

— Я уж надумалась, голова кругом идет от этих дум. Подумай теперь ты.

Авдей не ответил. Феня постояла еще немного, ожидая, когда он заговорит, но Авдей молчал. Прикусив в обиде нижнюю губу и подрагивая тонкими крыльями ноздрей, она медленно пошла в глубь леса.

Утро было тихое, макушки деревьев помалкивали, не перешептывались даже пожелтевшей листвою; лишь осинник, в который привела ее тропа, лопотал что-то тихо по своей всегдашней болтливости. Треснули где-то неподалеку сухие ветви под ногами потревоженного лосиного семейства; взмахнула над самой Фениной головой своими бесшумными крылами сова, заканчивавшая ночной промысел; легкой тенью перечеркнул тропу зайчишка, вмиг сгинув в чащобе; с ближнего болота снялись дикие утки, огласили лес звонким и сочным кряканьем; вслед им раздался сдвоенный, дуплетный запоздалый выстрел.

Феня вздрогнула и, шарахнувшись в сторону, присела, прислонилась спиной к холодному и шершавому у камня стволу старой осины, затаилась.

Мимо, по тропе, огромная в рассеивающейся пелене тумана, проплыла фигура Архипа Архиповича Колымаги.

«Господи, только бы не увидел!» Феня сжалась в дрожащий комок.

Лесник, однако, не заметил — проследовал в нужном ему направлении.

Феня вышла на тропу и медленно двинулась по ней, вовсе не думая, куда и зачем идет. Туман стал быстро редеть, можно было различать деревья и даже кустарник. Щеки Фенины уже не натыкались на хлесткие и обжигающие гибкие лапки вяза, паклениka, карагуча и густого в низинах черемушника.

Черемуха...

Феня задержалась, отломила ветку, отсекла крепкими и острыми, как у зверька, зубами кусочек, пожевала — рот сейчас же наполнился кисловато-горьким, вязким и душистым, а сердце вдруг что-то вспомнило, забилось часто и тревожно, сладкий испуг охватил ее всю. О чем-то напряженно думая, догадываясь о чем-то, но еще не догадавшись, но чувствуя, что вот-вот откроется ей это «что-то», заставившее тревожно и сладко заныть под ложечкой, она закрутилась на месте, зорко всматриваясь в каждое деревце, в каждый кустик, в каждую ветку. Не то, не то, не то — стучало в сердце и оглушительно звонко отдавалось в висках. Ах, вот оно!..— лишь теперь вся окинулась жаром, ибо глаза ее нашли наконец то, о чем догадывалось сердце: в двух шагах перед нею стояло, торжественно разбросав шатровую свою крону, большое черемуховое дерево — то самое, под которым четыре с половиной года назад, майской соловьиной ночушкой, ласкала она Семена Мищенку, нечаянную свою и самую короткую любовь. Оказывается, ноги, не согласуясь с ее волей, зачем-то сами принесли ее сюда. Зачем? Темнокожее, пахучее дерево стояло рядом и, казалось Фене, глядело на нее с тихою и грустною улыбкой, как бы говоря: «Не тревожься, не выдам тайны твоей, потому что я всего-навсего дерево, и я умею молчать. Присядь возле меня, прижмись поплотнее к моей коре, остуди сердечко, а коли хочешь, поплачь — никому не скажу». Никто, разумеется, ей этих слов не говорил, они сами вскипали в груди и звучали там, когда она приблизилась вплотную к старой черемухе, обвилась вокруг нее и беззвучно заплакала, сотрясаясь плечами.

Несколькими минутами позже она уже быстро шагала по той же тропе, возвращаясь в село. Глаза ее были холодны и тверды, исполненные решимости. Сейчас она вновь была Ивушкой Неплакучей, готовой встретить и отвратить любую напасть, какая бы ни выпала и на ее долю и на долю близких ей людей. Она не знала, что эта внутренняя ее готовность, эта ее душевная мобилизованность потребуются ей, как только она войдет в село, в Поливановку, куда успело перекинуться и принять, кажется, самый крутой оборот начавшееся ночью событие.

Посреди Апрелева двора два человека, в которых Феня тотчас же признала Федора и Тишку, вцепившись друг в друга, отплевываясь кровью, рыча по-звериному и жутко матерясь, остервенело дергая один другого за ворот рубахи и гимнастерки, пытались и никак не могли подмять противника под себя и завершить схватку в свою пользу. Рядом суетился Апрель, усиливаясь, и явно без всяких шансов на успех, вразумить взбесившихся мужиков:

— Что вы делаете, негодяи?! Тиша, ты хоть

Главы из второй книги романа «Ивушка неплакучая». Полностью эта книга будет опубликована в журнале «Молодая гвардия» в конце нынешнего года.

ФЕНЯ, МАРИЯ,

отлепись! Влещился, как, скажи, бульдог колымажий, не отдерешь... Федька, мерзавец, да ты задушишь его!.. Глянь, уж синеть начал Тимофей. Опомнись! Ты ж фронтовик... Неужто милицию кликать?! Мотри, не то сейчас же в сельсовет за Точкой сбегаю!..

Последняя угроза, приберегаемая завидовцами обычно на самый крайний случай в подобных обстоятельствах, не могла подействовать на Федора, усмирить его, поскольку служивый еще не знал ни Точки, ни того, что Точка этот есть не кто иной, как секретарь и сельского Совета и колхозной партийной организации, ни того, что он ко всему прочему еще и депутат и что, стало быть, все жалобщики при всех кризисных житейских ли, иных ли каких делах обращаются только к нему одному. Ничего такого не знал Федор, продолжая терзать отчаянно сопротивляющуюся свою жертву. В конце концов он одолел бы Тишку, ибо был почти десятью годами моложе его да и харчился, видать, чуток получше,— из-под воротника потемневшей от пота и грязи гимнастерки, от шеи к затылку, двумя крутыми и упругенькими валиками набегал непривычный для глаза отощавшего завидовца жирок. Но Тишка отбивался, как мог, понимая, что дело его — табак, если он хоть на миг расслабит мышцы и сробеет; он даже умудрился держать в углах разбитых в кровь губ искуренную лишь наполовину самокрутку, которая и придавала его отнюдь не бойцовскому обличью насмешливое выражение, более всего злившее противника; Федор какой уж раз пытался выдернуть из его рта клятый этот окурок, но Тишка ловко увертывался, нередко утыкаясь концом непогасшей цигарки в небритую щеку аль прямо в ноздрю вчерашнего солдата, коий выл от этого по-волчьи, но поделать ничего не мог ни с Тишкой, ни с его папиросой. Суетившийся рядом Апрель продолжал увещевать, уговаривать, угрожать всяческими карами, предусмотренными в имеющихся в сельсовете законах.

Феня вошла во двор в тот момент, когда к словам своим Апрель присоединил и физические действия — пытался растащить в разные стороны и встать поперек дерущихся, но куда там! Федор и Тишка хоть и маломерные по завидовским нормам, но все-таки мужики, а не кочета, которых легко укрощал старик таким-то вот образом: одного швырнет в правую, другого — в левую сторону, и делу конец; унесут незадачливые бойцы к своим гаремам расклеванные гребешки и утихнут, вразумленные. Эти же не ограничились взаимным кровопусканием и мордобитием, но, волтузя друг дружку, поделились парою добрых оплеух и с ним, Апрелем; один удар пришелся как раз по «сопатке», как потом рассказывал Точке сам пострадавший, и теперь из ноздрей старика бежали и уже перекатывались через губы две тоненькие красные струйки, а крупная бородавка на носу увеличилась в размере чуть ли не вдвое и сделалась лиловой, как перезревшая ягода крыжовника. Остервенев, старик взвыл и заметался по двору в надежде отыскать оружие, с помощью которого можно было бы одним разом покончить с буянами. Глаза его наткнулись на большую рыбацкую сеть, связанную им совсем недавно и теперь развешанную для просушки на плетне; ни минуты не колеблясь, не задумываясь над тем, что губит ценную вещь (впрочем, об этом он вообще никогда не задумывался), он начал с лихорадочной поспешностью срывать ее с кольев и острых сучков, выпиравших всюду, и, когда снасть оказалась вся в его руках, подскочил к месту побоища и с ходу накрыл обоих. Те затрепыхались в ней, как крупные рыбины, запутались в один момент и пали наземь, обессиленные, по-судачьи разевая рты и жалобно постанывая.

— Что, отвоевались, голубчики?— спокойно осведомился Апрель, а приблизившейся к нему Фене сказал: — Теперь их можно брать голыми руками. Как это я раньше-то не вспомнил про эту сеть! Давно бы утихомирил безумные головы. Давай, Фенюха, помогай старику, одному мне с ними не сладить. Распутаем и разведем по углам.

Но слов этих Фене не требовалось. Она опустилась на колени рядом с хозяином двора и, горестно, укоризненно покачивая головой, принялась вызволять из сети драчунов, отделяя от одежды петлю за петлей до тех пор, пока му-

СТЕПАНИДА

жички не оказались на свободе. Встали, отвернулись друг от друга и понуро уставились в землю, как вконец загнанные меринки.

— Хороши, нечего сказать,— обронила Феня.

— Тебя еще тут не хватало,— пробурчал Федор, поспешно застегиваясь на одну, уцелевшую чудом пуговицу на своей хлопчатобумажной гимнастерке, по-прежнему увешанной боевыми медалями.

— Вот именно, не хватало. Кто бы вас распутал? Ка-ра-си! — Усмешка, но не веселая, а скорее горькая покривила ее губы.— Как же собираешься жить?.. Федор, слышь? Тебя спрашиваю. Аль не надоела тебе война, не навоевался там? На дом войну пригласил, с собой привез? Так, что ли?

— Не твое дело,— по-прежнему стоя к ней спиной, сказал он.

— Это как же так — не мое? А чье же? Мария подруга мне ай нет?

— Ежли подруга, что же ты, праведница, не прищемила ей хвост, когда она...

— Пробовала — не получилось,— сказала Феня, темнея лицом и глазами.— Что ж теперь делать, как будем жить, спрашиваю я тебя, Федя? Я нисколько не оправдываю Марию и этого вот... козла вонючего...— Она повернулась к Тишке, который стоял на всякий случай поближе к Апрелю и торопливо сооружал цигарку.— Не оправдываю никого. Но жить-то нам вместе, в одном селе, в одной артели. Что же ты молчишь, Федор?

— А что я?.. Что ты ко мне привязалась?.. Покуда не рассчитаюсь с Мареей и вот с этим...— Федор резко повернулся и в один прыжок оказался рядом с Тишкой, но Феня успела ухватить его за воротник и резко отбросила назад, на прежнее место.

Отругиваясь и сплевывая запекшуюся во рту кровь, Федор медленно побрел со двора. Оказавшись на расстоянии, которое гарантировало его по крайней мере от немедленного ответного удара, он злобно пообещал:

— Нууу, сука, постой... Ты еще узнаешь меня... Федька такого никому не прощает!

— Давай, давай, проваливай! Видала я таких...— Она говорила так, а чувствовала, что сердцем-то жалеет его, жестоко обиженного и оскорбленного, вернувшегося после всех мытарств по фронтовым дорогам к разоренному гнезду. Но чем помочь, как утешить, где взять лекарств для таких-то вот ран? Феня повернулась к Тишке.

— А ты как тут оказался? Какая нелегкая занесла тебя сюда? Без тебя тошно. Шел бы на поле, пересидел бы эту беду там, ребятишкам бы помог. Павлушка наш с Мишей Тверсковым трети сутки без смены... Одни глазенки остались... В чем душа только держится. Помогал бы им, а ты тут войну затеял. Эх ты, аника-воин? Погляди на себя, на кого ты похож? Антонина не признает... Ну ж, Тимофей, будет тебе от нее! Представляю...— Феня невольно улыбнулась.

— Ну и представляй,— огрызнулся Тишка, обидевшись. Теперь, когда непосредственной опасности не было, он вдруг расхорохорился, победоносно глянул в сторону калитки, за которой только что скрылся его враг, воинственно выкрикнул:— Зря вы нас растащили! Он бы у меня...

— Он бы у тебя,— быстро закончила за него Феня,— вырвал со всеми причиндалами то место, которым ты, паршивец, грешил. Говори спасибо нам вот с дядей Артемом, а то бы...

— Ну и хулиганка ты, Фенька! Ну и баба!— воскликнул Тишка с искренним восхищением.— Так, думаешь, и вырвал бы?

— Вырвал бы и псам выбросил,— быстро подтвердила она.— И жаловаться тебе, Тиша, не на кого было бы. Понял?

— Как тут не понять. Тут любой...

— То-то же. А теперь иди. Мне с дядей Артемом поговорить надо. Иди, иди, милый. Я скоро тоже в поле отправлюсь. Иди... Нет, постой... Дядя Артем, принеси воды — я хоть мурло-то ему умою маленько. Страшно глядеть — Антонина в обморок упадет от такого видения...

Апрель вышел на зады, за плетень, над которым подымался колодезный журавль, и скоро вернулся с полным ведром.

Феня скомандовала:

— Голову-то наклони, назола!

Тишка подчинился.

— Ниже, ниже! — Она поддела пальцами остро выступающую затылочную кость его черепа и окунула голову по самые большие, оттопыренные уши.— Вот так, вот так!

Захлебнувшись, Тишка боднул головой, заорал, забулькал горлом:

— Ты что, с... сорвалась? Очумела? Вода-то ледяная!

— Ничего, потерпишь. Ишь какой нежный! Охолонь немножко — тебе это сейчас в самый раз... Дядя Артем, принеси мыльца, да, смотри, не душистого, а стирального. Тишка того не стоит, чтобы...

— Отвяжись ты от меня, Фенька! — шумел Непряхин, пытаясь высвободить из ее по-мужски сильных, жестких и шершавых рук головенку, круто, прямым неотесанным колышком всаженную меж узких плеч.— Что привязалась?

— А ну, цыц! — Феня приняла из рук хозяина кубик мыла, сваренного бог знает из чего, цветом и несокрушимой твердостью напоминавшего антрацит, стала ожесточенно надраивать им Тишкину физиономию, почти сплошь покрытую кровоподтеками и вымазанную грязью. Затем, отложив мыло в сторону, а голову придерживая левой рукой, начала проворно и привычно — так умывала она своего Филиппа — споласкивать побитую физиономию страдальца. Покончив, отпустила его, сказав с печальною усмешкой: — Теперь иди. Жених!

Обернувшись к молча наблюдавшему за ними Апрелю, спросила:

— Маша дома, что ли?

— Како там! Услыхала эту заваруху — шеметом на задний двор, только ее и видели. И старуха моя — за ней. Должно, к трактору своему Мария подалась. Сказывала ночесь, что поутру отправится в поле. Не вернусь, говорит, в село до самых морозов.

— А Минька ее где?

— Настенка Шпичиха приголубила. Сама-то она тоже на зябь, поди, ускакала — нешто ее удержишь в доме в такое время? Да ничего. Мальчонку, чай, отвела уж к Стешкиному приемышу, к Гриньке,— они ведь как близнецы... Так что Минька теперь уж у дружка свово, у Гриньки. И добро. Вдвоем им повеселее будет, когда матери их на работе... Эх, Гринька, Гринька! Из чьего семени ты народился, рыжий бесенок, из чьего яичка проклюнулся? Какая кукушка обронила тебя на Стешкином крыльце? Сказывают люди, залетная, будто бы из Кологривовки. Узнай теперь поди, отыщи ее, ту кукушку...

— И искать нечего. Степанида Лукьяновна разве отдаст кому? Она дышит над Гринькой и лампадку давно погасила у своих икон,— сказала Феня.— Сколько лет не видели люди улыбки на Стешином лице, а теперь улыбается. «Мой Гринька!»— молвит так и расцветет, просветлеет. «Это,— говорит,— бог мне послал за все мои муки, за все мои страдания!» Вьется над ним, как клушка над цыпленком, готова любому глаза повыцарапать, коли тронет ее Гриньку...

Феня замолчала. Молчал и Апрель, не сразу вернулись они к событию, которым были заняты всю ночь и часть этого утра. Наконец Феня спросила:

— С чего началось-то у этих драчунов?

— А шут их знает... Да ты в избу прошла бы. Озябла, небось?

— Нет, ничего. Да и недосуг мне, дядя Артем, тоже в бригаду, на стан надо бежать, брата Павлушку сменить. Умаялся, поди, до смерти парнишка.

— Да, жидковат твой брательник покамест. Ему бы в козны еще играть, а он на тракторе. Да что поделаешь? Не бросать же землю, кормилицу нашу, невспаханной, мужиков-то на селе кот наплакал. Взять хотя бы Федяшку — когда теперя отойдет сердцем-то, успокоится, чтобы к делу какому привязать его, к тому же трактору али там к комбайну?! Да и удержишь ли его сейчас в Завидове? Махнет в город аль еще куды, только бы с глаз долой. Ты вот спрашиваешь, Фенюха, с чего началось тут у них, как заварилось? Да я и сам никак в разум не возьму, как они очутились на моем дворе, какой шут привел их сюда. Только присел позавтракать, слышу — шум, ругань... Вскочил, а они уже схватились...

Она не дослушала — заторопилась:

— Я пойду, дядя Артем. Спасибо тебе.

— Это за что же?— искренне удивился Апрель.

— За все. Хороший ты.— И Феня быстро пошла со двора, оставив старика в состоянии некоторого недоумения: по правде говоря, за всю свою долгую жизнь Апрель ни единого раза не думал, какой он: хороший, плохой ли. «Я ить и в зеркало-то лет сорок не гляделся,— подумал он, запуская пальцы правой руки в свой загривок.— Хрен ее знает, эту Феньку, чего она там... Черт те что!» Он поскребся еще и в реденькой бороде, хмыкнул напоследок и направился в избу. У самой двери, однако, вспомнил про сеть, вернулся, поднял ее с земли, потряс и, помедлив, швырнул за плетень, на кучу навоза. Теперь только, почтя, видимо, свой долг исполненным до конца, удовлетворенно перевел дух и отправился в избу.

Фене Артем Платонович сказал правду. Он действительно не знал, что же предшествовало сражению, затеянному на его подворье двумя непримиримыми врагами. Появление одного Федора вряд ли удивило бы старика: рано или поздно, но тот должен был прийти, поиски жены непременно привели бы его сюда. Но вот Тишка... По логике вещей, он должен был бы держаться подальше от Марии Соловьевой, во всяком уж случае, не показываться на глаза ни ей, ни ее разъяренному мужу хотя бы в первые дни возвращения Федора. Тишка, насколько его знал Апрель, не отличался особой храбростью, держался всегда подальше от любых стычек, время от времени возникавших среди завидовских мужиков, и потому маловероятно, чтобы он мог сознательно, не имея рядом с собой своего дружка-приятеля Пишки, пойти на столкновение с человеком, который был гораздо сильнее его и на стороне которого к тому же была правда, взывающая к отмщению. Но к моменту своей неожиданной встречи с Тишкой Федор был настроен почти миролюбиво, он направлялся в Поливановку лишь затем, чтобы уговорить Марию вернуться вместе с ним домой, до этого с такою же целью он обошел полсела, нащупывая ее след, пока Екатерина Ступкина, сжалившаяся над ним, не указала верный адрес. Причиною же такой быстрой перемены в настроении Федора было двухчасовое пребывание в доме дяди Коли, куда вскорости завернул «на огонек» Виктор Лазаревич Присыпкин, то есть Точка, не на шутку встревоженный ночною историей, могущей повлечь за собой самые непредвиденные и менее всего желательные последствия.

Дядя Коля начал с того, что омыл лицо гостю, поправил на нем солдатскую одежду, усадил за стол и только потом уж сказал — строго и наставительно:

— Ты, Федяшка, меня знаешь. Дядя Коля слов на ветер не бросает. Ну вот. Слушай меня внимательно — это тебе говорит революционный матрос: кулаки свои засунь поглубже в карман и держи их там до тех пор, пока разум твой не возьмет верх над твоим слепым сердцем,— оно у тебя сейчас горит в лихорадке, и в советчики при важных делах совсем даже не годится. Понял?

— Понял, дядь Коля. Да я...

— А ты помолчи, дядя Коля еще не кончил своей речи.— Когда в Николае Ермилыче просыпался проповедник, он весь преображался, плечи его прямились, правая бровь становилась торчком, лик делался суров и торжествен, голос дрожал, и называл себя дядя Коля в такой-то час лишь в третьем лице.— Война, сынок, она твой злой разлучник, она порушила не одно твое гнездо... Да ты постой, не рвись из оглобель, как норовистый жеребчик!.. Знаю, чего ты хочешь сказать. Все, мол, на войну свои грехи хотят свалить... Нет, Федяшка, не про то я. На войну всего не спихнешь, какой с нее спрос? Она вон усеяла всю, почесть, землю могильными холмами да сиротами, и ей хоть бы что — краснеть не умеет, совести у нее нету. И на скамью подсудимых вместе с ее зачинщиками не посадишь... И все ж таки, сынок, злое семя в твое гнездо она лукнула, война. Марея, конечное дело, дрянь девка, слаба оказалась...— Дядя Коля покосился на Орину, стоявшую тихо на постоянном своем месте, возле печки, со скрещенными на животе руками, поперхнулся малость, прокашлялся.— Слаба, говорю, оказалась на это самое... Да ведь, Федяша, не все же люди одинаковы, не все являются на свет сильными и непреклонными...

— А мне-то что делать?— перебил старика

Федор, чуть не плача.— Как людям в глаза смотреть? Как жить буду?

— О людях не беспокойся. Люди у нас не глупые. Правильно все поймут. Не осудят, коли ты простишь ее, неразумную. И она оценит это по-настоящему, прикипит к тебе сердцем — не оттащишь. Это уж как пить дать!.. А так — кулаки, мстить... Кому? Бабе глупой? Сильные люди, Федяшка, так не поступают, это у слабых да у тех, кто с придурью, кулачишки завсегда чешутся. Ты, чай, не Пишка, это он, как чуть что,— в драку. Днями за малым Павлушку Угрюмова не прикончил, подстерег в проулке. Мальчишка с полей домой шел, кинулся Епифан на него сзади и давай душить... Едва отцепили. Спрашиваем: за что ты его так, что он тебе сделал? Твердит одно: у него, мол, спросите, он, щенок, знает, за что. Спрашиваем того: что ты натворил, Павел? Отнекивается: ничего, говорит, я не натворял, не знаю, за что на меня дядя Епифан накинулся... Вот и пойми их. А зачни разбираться как следует, копни поглубже, на нее же опять и наткнешься, на войну. Небось, и тут она замешана...— Дядя Коля глубоко, трудно вздохнул, собирался, видимо, продолжить свою мысль, но услышал, что кто-то скребется в сенях, отыскивая ручку двери, шумнул на жену:— Орина, чего ты уши развесила? Не слышишь, стучатся? Открой человеку!

Вошел Точка. Прямо с порога посетовал:

— Ну и темнотища у вас в сенях! Хоть бы «летучую мышь» повесили.

— Чего не хватало,— грубовато ответил хозяин, вставая и идя навстречу новому гостю,— хочешь, чтобы пожару наделали? Вы со своим Шпичем новую избу мне не построите, кишка у вас тонка. И у вас и у колхоза. Так что, Виктор Лазаревич, отыскивай мою дверь на ощупь да приходи почаще, проведывай стариков, тогда и пообвыкнешь, зажмуркой найдешь ту рукоять... Проходи, подсаживайся к нам. Мы тут с Федяшкой об жизни калякаем... Знакомьтесь...

— Да мы уж вроде бы познакомились...— сказал Точка.

— То не в счет. Сейчас знакомьтесь.

Федор нехотя встал и, хмурясь, сунул свою руку.

Точка с готовностью и, кажется, даже с радостью крепко, энергично пожал ее. Сразу же спросил:

— На каком фронте воевал?

— Второй Украинский...— глухо и по-прежнему сумрачно ответил Федор, садясь.

— На Втором Украинском?!— живо переспросил Точка.— Ну и ну! А армия? В какой армии? Не в седьмой ли гвардейской?

Федор с удивлением поднял глаза на Точку:

— В седьмой, а ты откуда знаешь?

— Еще бы мне не знать! Я с этой армией от Сталинграда до самой Праги протопал.

— Не может быть!— Федор даже чуток подскочил на скамейке.— А в какой дивизии?

— В семьдесят второй...

— Гвардейской, бывшей двадцать девятой?

— В ней самой...— осторожно, не столь уже бойко подтвердил Точка.

— Ну и ну!— Федор заерзал, поглядел на дядю Колю, на его жену.— Слышите? Однополчанина встретил! Вот это да! Неужели правда?

— Точка!— подвел первый итог этой встречи Виктор и, чтобы окончательно развеять возможные сомнения у благоприобретенного однополчанина, продолжал:— Наверное, помнишь, как в шутку называли мы свою дивизию: Непромокаемая, Непросыхаемая...

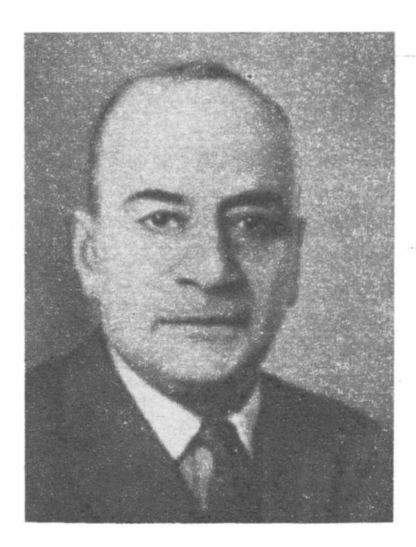
— ...около Харьковская, мимо Кременчугская,— подхватил Федор, смеясь, удивляясь и уже по-настоящему радуясь, что так нежданно-негаданно отыскал еще одного фронтового товарища, да не где-то там еще, а в родном селе.

Позабыв и про дядю Колю и про его старуху, молча, с тихой и доброй улыбкой наблюдавших за ними, они говорили и говорили, перебивая друг друга все тем же, обычным для таких случаев «А помнишь?», говорили о том, как сражались под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, как шли по Румынии, как продирались через Трансильванские Альпы и Карпаты, как не по своей воле купались в студеных волнах Дуная и Грона...

Окончание следует.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

В 1933 году в «Библиотеке «Огонек» вышла моя книжка стихов. Просмотрев тогда эту книжицу, Горький сказал, что здесь есть прогресс по сравнению с моей первой книгой «От «пера» к перу» («перо» в кавычках нож на лексиконе беспризорных),— та начиналась декларационными строками:

> Нет, вовсе не по нраву мне
> слезинки вызывать у ближних:
> хочу, чтоб стих мой прозвенел,
> как в стекла брошенный булыжник.

(Отстоять эти строки мне помог Горький. В издательстве «Федерация» строго сказали: «Булыжник не звенит»,— а Алексей Максимович велел спросить от его имени: «Свистит ли пуля?»)

В «огоньковской» книжке Горький на первой странице подчеркнул строки:

> Теперь меня не манит
> стекла звон,
> «Кто старое помянет,
> тому глаз вон!»

Правда, прочитав их вслух, Алексей Максимович рассмеялся: «Стало быть, «глаз вон»?» Но тут же сказал серьезно: «Теперь надо постепенно отходить от автобиографической темы. Можно будет к ней вернуться потом, через много лет, поглядев на прошлое сквозь призму времени!»

Предлагаю вниманию читателей стихи из нового цикла, где я постарался поэтически рассказать то, что не раз рассказывал прозой — и друзьям-фронтовикам в дни Отечественной войны и товарищам нынешних славных строительных лет.

ДРУГУ

> Ивану Петровичу Мудрагею, полковнику, кандидату технических наук, в прошлом беспризорнику.

С детства знал ты
от Читы до Ялты
Родину, что защитил в бою,
для которой
нынче защищал ты
в вузе диссертацию свою.
Я невольно думал
в день защиты:
вот мой друг,
батрацкий сын и внук,
в детстве
кандидатом был... в бандиты.
А теперь он — кандидат наук!

МОЯ НЕЗНАКОМКА

> «И вижу берег очарованный
> И очарованную даль».
> А. БЛОК «Незнакомка».

Наверное, во мне поэт
проснулся,
чтоб когда-нибудь
вновь на виденье юных лет
сквозь призму времени взглянуть.
...Я из колонии бежал
и разъезжал по всей стране.
В тот день на берегу лежал
в своем замызганном рванье.
Разглядывал морской простор,
что мне по песням был знаком.
Курил «Герцеговину флор»,
любуясь тающим дымком.
И вдруг,
простясь легко с волной
и не стыдясь меня ничуть,
она предстала предо мной,
и белизной блеснула грудь.
Она прошла,
стройна, горда,
чуть не задев меня ногой.
Запоминаясь навсегда
такою
гордой и нагой.
Забилось сердце горячо,
и я взметнулся, полный сил.
Но — гневный взгляд через плечо
меня мгновенно отрезвил...
Ушла.
И долго я в тоске
ладонью трогал узкий след.
Тот след, пропавший на песке,
остался в сердце
с юных лет!

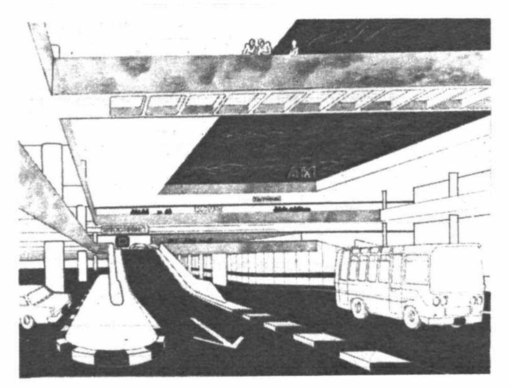
ЧЕКИСТАМ-ПЕДАГОГАМ

> «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции».
> Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Давным-давно призвал друзей Дзержинский
всем бедам и невзгодам вопреки
спасать ребят от беспризорной жизни,
как тонущих спасают из реки.
А нас тогда тонуло
миллионы,
и надо было доставать со дна
подростков, нарушающих законы,
на клички поменявших имена.
Кто нам помог, ни в чем не упрекая,
зажег у нас в душе огонь живой?
Чекисты,
люди с чистыми руками,
горячим сердцем, хладной головой!
И по каким бы мы ни шли дорогам,
какую б ни набрали высоту,—
спасибо им,
чекистам-педагогам,
за справедливость, чуткость, доброту!

ПОДЗЕМНЫЕ ЭТАЖИ

Так, по мнению архитекторов института Генплана, будет выглядеть фрагмент подземной улицы завтрашней Москвы.

●

Исполком Моссовета рассмотрел схему организации и использования подземного пространства столицы.

Подземная Москва будет иметь несколько этажей. Верхний — подземные переходы (их уже сейчас почти 150) и инженерные коммуникации, гаражи и автостоянки, склады и овощехранилища, мастерские и архивы, запасники музеев и выставочных залов — то, что неоправданно занимает сейчас так много места на улицах города.

Пока переходы служат безопасности движения. В недалеком будущем они станут и местом размещения всевозможных городских служб, оснастятся эскалаторами и даже движущимися тротуарами. Здесь появятся закусочные, кафе, магазины штучных товаров, кассы продажи билетов, реклама. Сооружение подобного перехода планируется, например, под площадью Свердлова.

К привычным линиям метро прибавятся экспрессные, имеющие удлиненные перегоны и минимум остановок.

На глубинном этаже столицы планируются также скоростные магистрали, тоннели для трубопроводных пневмоконтейнеров. В них помчится и пневмопочта.

Под бульваром за Манежем запроектирована двухъярусная стоянка на тысячу автомашин и другая, поменьше,— на триста — под площадью 50-летия Октября. Большое значение придается использованию подземного пространства центра, которое поможет разгрузить площади и проспекты, регулировать транспортные потоки, обеспечить подъезды к стоянкам автомобилей...

Будет реконструирована площадь Белорусского вокзала, где появятся многоярусные транспортные развязки, железнодорожные пересадочные станции, благоустроенные подземные залы с мощными кондиционерами и лампами дневного света. Проектируется подземная магистраль, которая пройдет по напряженному ныне участку движения между Кузнецким мостом через площадь Дзержинского, улицу Богдана Хмельницкого — к Солянке.

Продумана планировка подземного пространства при разработке Новокировского проспекта, Тургеневской площади, общественного центра в Орехове-Борисове. А в Северном Чертанове уже видны приметы будущего подземного хозяйства столицы. Это пневмотранспорт для удаления мусора и подъезды к складам магазинов, гаражи и стоянки. Около одной пятой объема сооружений Чертанова скроется под землю.

С. БЕРЕЗНИЦКАЯ

СТАНДАРТ НА ГЛАДИОЛУСЫ?

Этот вопрос и привел меня в кабинет директора «Мосцветторга» М. А. Шишаева.

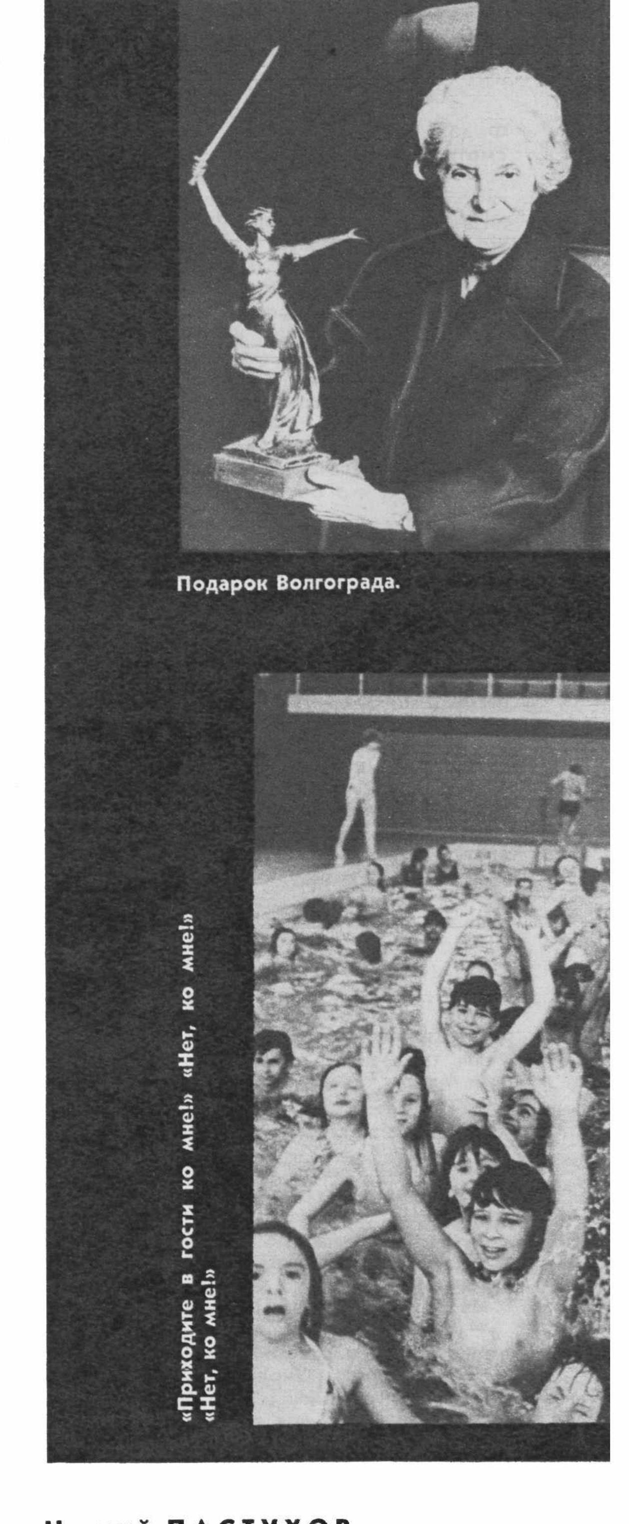
— ГОСТ на срезанные цветы,— говорит Михаил Алексеевич,— разработан и принят впервые. Вводится с первого января будущего года. Многие сначала недоумевали: стандарт на розы и гладиолусы? А почему бы и нет! Вот, например, ГОСТ на гвоздику ремонтантную — ее хорошо знают москвичи. Будет три сорта: экстра, первый, второй. Определены правила приемки гвоздики, правила упаковки и способ перевозки. Покупателю точно будет известна дата, когда срезан цветок и когда упакован, кто отправитель. ГОСТ поможет улучшить качество цветов, стабилизирует цены на них. Я ответил на ваш вопрос?

— Да, спасибо. Но у меня еще один вопрос. Москвичи нередко сетуют, что не всегда можно купить цветы в магазинах. Что делается для того, чтобы их стало больше?

— Цветы у нас любят. Ни одно событие без них не обходится. Судите сами: в 1968 году в Москве было продано 48 миллионов цветов, а в 1973-м более 70. Однако упрек москвичей справедлив. Так получается, что поставщики летом нам дают больше цветов, а нужно бы и зимой. Надеемся, что скоро положение изменится. Создано производственное объединение «Цветы Подмосковья». В Измайловском совхозе освоили размножение гвоздики черенками. Стараемся расширить ассортимент. Не так давно предложили багульник-рододендрон. Правда, подарочным его не назовешь, но радость доставить он может. В минувшую зиму Шилкинский лесхоз — это в Читинской области — каждую неделю присылал нам 250—300 тысяч веток багульника. Надеемся, что так будет и в нынешнем году.

Л. НАТОЧАННАЯ

Фото Л. Шерстенникова.

Подарок Волгограда.

«Приходите в гости ко мне!» «Нет, ко мне!» «Нет, ко мне!»

Николай ПАСТУХОВ, специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

БУДУЩЕЕ БРИТАНИИ

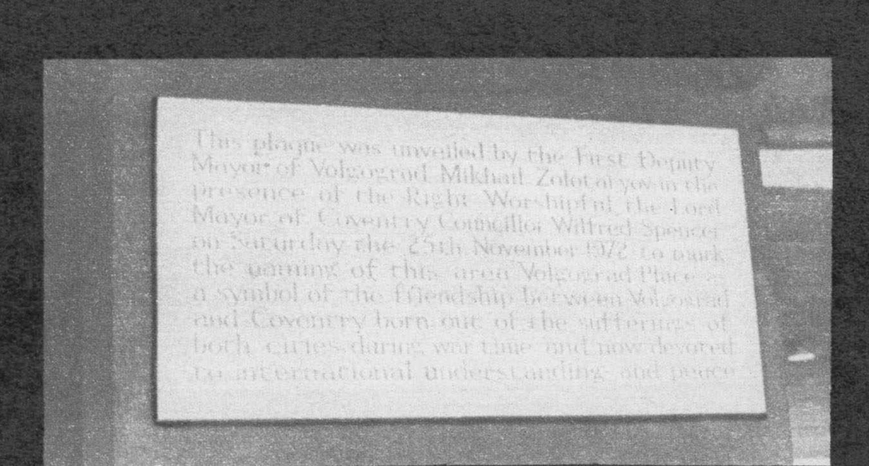
Как-то лидер английских лейбористов Гарольд Вильсон сказал: «Нет более опасной иллюзии, чем комфортабельная доктрина, будто мир обязан содержать нас... Отныне влияние Британии будет лишь таким, каким мы его сами заработаем и заслужим».

Другими словами, нет больше империи, нет колоний — источников сырья. Англия стоит перед необходимостью ввоза 45 процентов продуктов питания и 70 процентов сырья. Раньше все это было почти бесплатно, а сегодня надо раскошеливаться. Не все еще в Британии сумели преодолеть этот психологический барьер. Сложен процесс переосмысливания у молодежи, которая воспитывается в старых традициях. Одна ее часть, главным образом выход-

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ АНГЛИИ

Магистрат Ковентри: «Привет советским братьям и друзьям!» (В центре советник А. Дж. Уофф.)

Мемориальная доска на одной из площадей Ковентри: «Эта доска была прикреплена первым заместителем мэра Волгограда Михаилом Золотаревым в присутствии лорд-мэра Ковентри Уилфреда Спенсера 25 ноября 1972 года в честь наименования этого района «Местом Волгограда», как символ дружбы между Волгоградом и Ковентри, рожденной в страданиях обоих городов во время войны, дружбы во имя международного взаимопонимания и мира».

Паула Фредриксен и советский ученый доктор М. Шуба.

цы из буржуазно-аристократической элиты, не сумев приспособиться к новым условиям, стремится изолировать себя от реальной жизни, а другая вступает в борьбу со старыми предрассудками и традициями, требует социальной справедливости, тянется к идеям социализма.

Система народного образования — одна из серьезнейших проблем современной Англии. По словам лондонского учителя Гордона Хэда, эта система, «будучи выработанной еще в прошлые века, несет на себе печать легализованного рабства времен феодализма». Как же она выглядит?

В Англии существует всеобщее обязательное образование для детей от 5 до 15 лет. Но неожиданно детство мальчиков и девочек кончается в одиннадцать лет. В этом возрасте им уготованы хитроумные экзамены, и школьников делят на различные социальные группы, узаконенные типом той или другой школы: «грэммар скул» (классическая), «модерн скул» (современная), «паблик скул» (общественная), общеобразовательная школа и техническая школа. «Паблик скул» — закрытое привилегированное учебное заведение. Оно не подчиняется министерству просвещения и магистрам. Чтобы представить смысл этого социального фильтра среди подростков, достаточно привести следующий пример: 70 — 80 процентов директоров крупных фирм и банков, судей, министров и премьер-министров закончили именно «паблик скул».

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 32 — 33.

В эти дни непривилегированные школы переживают острый кризис. Дает себя знать подорожание стоимости жизни. Учителя и дети покидают школу. В привилегированных же школах среди детей царят расхлябанность, разложение и нежелание учиться. Эти проблемы поставил перед властями профсоюз английских учителей, требуя радикальных реформ в системе образования.

Не менее сложные проблемы переживает сейчас и система высшего образования. Дети буржуазии не проявляют особого стремления к университетскому образованию, так как считают: наследство им гарантирует будущие позиции в капиталистическом обществе. Осенью прошлого года в высших учебных заведениях страны несколько тысяч мест остались вакантными, несмотря на тягу к высшему образованию среди детей трудящихся.

До сих пор выпускниками старейших английских университетов — Оксфорда и Кембриджа — были люди, которые ныне владеют капиталами солидных корпораций или занимают почти все посты власти. Оксфорд и Кембридж закончили тринадцать из сорока семи премьер-министров Великобритании, включая Гарольда Вильсона и Эдварда Хита. В 1970 году двадцать шесть из тридцати постоянных секретарей и 250 из 630 членов парламента были выпускниками этих университетов. В печати, на радио и телевидении все должности, начиная от репортеров и кончая главными редакторами, занимают бывшие студенты Оксфорда и Кембриджа.

...Около двух часов занимает поездка на автомобиле от Лондона до Оксфорда — одного из старейших центров английского высшего образования. Это тихий городок, где средневековая архитектура соседствует с современным обликом западного города. Жители делятся на две четкие группы: людей, связанных с обычной жизнью современного английского города, и молодежь в мантиях — хозяев средневековых дворцов. Здесь находятся колледжи, факультеты, лаборатории, библиотеки, общежития знаменитого Оксфордского университета, основанного еще в XII веке.

Моим гидом в Оксфорде, как это ни странно, оказалась американская студентка Паула Фредриксен. Она приехала сюда из города Бостона (штат Массачусетс), изучает теологию в колледже «Сант-Хилда». Дочь норвежского лютеранина и итальянской католички, Паула Фредриксен — стопроцентная атеистка. Теологию изучает, как она сказала, «для расширения своего атеистического кругозора». А вообще по возвращении в США мечтает заняться философскими науками и преподавать в одном из американских университетов. Ее кумир — сенатор Эдвард Кеннеди, она питает симпатии к советскому народу, знает нашу историю, литературу. Из русских писателей ей нравятся Лев Толстой, Максим Горький и Михаил Шолохов. Мечтает побывать в Московском государственном университете.

— Думаю,— улыбнувшись, сказала она,— это удастся, если разрядка в отношениях между СССР и США будет и в дальнейшем так же успешно развиваться.

Паулу Фредриксен я встретил, когда в колледжах Оксфорда шли занятия, а она направлялась в «Бодлийн лайбрари» — одну из старейших библиотек Европы, основанную в 1602 году.

— Не удивляйтесь,— продолжала она,— что первым студентом Оксфорда, которого вы встретили, оказался иностранец. Их здесь очень много. Из самых разных стран. Не пропадать же вакантным местам!

— Чем это объяснить?

— Прежде всего английским консерватизмом. Слишком большое значение придается благородству крови британских студентов и малое — умным мозгам из народа. Но тем не менее способные ребята начинают проникать сюда и добиваются больших успехов.

— Что представляет из себя ваш университет?

— Во-первых, Оксфорд, или Оксфордский университет, состоит из самостоятельных колледжей и специальных факультетов. Колледж — высшее учебное заведение, куда принимаются лица, уже имеющие научную подготовку. В колледжах читают лекции по различным областям знаний, специальное же образование студенты получают на соответствующих факультетах. В научных колледжах есть специальные лаборатории, где работают лучшие английские и мировые светила. Кстати, в лаборатории физиологии сейчас находится ваш соотечественник —известный ученый.

Доктор медицинских наук Михаил Федорович Шуба был настолько увлечен работой, что не сразу обратил внимание на наше появление. Затем некоторое время он с недоверием смотрел на нас, явно не понимая, кто, собственно, нанес ему визит. Когда же знакомство состоялось, улыбнувшись, Михаил Федорович сказал:

— Знаете, здесь от английских газет голова кругом пойдет: сплошной детектив...

Михаил Федорович Шуба родом из закарпатского села, закончил Ужгородский университет, затем киевскую аспирантуру, стал профессором, доктором медицинских наук. Он изучает электрические явления в возбудимых клетках живых организмов.

— Какими ветрами вас занесло в Оксфорд, Михаил Федорович?

— В 1969 году эта лаборатория, где вы сейчас находитесь, опубликовала серию работ с ссылкой на мои исследования. Я сообщил Оксфорду, что эти ссылки давно устарели. Тогда Британский совет медицинских исследований пригласил меня и попросил поделиться опытом.

— В чем суть ваших работ?

— Попробую вам объяснить популярно. Я провел исследование так называемого медиатора — вещества, которое передает возбуждения из нервных окончаний к мышечным клеткам. Дальнейшее изучение поможет открыть тайны многих заболеваний.

Из лаборатории мы вышли втроем. Доктор Шуба предложил посетить его любимое место — книжный магазин «Блаквелл». Там один только зал «Норрингтон» вмещает 160 тысяч томов, расположенных на полках общей длиной в четыре километра. Но здесь много и других залов. Книги очень дорогие. Многие оксфордцы приходят в магазин утром и погружаются в чтение. После перерыва снова приходят. И так продолжается до тех пор, пока они не прочтут интересующие их книги.

В секции литературы по ядерной физике познакомился со студентом Эдвардом Доланом. Он закончил «модерн скул». Его отец был рабочим, а сейчас мастер на заводе тонкого приборостроения. Мечта Долана — открыть новый источник энергии, который заменил бы нефтепродукты. Занимался самообразованием. Поступал несколько раз в Оксфорд — его не принимали под разными предлогами. Помог нефтяной кризис — к абитуриенту, который ищет новые источники энергии, отнеслись благосклонно. Ему надо много читать, а денег для приобретения книг нет. Вот и ходит Эдвард Долан в свободное время в книжный магазин, стоит у полок «Блаквелла».

— Вы уверены, что ваша мечта осуществится?

— Да, уверен. Солнечная энергия еще до конца не исследована. Если удастся ее преобразовать в механическую, то это может решить многие острые проблемы современности, и в частности дефицит горючего.

— Каким вы представляете будущее вашей родины?

— Полагаю, что оно будет самым прекрасным, как и у всего человечества. Семья разных народов будет жить мирно и разумно, совместным трудом осваивать нашу планету.

— Как вы относитесь к странам социалистического содружества?

— Я уважаю все страны и все народы. Вы ждете от меня, наверное, политического ответа, но в политике я абсолютный профан. Вот если бы вы поговорили с моим отцом — он в этом деле большой специалист! Но я верю тому, о чем он мне говорил.

— Если это не секрет, что же он вам говорил?

— Не секрет. Отец считает, что социализм — самое справедливое общество, где все равны и имеют одинаковые возможности. Что касается вашей страны, то на этот счет у меня имеется собственное мнение... Политика Советского Союза импонирует мне и моим друзьям, это единственно правильная политика в широком смысле этого слова, которая приведет нашу планету к расцвету и прогрессу.

Хотелось бы рядом с Эдвардом Доланом поставить еще одного молодого англичанина — 28-летнего Дена Смита, одного из активистов британского движения за ядерное разоружение. Ден Смит горячо приветствует советско-американское соглашение о предотвращении ядерной войны. К сожалению, говорит он, есть еще на земле люди, которые хотят помешать благоприятному развитию международных отношений. Я спросил Дена Смита, о чем он лично мечтает. Улыбнувшись, он ответил:

— Я хотел бы, чтоб британское движение за ядерное разоружение прекратило бы свое существование. Но угроза ядерной войны не миновала. Придется продолжать борьбу...

Таких молодых людей, как Ден Смит и Эдвард Долан, становится в Англии все больше и больше, именно они будут определять будущее своей страны.

ДРУЗЬЯ

Айвор Монтегю... Кто не знает этого имени? Человек, удостоенный высокого звания лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Помню его страстное выступление в 1965 году на Хельсинкском конгрессе мира. Тогда он говорил о том, что нашу планету ждет прекрасное будущее, когда забудутся горячие и холодные войны, когда народы будут жить как братья... И еще он сказал, что если его предсказания лет так через десять не начнут сбываться, то он, Айвор Монтегю, будет готов принести свои публичные извинения...

И вот не через десять лет, а девять я позвонил ему по телефону из лондонской гостиницы. Поздравив с семидесятилетием, спросил:

— А как насчет хельсинкских предсказаний?

— Разве я был не прав? — задорно ответил Айвор Монтегю.— Конечно, я не оракул, но меня выручила ваша Программа мира. Все идет к тому, о чем я вслух мечтал на хельсинкском конгрессе.

Далее Айвор Монтегю сказал:

— Не люблю публичные застолья по случаю дня рождения, это чисто семейный ритуал. Но мой юбилей будут отмечать друзья в Британском национальном театре. Приходите.

В театре демонстрировались фильмы юбиляра. Айвор Монтегю — кинематографист. Он и видный зоолог; был когда-то знаменитым спортсменом, победителем теннисных состязаний; журналист; активный деятель профсоюзного и коммунистического движения в Англии. В 1925 году Айвор Монтегю, писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс создали Лондонское общество кинематографистов, которое существует и поныне. Он поддерживал дружбу с советским кинорежиссером Эйзенштейном.

На экране под аккомпанемент фортепьяно демонстрировались немые кинокомедии Айвора Монтегю. В зале юбиляр, его близкие друзья почти того же возраста и молодежь. Восторженный прием и неудержимый хохот. Смеялся автор фильмов, смеялись друзья, но в отличие от молодежи у них по щекам скатывались слезинки. Перехватив мой взгляд, Айвор наклонился и тихо сказал:

— Все-таки это наша молодость... Жаль ушедших лет...

Когда на экране появился титр «Мир и Большинство», в зале раздались аплодисменты. Это было приветствие не только юбиляру и автору картины, не только самой картине, но и Коммунистической партии Великобритании, по заданию которой был сделан фильм в 1939 году Айвором Монтегю.

Перед зрителем прошли кинодокументы о героической борьбе английского рабочего класса. Всеобщая забастовка 1926 года, экономический кризис, предательская политика Чемберлена, толкнувшая мир в пучину войны. Последние кадры — выступает лидер английских коммунистов Гарри Поллит. Он призывает всех объединиться против пагубной политики Чемберлена, против фашизма.

Судя по реакции в зале, фильм не потерял своей актуальности и в наши дни. Он, как набат, призывает британский рабочий класс объединиться в борьбе за свои права, за мир и международное сотрудничество.

Участники торжества подходили к Айвору Монтегю и пожимали ему руку. Это были ветераны Коммунистической партии Великобритании, их дети и внуки.

Айвор Монтегю по-прежнему неутомим, энергичен, полон оптимизма и новых творческих планов.

— Если вы не верите,—сказал он, прощаясь,— что я осуществлю эти планы, то готов через десять лет принести публичные извинения...

В Национальном театре на торжествах, посвященных Айвору Монтегю, мне представили корреспондента журнала «Огонек» в Англии конца 20-х годов Андрея Федоровича Ротштейна. Всю свою жизнь он провел в Англии. Его отец Ф. А. Ротштейн, соратник В. И. Ленина, в 1890 году вынужден был эмигрировать из царской России и поселиться в Англии. Здесь он был одним из руководителей движения «Руки прочь от России!» и участвовал в создании (1920 год) Коммунистической партии Великобритании.

Андрей Федорович юношей вступил в ряды Компартии Великобритании, переводил с русского на английский советскую политическую литературу, выпускал собственные книги и в своих корреспонденциях из Лондона описывал жизнь и борьбу британского рабочего класса.

— Быть коммунистом в нашей стране,— говорит он,— это большое мужество. Правящие классы Англии проводят политику «разделяй и властвуй» не только на международной арене, но и у себя дома. Что же касается коммунистов, то буржуазия окружила их политическим и экономическим частоколом, но, несмотря на это, к партии тянется много честных англичан. Наш народ вопреки всем невзгодам бодр, полон веры в будущее, питает глубокое уважение к Стране Советов. Съездите, например, в Ковентри, и вы в этом убедитесь.

Не успел я приехать в Ковентри, как советник городского магистрата А. Дж. Уофф объявил меня своим гостем. Я разговаривал с первым попавшимся пешеходом, и он пригласил меня в гости. Городской Дворец спорта был заполнен подростками: не успев со мной познакомиться, они тут же позвали в гости. Секрет открыл Уофф:

— Мы, англичане, уважаем достоинство во всем: в своих обязанностях к родственникам и друзьям, к делу, к принципам и традициям. Ковентри и Сталинград — первые в истории человечества города-побратимы. Наши дети знают о войне, о том, что мы были союзниками, о разрушенных городах, о героической Сталинградской битве. Вот почему советский человек в Ковентри — это друг, а сталинградец — брат. Английские традиции гласят: пригласи первым в гости брата и друга.

У Англии много забот, противоречий, но дух английского народа, его трудолюбие и достоинство позволяют верить в доброе будущее страны.

Лондон — Москва.

А. Боголюбов. ЗОЛОТОЙ РОГ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ. 1864.

Государственная Третьяковская галерея.

ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ В КРЫМУ.

А. Боголюбов. БЕРЕГ МОРЯ. ЯЛТА.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

РОМАН

Рисунки И. УШАКОВА.

КНИГА ВТОРАЯ

27. Март, 1944. Париж, Булонский лес — отель «Лютеция».

Гороскоп предвещал беду, и она, кажется, стряслась. Рейнике, закрывшись на ключ, тяжело, с усилием обдумывает разговор. Шелленберг пробыл в Булонском лесу не дольше получаса и сразу же уехал в «Лютецию», приказав чинам штаба прибыть туда же в 15.15.

Рейнике ощупывает небритые щеки и помазком взбивает мыльную пену в фаянсовой мисочке. На мисочке — бордюр из цветов и готическая надпись: «Не спеши — порежешься!» Как в берлинском трамвае: «Не дергай дверь — сломает руку». Пустые, запоздалые предостережения, бросающиеся в глаза тогда, когда поздно что-либо поправить.

Скоро ничего не будет — ни особняка в Булонском лесу с коринфским ордером на колоннах, ни фаянсовой мисочки с бордюром — в новом месте больше пригодится металлическая. Надо купить перед отъездом, и хорошо бы достать дюжину шелкового белья.

С намыленной щекой Рейнике идет к телефону.

— Дежурный? Здесь Рейнике. В четырнадцать сорок пять подадите к подъезду машину. И вызовите мотоциклистов для охраны.

Все будет торжественно — похороны по первому разряду, с эскортом и проникновенными речами. Но как же так — почему не вступился Кальтенбруннер? Эрнст не бросает друзей в беде, и власти у него достаточно, чтобы отстоять своих где угодно, включая канцелярию рейхсфюрера СС. Частное письмо Эрнста, переданное Шелленбергом, ничего не объясняет: светские слова и пожелание беззаботно отдохнуть перед работой на новом поприще.

Бритва, тихо шипя, снимает пену и волоски. Рейнике сильными движениями пальцев разминает лицо, словно пытается вылепить другое, веселое.

Вылив в ладонь одеколон из квадратного флакона, Рейнике массирует щеки, сушит их ломкой от крахмала салфеткой. Снизу, от подъезда, доносятся слова команды — дежурный вывел солдат на развод; сапоги так согласованно и дружно стучат по асфальту, что вспоминаются нюрнбергские парады: Рейнике маршировал тогда впереди своего «бана» — молодой, легконогий, с аксельбантами у правого плеча.

Сколько воды утекло с тех пор!..

«Я должен улыбаться,— думает Рейнике.— Шелленберг не заслужил удовольствия видеть меня растерянным или мрачным. Да и он ли виноват?»

Утром разговор не занял и получаса, отмеренного Шелленбергом на визит.

— Кто меня спихнул? — в лоб спросил Рейнике, прочитав письмо Кальтенбруннера и вложив его в конверт.

— Это называется перемещением,— поправил Шелленберг.

— Здесь нет третьего!

— И все равно — перемещение. В генерал-губернаторстве[1] сейчас, как никогда, нужна сильная рука и ваша непреклонная воля, Рейнике.

— О, я так и понял! Польша... Только не добавляйте, пожалуйста, что варшавянки милы.

— Для галантных бесед у меня нет времени,— отстраненно сказал Шелленберг.— Мы не на балу в Версале, и вы не моя дама... Чего вы, собственно, ждали, Рейнике? Оваций? Два года целый штаб возится с резидентурой Леграна, заверяет РСХА и самого фюрера, что вот-вот разгромит ее — не на этой неделе, так на следующей, и после этого вы думаете, что я привезу вам рыцарский крест?

— А если я попрошу именно неделю?

— У вас ее нет и не будет.

— Но пять адресов и Луи Андрэ — разве не перспективы?

— Как посмотреть...

В Рейнике заговорило упрямство.

— Бригаденфюрер! Я боюсь, что угадаю, назвав сейчас настоящую причину. Вы получили абвер и оказались в роли человека, унаследовавшего тигра. Вермахт не очень-то любит СС — так? Вот вы и стараетесь задобрить своего зверя, суете ему меня. На, миленький, жри, хрусти косточками, только служи мне и не скаль клыки. Не потому ли вы покрыли Бергера?

Шелленберг достал платок и, подышав на перстень, стал протирать камень.

— Ну, ну... Продолжайте.

— Бергер бежал в Швецарию уже при вас!

— Бежал? С чего вы взяли?.. Вы отстали от событий, Рейнике. Бригадный полковник Лусто вернул Мильмана и Кунца — телохранителя Бергера. Рейхсминистр фон Риббентроп распорядился немедленно через статс-секретаря снестись с правительством Конфедерации и, принеся извинения, обеспечить отъезд швейцарского гражданина лейтенанта Меркеля на родину. Отъезд, а не выдворение!

— Браво! А где же все-таки Бергер? И как поживает «Геомонд»? И чем вы объясните, бригаденфюрер, тот факт, что дешифровальная служба обнаружила в телеграммах Леграна ссылку на нового информатора «Макс через Вальтера»? Вальтер — это Ширвиндт, а кто Макс?.. Пять телеграмм с крупной информацией, вполне достоверной и очень быстро проделавшей путь из Берлина в Женеву, а оттуда через Париж в Москву.

— Только пять?

— Легран опять все изменил, и Шустер пока бессилен.

Шелленберг на миг оторвался от перстня.

— Точное слово — бессилен. И он, и вы, и Гаузнер. Не камуфлируйте, Рейнике, вы же не художник. Пусть живописцы приукрашивают мир и из уродов делают херувимов. Телеграммы, пять ваших адресов, Лютце, Луи Андрэ — со всем этим надо работать. Ответьте положа руку на сердце: не бьется ли оно сейчас облегченно при мысли, что для вас все позади?

— Нет, бригаденфюрер. И еще раз — нет! Мой преемник придет на все готовенькое: засада на рю Вандом, наблюдение за Лютце и де Тур, радист, который не сегодня-завтра будет давать показания. Он прихлопнет Леграна, и вы, разумеется, тут же забудете, что все это подготовил я! Я!

— Два года готовили?

Шелленберг произнес это почти шепотом, и Рейнике с некоторым испугом увидел, как толстая, пульсирующая жила вспухла на его лбу.

— Два года... Пять телеграмм... Рейнике, вы хорошо спите? Вас не мучают кошмары, когда вы подсчитываете, сколько вообще телеграмм ушло в Центр от Леграна?.. И после всего этого вы еще смеете что-то лепетать о подготовленных вами победах. Фюрер, если узнает всю правду, прикажет расстрелять вас как врага рейха! Вы это понимаете?.. Видит бог, я не хотел острых углов. Вы сами вынудили меня говорить правду...

Жила на лбу Шелленберга шевелилась, как гусеница, толстые бока ее вздувались и опадали — гусеница задыхалась от всосанной крови.

— Я могу заехать в Берлин? — спросил Рейнике.

— Конечно.

Шелленберг встал — молодо и быстро. Лоб его разгладился.

— Рейнике... Старый товарищ, ты не должен обижаться! Не говори ничего и слушай. Легран сидит как бельмо на глазу у всех. Ты, очевидно, не знаешь, что фюрер и среди ночи звонит Кальтенбруннеру, и Эрнст не пожертвовал тобой, а спас тебя. Польша не самое худшее; я знавал бригаденфюреров, получивших полки в дивизиях СС и благодаривших Гиммлера, что он не поставил их на роты. Наши ранги — условность, не больше; реальны только победы. Дай мне Леграна, и ты в седле. Дашь?

— Кто будет вместо меня?

— Временно Гаузнер.

— Жертвенный бычок?

— Следующая неделя покажет. Если де Тур, Лютце и Андрэ выведут на Леграна, я повторю Гиммлеру твою фразу о том, кто пришел на готовенькое. Если же нет, то за провал подготовленной бригаденфюрером Рейнике операции кому-то придется ответить сполна... Когда ты едешь?

— Если позволите, сегодня.

— Отлично!.. Жди в три пятнадцать, в «Лютеции»!

...В отеле мало что изменилось — разве что охрана: внизу дежурят солдаты СС во главе с молоденьким и строгим шарфюрером. Он, словно впервые видя Рейнике, долго проверяет его документы, переводит взгляд с лица на фотографию и, жизнерадостный, готовый сменить серьезность улыбкой, вскидывает пальцы к козырьку:

— В порядке, бригаденфюрер!

— Хорошо служите,— говорит Рейнике и стеком касается пряжки на его поясе.— Чуть туже ремень, шарфюрер!

Мотоциклисты, спешившись, толпятся в вестибюле. Рейнике оборачивается и бросает через плечо, царапая подбородок о шершавый погон:

Окончание. См. «Огонек» №№ 24 — 27, 29 — 33.

[1] Так гитлеровцы именовали оккупированную Польшу.

— Свободны!

В приемную перед кабинетом Райле, занятым Шелленбергом, Рейнике входит за несколько минут до срока. Здесь тоже все как было — «омега» в простенке, зачехленная люстра, адъютант, слившийся со столом. Рейнике пожимает руки собравшимся и ищет Гаузнера. Где комиссар, в кабинете?

15.15.

Рейнике вспоминает, что прежде часы всегда врали; сверяет со своим «Лонжином» — точно. Адъютант встает и неслышно идет к двери: толстая дорожка скрадывает его шаги, но даже без нее он, как любой штабист, умеет передвигаться, словно летать — мотылек в погонах.

— Бригаденфюрер просит господ войти!

Кроме Шелленберга, в кабинете ни души, и Рейнике, ожидавший увидеть Гаузнера, озадачен. Впрочем, он и виду не подает, сердечно жмет руку Шелленбергу и по его молчаливому сигналу садится первым — справа у стола. Несколько секунд шарканье и скрип сливаются в тот особый, трепетный шумок, который свойствен похоронным церемониалам и приемам у высоких особ; потом все стихает, и Шелленберг без предисловий открывает совещание энергичной, рассчитанной на полное внимание фразой:

— Положение очень тяжелое, господа!

Тишина и новая фраза, туго связанная с другими:

— В ином месте и при ином составе слушателей я формулировал бы иначе. Но с вами я буду откровенен. Военная обстановка сложилась не в нашу пользу, и фюрер неоднократно требовал от всех нас максимального напряжения усилий. Дело идет о жизни и смерти национал-социалистского государства, о жизни и смерти наших идей... О чисто военной обстановке нам позднее доложит генерал фон Арвид из штаба генерала Штюльпнагеля, я же буду говорить о том, что непосредственно касается сидящих здесь и связано с выполнением ими своего долга перед фюрером, нацией и империей. Начну с того, что в тяжелый для родины час рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер принял ответственное решение укрепить тылы армий в генерал-губернаторстве и направляет туда своего верного соратника, старого члена партии бригаденфюрера Рейнике. Позже, господа, вы будете иметь возможность принести ему свои горячие поздравления по этому поводу. А сейчас — о положении здесь, господа. Оно из рук вон плохое. Рейхсфюрер Гиммлер аттестовал его как преступно плохое, я же добавлю к этой оценке справедливые и объективные слова обергруппенфюрера Кальтенбруннера, назвавшего беспрецедентную историю с поисками Леграна профессиональным, политическим и моральным крахом тех, кому этот поиск был доверен. Что случилось, господа офицеры? Я повторяю вопрос, адресую его вам, стражам интересов рейха: что с вами случилось и почему вы утратили страстность, боевитость, нюх? Кто повинен?.. Я знаю, кое-кто из вас сейчас мысленно подсчитывает, что сделано: суммирует число арестованных, вспоминает полученные показания и так далее. Самообман это, господа! Где Легран? Где источники? Где рация, наконец?! Вы два года возитесь с ними, добиваясь частных удач, а при неудачах обвиняя друг друга, объективные условия, небо и плохую погоду. И что же? Легран оказался сильнее вас всех, сильнее могущественного аппарата! Я говорю: любой, кто не чувствует себя способным к работе, должен немедленно подать рапорт и будет смещен! Обещаю, что смещением и ограничится строгость наказания. Но горе тем, кто не найдет в себе мужества признаться в слабости и замедлит в будущем наш марш к цели. Пусть стреляется сам, не ожидая суда, ибо другого приговора, кроме смертного, не последует... Курите, Рейнике. Можете курить и вы, господа.

Переход так внезапен, что Рейнике вздрагивает. После барабана — флейта, и звуки вносят в мелодию совещания почти болезненный диссонанс. Шелленберг протягивает ему портсигар, и Рейнике, выбрав сигарету, тихо спрашивает:

— Где Гаузнер?

— В Булонском лесу. С ним я поговорю позже.

— Де Тур нельзя трогать.

— Ему это известно.

Пользуясь паузой, офицеры шушукаются, но некоторые молчат, курят или читают бумаги. Мейснер тянется к Шустеру, что-то говорит на ухо; бывшие абверовцы сидят тесной группкой в конце стола и перебрасываются короткими фразами. Серые мундиры отутюжены, как на парад, и Рейнике догадывается, что каждый из этой группы ждет себе приговора.

Шелленберг ногтем мизинца изящно стряхивает пепел в бронзовый бочонок. Встает.

— Несколько практических вопросов, господа. Служба радиоперехвата, начнем с вас. Что может сказать майор Шустер о рациях? Сидите!

— Рации не пеленгуются. С начала марта, бригаденфюрер.

— Молчат или работают с ухищрениями? Я жду честного ответа.

— Легран всегда был изобретателен.

— Спасибо, Шустер. Служба криптографии... Или нет. Я спрошу вас позднее. Сначала сделаем так: вам, господа, раздадут бюллетень о положении дел на сегодня — там суммировано все, что мы имеем. На полчаса прервемся, и каждый из вас представит мне письменные соображения по тем проблемам, которые касаются его подразделения. Работать будете здесь.

Пожилой, совершенно седой подполковник, точно школьник, поднимает руку.

— Ответ будет поверхностным, бригаденфюрер.

— Зависит от вас.

— Зачем? — шепотом спрашивает Рейнике.— Они мало что успеют.

— По векселям платят,— так же тихо отвечает Шелленберг.— Я их заставлю работать, черт подери!

Рейнике глубоко затягивается и, сложив губы дудочкой, выпускает дым. Струйка уносится к потолку, к золоченым плафонам и люстре. Высокий потолок... Белые стены, длинные спинки кресел, безбрежный стол... Здесь, в этом зале, год назад генерал фон Бентивеньи неожиданно зачитал декрет, которым Рейнике присваивался ранг бригаденфюрера. Здесь его поздравляли, пророча стремительный взлет...

«Вечером уеду,— думает Рейнике и, веселея, оглядывает склоненные головы офицеров.— Скрипите перьями, мои милые. Торопитесь — ваш поезд тоже стоит у платформы. Только куда поедете вы?»

Шелленберг подвигает ему бочоночек.

— Стряхни пепел. Ты слишком задумался. О чем?

— О польках,— холодно говорит Рейнике.— Если верить молве, они сказочно милы.

— Странно,— с загадочной усмешкой откликается Шелленберг.— Ты говорил о женщинах, и я вдруг вспомнил жену Бергера Лизель. Ты знал ее?

— Нет.

— Кальтенбруннер отправил ее в лагерь. Она умерла. Знаешь, Рейнике, никак не могу отделаться от ощущения, что мертвые готовятся схватить нас, живых.

«Что он имеет в виду?» — думает Рейнике и проносит сигарету мимо рта...

28. Апрель, 1944. Париж, рю Пастурей — вокзал д'Остерлиц.

...А в Париже весна! Уличный воздух пахнет горько и пьяно — почками, нагретыми тротуарами, сохнущей краской отсыревших за зиму стен. Кое-где продают фиалки, крохотные, еще бледные, не вобравшие в себя солнца. И все же они хороши, одинаково хороши в руках девчонки и старухи и стоят недорого — всего несколько су. Жак-Анри покупает букетик: не для конспирации или сигнала — для себя.

«Букет цветов из Ниццы, та-та-там-та...» Это из какого-то романса, всплывшего в памяти. Жак-Анри встряхивает фиалки, поднося к лицу.

— Из Иври, мадам?

— Нет, Курбевуа.

Северо-западная окраина, где живут в основном бедняки; до войны там селились апаши. В маленькие подпольные кабачки привозили богатых туристов. «Только для вас, мсье! Настоящий притон!» В кабачке апаши в белых рубахах с отложными воротничками пили анисовую и обнимали подруг. Туристы разглядывали их, как диковинку, им было жутковато. Апаши бранились, задирались, сверкали ножи, визжали женщины. Хозяин гасил свет и по темным переходам уводил гостей, рассовывая по карманам гонорар. «Скорее, господа! Сейчас прибудет полиция. Мерси, мадам; о, вы так щедры, мсье!..» В кабачке зажигали свет, и усталые участники спектакля смывали краску — актеры, металлисты, девчонки с фабрик, оставшиеся без работы из-за кризиса, они добывали франки не на перно, а на хлеб. Настоящие апаши жили незаметно, снимали целые этажи и быстро приращивали текущие счета во время предвыборных кампаний — после них они, как правило, переезжали в более солидные кварталы.

Курбевуа отдало свою молодежь маки.

— Доброго здоровья, мадам!

— И вам, мсье.

— Совсем весна.

— Дожить бы до лета, а?

Жак-Анри с фиалками у лица, стараясь не припадать на правую, ноющую ногу, бредет по широкой рю дез Архив, невыразительно застроенной и отличающейся лишь тем, что справа, если глядеть от Сены, целый квартал занимают здания Национального архива.

Последние часы в Париже. Техник принес шифровки, короткие. «Марату. Берлин, Далем, Шварцен — Мюзаус-штрассе, 27, 2-й этаж, справа, один длинный, короткий, два длинных. Доктор Эберт. Вам привет от Профессора. Ответят: почему нет писем. Профессор». И вторая: «Марату. Встреча четным указанном вами месте, между часом и двумя. После этого уезжайте. Все мы желаем вам удачи. Профессор».

Замена!.. Техник приведет товарища, встретив его у бокового входа в Нотр-Дам де Пари и узнав по коричневому портфелю с незастегнутой правой пряжкой. Связной принесет на вокзал билет — вечером, прямо на перрон... А в Париже — весна. И кора каштанов посветлела, и люди заулыбались, словно с весной исчезло то, что угнетало их, пригибало, лишало веры в себя и будущее... Итак, Берлин, Далем. Господин доктор Эберт, который скорее всего и не доктор и, конечно же, не Эберт и тоже, как Жак-Анри, долго ждал замены.

Жак-Анри минует Архив и идет вдоль многоэтажных домов с узкими застекленными подъездами. Консьержи и консьержки на складных стульчиках греются под солнцем; из открытых дверей на улицу тяжело выливается влажный, чуть кисловатый воздух лестниц.

Вчера немцы выпустили Бланшара. Бедный старикан попал как кур в ощип. Связной прогулялся туда-сюда по рю Вандом, с девушкой под руку, заметил Бланшара в подъезде и дал знать Жаку-Анри. Вполне возможно, гестапо использует старика как приманку, а дом превратило в ловушку. Еще один капкан поставлен СД в антикварной лавке, где уже больше недели торчит засада. Следят и за мадам де Тур, но пока не трогают ни ее, ни Бернгардта Лютце. Жак-Анри с помощью товарищей уговорил молочницу, постоянно снабжающую особняк сливками, передать записочку мадам. Молочница, у которой оба брата погибли в маки, подклеила полученной полоской папиросной бумаги рваный банкнот в десять франков и, давая мадам сдачу, шепнула, что надо. Мадам на следующий день поехала на Северный вокзал и привела за собой очень аккуратных хвостов, державшихся так скромно, что товарищи еле распознали их в толпе. Гастон немедленно занялся переговорами с коллегами по бригаде проводников — тем было не впервой переправлять людей через границу. Сколько-то дней гестаповцы не тронут Аннет де Тур, а Гастон обещал сделать дело не позднее воскресенья. Новый руководитель начнет не с простой задачи!

Жак-Анри перекидывает через руку темный редингот. Одежда явно не по сезону, но у него сильно ломит спину и ноги ноют — похоже, началось какое-то осложнение, сильно смахивающее на ревматизм.

С фиалками в правой руке и с рединготом на левой, в широкополой шляпе Жак-Анри — ленточка в петлице — похож на отставного военного, каких много. В его документах сказано: старший сержант в отставке, пенсия по

выслуге лет, уволен в 1938-м по болезни, от мобилизации был освобожден. Вечером взамен этих документов в бумажнике появятся другие, имперские, с распластанным орлом на обложке и пометками парижской комендатуры. Не фальшивка, а подлинник, полученный еще во время «Эпок» и с тех пор ждавший своего часа.

«Букет цветов из Ниццы...» — насвистывает Жак-Анри, ловя себя на том, что ему грустно — так грустно, что хоть плачь.

Терять и уезжать всегда тяжело. Это неверно, что где живешь, там и дом. Так не бывает. Из Москвы уезжал, знал, что иначе нельзя, совершенно необходимо, а все одно — было тяжко. Еле оторвался от вагонного окна, до самой границы слонялся по коридорчику, не находя покоя... Париж не родина, но город, где навсегда остались Жаклин и Жюль и товарищи, которых нет теперь... И у кошки должен быть дом! Даже у кошки... Жак-Анри теребит букетик и думает, что будет тосковать по разноцветным Большим Бульварам, по аллеям Венсена с плохо убранной прелой листвой, набережным у Острова, пахнущим рыбой и керосином, домам под черепицей, углам, тумбам с чугунными шляпками на этих углах — по всему тому, что оказалось так прочно и болезненно связанным с памятью и сердцем...

Жак-Анри сворачивает с рю дез Архив на рю Пастурей. В кабачке, на первом полуподвальном окне, белеет бумажка: «Распродажа: 5 франков за литр». Можно входить. Не оглядываясь, Жак-Анри ступает под своды подворотни и, задевая редингoтом за битые ящики, по кирпичным ступеням спускается к фанерной двери, ведущей в задние комнаты кабачка.

Хозяин открывает на троекратный стук.

— О-ля-ля! И, конечно, пешком? Сумасшедший!

Жак-Анри смущенно стряхивает с костюма пыль.

— Ничего...

— А твоя нога?

— Ей легче в тепле. Он здесь?

— Пьет вино в моей комнате.

— Спасибо тебе за все. Если что...

— Какие могут быть разговоры, дружище! Мы с Жерменом любим тебя, и ты должен это знать!.. Я пришлю вам наверх бутылочку шатонефа... Он поживет у меня?

— Договоримся.

— Можешь рассчитывать,— говорит хозяин и вздыхает.— Думаешь, весело сидеть и ждать, сложив руки на пузе? Вам с Жерменом хорошо!

Он вытирает руки о фартук и, толстый, громадный, бочком втискивается в чулан, а Жак-Анри по узенькой железной лестничке поднимается наверх. Удивительно, как это хозяин ухитряется по ней пролезать — при его комплекции лестницу надо бы расширить по крайней мере вдвое. Жак-Анри бросает на перила редингот и осторожно, чтобы не помять цветы, стучит в низкую дверь.

— Войдите!

Чертовски знакомый голос... Эта мысль мелькает в голове Жака-Анри и тут же сливается с радостью — такой сильной и полной, какой он давно не испытывал.

— Вальтер!..

— Старина!

Ширвиндт — пенсне, седые височки — первым со всего размаха хлопает Жака-Анри по плечу. Они стоят друг против друга, молчат, и только пенсне Ширвиндта трясется.

— Ты не знал?

— Откуда? Центр ничего не сообщил.

— Черт!.. О чем мы?.. Как ты, дружище?

— Может быть, сядем?

— Да, да, конечно...

...Сидеть в обществе друга и пить старое, тягучее и очень сладкое вино — о таком можно только мечтать. Цветной сон наяву! Жак-Анри наполняет рюмки.

— Есть правда на свете!

— Еще бы! Вдвоем мы развернемся. Ведь так?

Жак-Анри льет вино через край.

— Я должен уехать... Плохой из меня хозяин, да?

Вальтер отставляет рюмку. Жак-Анри видит в стеклах его пенсне себя — маленького и карикатурно нелепого.

— Так,— говорит Ширвиндт.— Дома сейчас хорошо.

— Да,— говорит Жак-Анри.

— На Красную площадь зайди.

— Да,— говорит Жак-Анри.— Тут у тебя славные ребята, особенно Техник и Жермен. Он недавно вернулся в группу из маки. Можешь с ними подписаться на все.

— Кто на связи?

— Будут двое. На самый крайний случай рассчитывай на этот кабачок.

— Кто меня встречал?

— Техник. Он кое в чем заменил Жюля.

— А... Так ты сходи на Красную площадь,— повторяет Вальтер.— К Мавзолею сходи.

— Конечно, старина. Ты почему не пьешь?

Жак-Анри, стараясь сделать это незаметно, смотрит на ручные часы. Скоро идти — гораздо скорее, чем хотелось бы. До вечера надо найти подходящий чемодан — не новый, но хороший — и запастись сувенирами, без которых ни один уважающий себя немец не возвратится в обожаемый фатерланд.

— На Варшавской площади есть сад,— говорит Жак-Анри.— Запоминай: третья скамейка от входа, в нише у ограды. На спинке вырезано «любовь» — весна, понимаешь... У урны два дна. Вечером там мало народа, одни влюбленные, заберешь пакетик от мятных лепешек.

— Надо проявлять?

— Да, как всегда. Там адреса и все такое прочее. Что тебя смущает?

— Копаться в урне...

— Извини... Копаться не надо, она сдвигается по оси. И не носи здесь пенсне — парижане любят злословить!

— По паспорту я из белогвардейцев. Как твой канал с Максом? Не подведет?

Очень деловой разговор, такой сухой, что хочется рюмку разбить, крикнуть, встряхнуть друга, сказать: разве это наша с тобой вина, что только увиделись — и расстаемся? И не домой я еду...

Жак-Анри медленно цедит густое, обволакивающее язык вино. Оно слишком приторное — шатонеф из личных запасов хозяина.

— Кстати, о Максе. Он хорошо осведомлен. Ты уверен в нем, Вальтер?

— Сейчас да. Но то, что он мне рассказал о себе, похоже на Шахразаду. И вдобавок он связан со швейцарской разведкой. Лусто памятник ему должен поставить за информацию о «Танненбауме» — Макс больше сделал для швейцарского нейтралитета, чем все военные атташе Конфедерации!.. Я вижу, ты спешишь?

— Несколько минут найдутся.

— Значит, Варшавская площадь, сад, третья скамейка в нише.

— Точно.

— Есть что-нибудь неотложное?

— Да,— говорит Жак-Анри и против воли опять смотрит на часы.— Двоих информаторов надо срочно вывести из-под наблюдения. Он и она: француженка и немец. У меня есть человек, он берется это сделать. Присмотри за этим, ладно?

Если говорить обо всем, не хватит жизни, а о делах — достаточно и ста слов. Чем меньше, тем лучше. Одному уезжать, другому пере-

нять работу, подхватить, как винтовку, и только проверить, есть ли патроны в магазине... Жак-Анри через силу улыбается, встает.

— До встречи, Вальтер!

Пиджак Ширвиндта пахнет теплом и дымом. Грубая шерсть щекочет ладонь, и Жак-Анри мнет ее, сжимает в кулаке, притягивая Вальтера к себе.

— До встречи, Вальтер!

— Москве поклонись...

...Улица шелестит, шуршит, стучит каблуками прохожих. Жак-Анри останавливается и отряхивает редингот. Заходит в первую попавшуюся лавочку и, не торгуясь, покупает дешевые безделушки, рыночное дрянцо — сувениры завоевателя. Вечером они лягут на самое дно чемодана — и прощай, Париж!

«Букет цветов из Ниццы...»

«Москве поклонись...»

«Далем. Шварцен — Мюзаус-штрассе...»

Фразы, путаясь, наползая друг на друга, возникают в голове Жака-Анри, порождая сложное чувство, от которого ему не удается избавиться до самого вечера, и с ним он садится в вагон — стоит у окна, глядя, как связной уходит, не оглядываясь, не остановленный никем. Толпа на перроне поглощает его.

Чемодан желтой кожи, брюки-гольф в клетку, кепи с большим козырьком. Толстая, очень крепкая сигара.

Серебряный перстень с монограммой на мизинце Жака-Анри — намек, что более ценные вещи из золота он патриотично, повинуясь имперскому декрету, сдал на военные нужды рейха. Партийный значок — тоже из серебра, защемивший галстук, сделан на заказ: такие по специальному разрешению гауляйтера Большого Берлина изготовляет маленькими партиями ювелир Плотценберг с Фридрихштрассе.

— Хайль Гитлер!

Это сосед по купе — немолодой, в дорожном костюме. По виду не шпик, хотя кто его знает! Шпиков везде достаточно. И у них есть описание Жака-Анри, точнее, несколько описаний, в принципе далеких от его теперешней внешности, но в то же время достаточных, чтобы при большом опыте и сноровке заразиться подозрениями и предложить пройти в комендатуру для проверки.

Легче жить в Париже, чем выехать из него.

— Хайль Гитлер! — отгоняя клуб дыма, говорит Жак-Анри.— Домой?

— Да. Честь имею: Таубе, «И. Г. Фарбен».

— Вильгельм Блитц!

«Таубе» — голубь... Электрический колокол вот-вот отзвонит отход, и экспресс отойдет от перрона. Жак-Анри заботливо послюнявленным мизинцем смачивает сигару, чтобы не сгорала слишком быстро, и в то же время заставляет себя не смотреть на перрон, где вдруг появляется непомерно много штатских в традиционных черных плащах с бархатными воротниками.

— Вы и ночью курите?

— Что вы! Сплю как сурок.

А в голове — совсем другое. «Что это — облава? Вот уж некстати!.. Доеду ли?.. Надо доехать — обязан доехать — не могу не доехать — права не имею...»

— Прошу документы.

Трое — в черных плащах... Жак-Анри солидно шуршит бумажником из эрфуртской кожи. Рука излишне напряжена, и он приказывает ей расслабиться. Вот так. Теперь чуть повернемся — пусть господа не утруждаются при сверке фотографии и лица. Электрическая лампа в плафоне экономно тускла. Но у них фонарики.

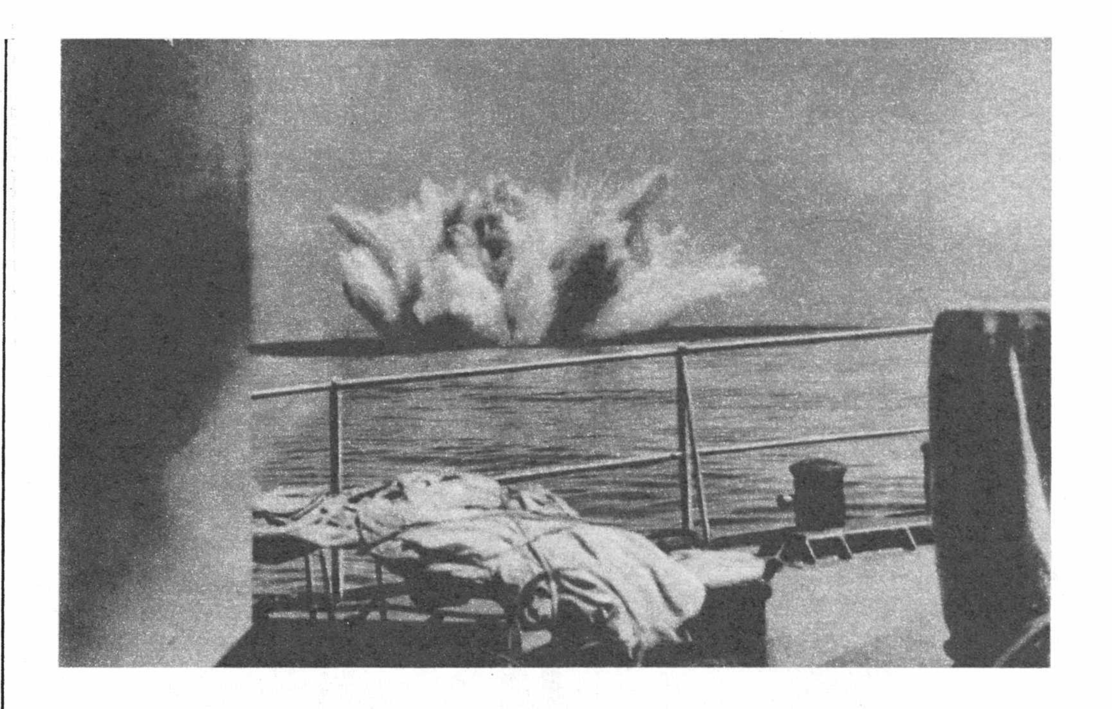
Таубе достает паспорт.

И Жак-Анри достает. Луч фонарика бьет по плечам, руке с перстнем, подбородку, галстуку с партийным значком. Первая проверка; если пронесет, то сколько еще будет других?.. Очень многое можно передумать за одну секунду: вспомнить мать, Родину, друзей, слова Вальтера: «Красной площади поклонись!..»

— В порядке!

...Только секунда прошла. Только!.. Одна секунда из жизни человека, носящего чужое имя Жака-Анри. Мимолетный миг — не из ряда вон, не подвиг — частичка будней в общих буднях войны.

— Ну вот и поехали!..

ТРАЛЫ ИЩУТ МИНЫ

Как известно, по просьбе правительства Арабской Республики Египет специально выделенные тральные силы Советского Военно-Морского Флота разминируют Суэцкий залив. Наш корреспондент А. Голиков связался по радио с руководителем этих работ, капитаном первого ранга Александром Николаевичем Аполлоновым.

ВОПРОС. Каковы особенности выполняемой вами работы?

ОТВЕТ. Первая особенность возникла, прежде чем мы приступили к выполнению задания. Нашим тральщикам пришлось совершить океанский переход более чем в восемь тысяч миль. Для кораблей этого класса и их личного состава — испытание серьезное. Океан встретил неласково: то и дело штормило, а потом обрушился тайфун. Трепало изрядно. Однако матросы, старшины и офицеры показали себя опытными моряками. Поход прошел хорошо.

Сейчас в Суэцком заливе разминируем пролив Губаль. Точных сведений о минных заграждениях у нас нет. Мины здесь разного назначения и устройства. В общем, работа сложная и небезопасная для кораблей и личного состава. Мы базируемся на небольшой порт Хургада. Очень жарко. С берега дует горячий, словно из раскаленной печки, ветер. Он несет с собой песок, который проникает всюду, хрустит на зубах и прибавляет морякам забот: всемерно предохраняем от него различные тральные устройства и механизмы.

Весь наш личный состав гордится тем, что ему поручено выполнение столь ответственного задания. Мы рассматриваем его не как обычную военно-техническую операцию, а как дружескую помощь нашей страны народу Египта, к которому советские люди питают самые искренние симпатии.

Жители порта Хургада тепло относятся к советским морякам. Успешное завершение работ, восстановление судоходства по Суэцкому каналу будут способствовать развитию мировой торговли и иметь огромное значение для экономики Египта. Суэцкий канал был важной мировой водной магистралью. Через него доставлялась нефть из стран Персидского залива в Европу и Америку, перебрасывались грузы из Средиземноморья на Дальний Восток и в Азию. Закрытие канала семь лет назад из-за израильской агрессии нанесло огромный ущерб мировому судоходству и торговле. Международные морские пути в связи с выходом из строя канала удлинились. К примеру, путь от Англии до индийских портов увеличился приблизительно на 4 тысячи миль. Увеличились сроки оборачиваемости торговых судов, резко возросла стоимость доставки перевозимых грузов.

ВОПРОС. Как идет разминирование?

ОТВЕТ. Успешно! У нас отличные специалисты, обладающие богатейшим опытом очистки своих прибрежных вод от мин, оставленных гитлеровцами во время второй мировой войны. В нашем распоряжении современная аппаратура для обнаружения мин различного назначения и техника для их обезвреживания. Располагаем мы и вертолетами. Недавно советские моряки отлично справились с очисткой от мин бангладешского порта Читтагонг. Там тоже были тяжелые условия. Весь наш личный состав работает с большим энтузиазмом. Отлично выполняют ответственные задания минеры лейтенанты Толстиков и Иванов, старшина команды мичман Жигелин, командир отделения, старшина первой статьи Тихоменко и многие другие. Уверен, что ответственное задание выполним в срок.

На снимке: уничтожение одной из мин в Суэцком заливе.

По просьбе редакции журнала «Огонек» фото с места события доставлено летчиком Валентином Андреевичем Боярским.

В следующем номере «Огонек» начинает печатать повесть американского писателя Эрнеста Лемана «Сладкий запах успеха».

«ХОЧЕТСЯ НЕВОЛЬНО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ»

(К 60-ЛЕТИЮ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИГА П. Н. НЕСТЕРОВА)

П. Н. Нестеров, 1913 год.

Заслуги русского военного летчика Петра Николаевича Нестерова общеизвестны. «Мертвая петля», выполненная им в 1913 году, положила начало высшему пилотажу и принесла русскому авиатору всемирную славу.

Но мало кто знает, что Нестеров был незаурядным пианистом и гитаристом, обладал мягким, лирическим тенором. Сослуживцы часто слушали в его исполнении не только народные песни и популярные романсы, но и классические музыкальные произведения, арии из опер. В семье Нестеровых часто устраивались домашние концерты. Петр Николаевич и его жена охотно принимали участие в различных благотворительных и праздничных гарнизонных вечерах.

8 сентября 1914 года П. Н. Нестеров в первом в истории военной авиации бою сбил вражеский самолет тараном, жизнью своей оплатив одержанную победу.

Героический подвиг выдающегося русского летчика взволновал весь мир. Как в отечественных, так и в заграничных журналах и газетах было опубликовано много материалов о П. Н. Нестерове, показавшем невиданное мастерство и отвагу.

Один из французских журналов напечатал стихотворение, посвященное памяти доблестного летчика. Вскоре оно было переведено на русский язык:

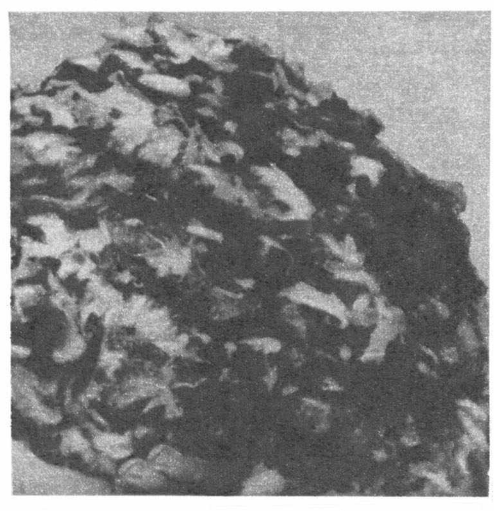
Предо мною образ павшего героя.
Не могу я думать ни о чем другом.
Он поднялся в небо, небо голубое
Мощным, смелым, гордым,
пламенным орлом.
Он увидел: тенью черной хищной
птицы
«Альбатрос» австрийский над
родной землей.
Вспыхнули отвагой зоркие зеницы,
Он взметнулся грозною стрелой —
И не стало мрачной хищной тени...
Но за Родину погиб и сам герой...
Хочется невольно преклонить
колени
Перед памятью его заветной
и святой...

Молодой композитор Бормаков переложил стихи на музыку.

Несколько лет тому назад 80-летний москвич Б. В. Мельников передал ноты музыкального произведения, посвященного герою-летчику, в дар Центральному Дому авиации и космонавтики.

Н. СЕМЕНКОВИЧ,
научный сотрудник
Центрального Дома
авиации и космонавтики
имени М. В. Фрунзе

ДИКОВИННЫЙ ГРИБ

Белорусские леса славятся большими урожаями грибов. Но на диковинную находку жителя деревни Лыково, Могилевского района, Н. Левкова сбежались посмотреть все. Гриб «баран» — весом 4 кг 750 г — дальний родственник боровика, подосиновика и подберезовика. Плодовое тело его состоит из множества тонких, бесформенно-волнистых шляпок — лепестков сероватого цвета, которые размещаются на белых разветвленных ножках, сросшихся у основания.

Гриб обладает приятным запахом, его можно жарить и варить. Встречается гриб очень редко. Растет он всегда одиночно. Его можно найти осенью в смешанных лесах, но предпочтение гриб «баран» отдает сосне.

В. ШИДЛОВСКИЙ

Минск.

ГОСТЬ В БЕЛОЙ ШУБЕ

Медведь хлопнул лапой, подняв облако снежной пыли, мотнул головой (мол, была не была) и неторопливо двинулся в сторону поселка горняков Пирамида.

Что вело его в поселок? Может, надеялся чем-нибудь поживиться, может, решил осуществить свое право хозяина Арктики и проверить, как идут дела у полярников Пирамиды? А может, знал, что жители советского поселка на Шпицбергене строжайше соблюдают международное соглашение о запрете отстрела этого редкого зверя, и шел безо всякой боязни? Если так, он не ошибся и не рисковал ничем: не курки взводили торопливые пальцы пирамидчан, а затворы фотоаппаратов и кинокамер. По количеству этой техники на душу населения самый северный советский угольный рудник занимает, наверное, первое место в мире. А тут такой случай: хозяин шпицбергенских просторов сам пришел попозировать.

На выходе из поселка медведя заинтересовал фонарь на столбе. Он встал на задние лапы, передней аккуратно толкнул фонарь, не сбил. Фонарь закачался, медведь полюбовался делом лап своих, потом поиграл пустыми железными бочками, ящиками и, видимо, решив, что впечатлений на этот день достаточно, отправился на лед залива Билле-фьорд.

Гость оказался на удивление любопытным, да и в смелости ему не откажешь. Встреча прошла на высоте, медведь и полярники были взаимно вежливы.

В. ЧЕРНИКОВ

Шпицберген.

Фото А. Дуброва.

НАМ ОТВЕЧАЮТ

(На заметку «Условия... на брак», напечатанную в № 24 «Огонька»)

В заметке, опубликованной в «Огоньке», правильно отмечено, что эмалированная посуда Новомосковского металлургического завода еще недостаточно высокого качества.

В настоящее время цех эмалированной посуды завода переживает свое второе рождение после коренной реконструкции цеха.

К сожалению, из-за больших просчетов в проектах основное отделение цеха по приготовлению эмалей до настоящего времени освоено не полностью, что создает определенные трудности в приготовлении качественных эмалей.

Данная заметка обсуждена на рабочих собраниях со всеми работниками цеха, ОТК и техническими службами завода.

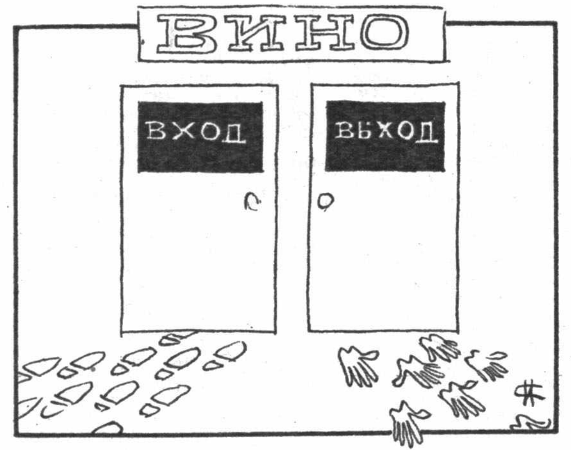
Намечены мероприятия по улучшению качества эмалированной посуды и повышению общей культуры изготовления посуды.

...Работники завода примут все меры к тому, чтобы посуда Новомосковского металлургического завода имела минимальное количество дефектов, была высокого качества и полностью удовлетворяла спрос потребителей.

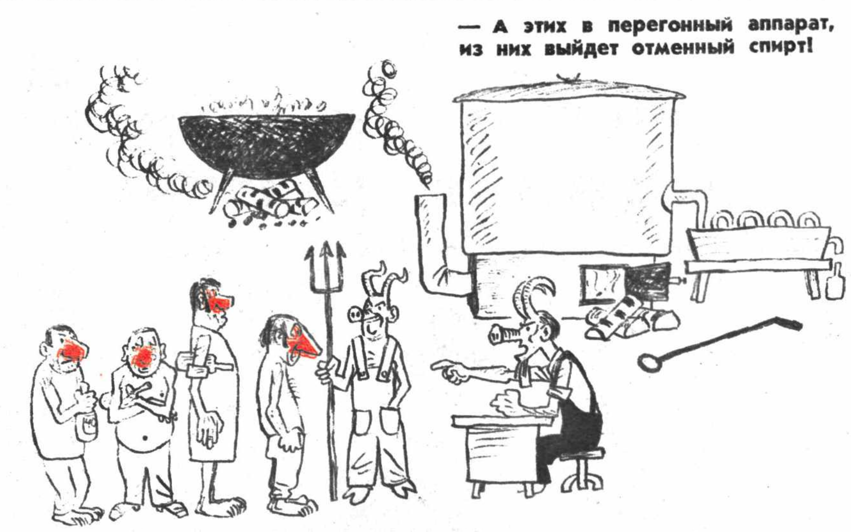
Н. Я. НОВИКОВ,
главный инженер завода

ГРАДУСЫ И КАЗУСЫ

Рисунки Б. БОССАРТА,
Е. ВЕДЕРНИКОВА,
В. ВОЕВОДИНА,
И. СЫЧЕВА.

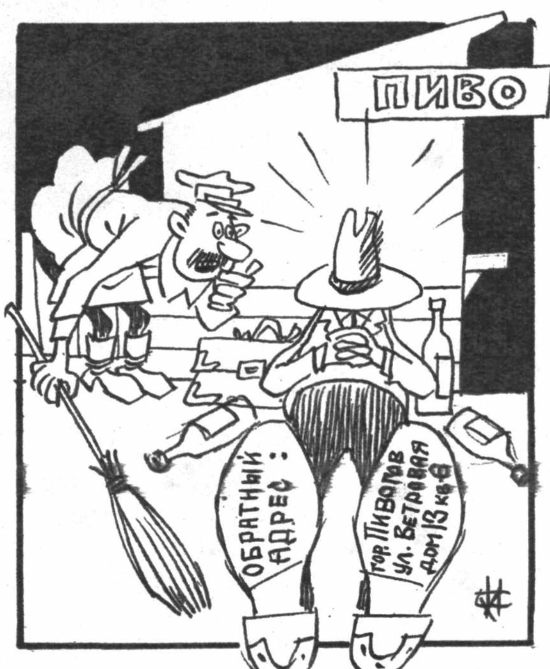
Без слов.

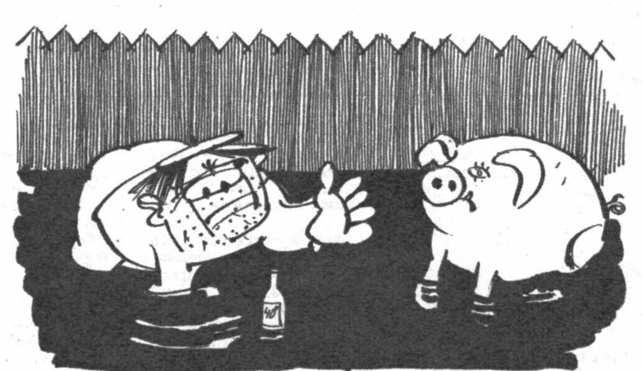
— А этих в перегонный аппарат, из них выйдет отменный спирт!

— Он джентльмен! Сесть разрешил!

— Видать, командировочный!

— Дай лапу, друг!

— Начал я с малого.

Без слов.

— И тебя домой не пускают!!

Леонид ЛЕНЧ

Благие порывы

Мы встретились с Волосуевым случайно на улице, и я имел неосторожность задать ему самый банальный вопрос:

— Куда думаете летом поехать отдыхать?

— Вас это действительно интересует? — ответил мне Волосуев вопросом на вопрос и посмотрел на меня испытующе.

Неловко было признаться, что проблема летнего отдыха Волосуева меня мало волнует, и я сказал, что, поскольку сам я для себя лично эту проблему еще не решил, постольку творческие поиски моих знакомых в этом направлении для меня небезразличны.

— Тогда давайте зайдем в «стекляшку», посидим, чего-нибудь выпьем и поговорим на эту тему,— предложил Волосуев.

Я согласился. Мы зашли в кафе, почти пустое, и сели за свободный столик. Официантка с пухлым, сонным лицом, сидевшая в дальнем углу, поднялась, сунула в кармашек фартучка щетку, которой она расчесывала свои кудри, подошла к нам, бросила на стол меню в роскошной глянцевой обложке и сердито сказала:

— На меню не надейтесь, выбирайте только из холодных закусок, у нас плита на ремонте.

— А пиво есть? — спросил Волосуев.

— Пиво есть, но на холодное не надейтесь.

— Холодильник на ремонте? — поинтересовался Волосуев.

— На ремонте!

— А кофеварка?

— На ремонте!

— А директор?

— В отпуск ушел!

Волосуев заказал пива. Официантка принесла две бутылки, откупорила одну из них и, уединившись за своим столиком, стала пудрить нос и подкрашивать губы.

Мы, давясь, пили теплое пиво и вели разговор, который я здесь привожу почти дословно.

— Итак, куда же все-таки вы поедете отдыхать? — спросил меня Волосуев.

Я сказал, что, по-видимому, как всегда, на Минеральные Воды — Кисловодск, Пятигорск, Железноводск. Я люблю Кавказ и не изменяю ему, я в этом смысле однолюб.

— Вы несчастный человек! — с пафосом сказал Волосуев.

— Почему?

— Потому что вы сами себя обкрадываете. Отдых должен быть активным, это вам все скажут. Туризм! И только туризм! Сейчас, когда появились туристские поезда, туристские самолетные рейсы, обрекать себя на сидение в каком-то санатории на одном месте... боже мой, какая дремучая отсталость!..

— Да, но если есть необходимость...

— Бросьте! — перебил меня Волосуев.— Активный отдых лучше всяких ванн и процедур укрепит ваше пошатнувшееся здоровье! Не слушайте врачей, слушайте меня! Отдых — это прежде всего восстановление в человеческом организме нервного равновесия. Согласны?

— Согласен, но...

— Никаких «но»! Мы с Сусанной решили: только туризм. Сколько соблазнительных маршрутов! Горный Алтай с его знаменитым Чуйским трактом! Тайга подступает прямо к асфальту. Вы катите в машине и вдруг из леса выходит самый настоящий, всамделишный, живой медведь...

— Поднимает лапу и просит подвезти до ближайшего зоопарка! — не выдержал я.

— Оставьте ваши шуточки!.. А Кижи на Севере, эта деревянная поэма, срубленная одним топориком...

— И никаких гвоздей! — вставил я.

— И никаких гвоздей! — на полном серьезе подтвердил Волосуев.— Азовское море с его лазурной гладью и огненной рыбацкой ухой на берегу. А Закарпатье?! Буйные горные реки и степенные гуцулы. В дубленках — заметьте!.. Костромские и Мещерские леса... Тебердинский заповедник на том же вашем Кавказе... Сколько соблазнительных туристских мест — глаза разбегаются!

Я слушал соловьиные рулады Волосуева и с невольным уважением поглядывал на этого хилого энтузиаста активного отдыха. Вот это человек! Не то что мы, грешные, с нашей жалкой мечтой о путевочке в минералводский или черноморский санаторий.

Путевку мне достали в один из хороших пятигорских санаториев.

Утром после завтрака я шел по длинному коридору в свою комнату. В одном из его отсеков за низким столиком сидели и нещадно дымили сигаретами картежники. Знакомая картинка! Странные люди, эти санаторные картежники! Они находят друг друга каким-то собачьим нюхом сразу же, как только сдадут дежурной сестре свои путевки. Сдадут—и тут же садятся сдавать карты. Они не лечатся, не отдыхают, не гуляют, не читают, не смотрят кинокартин. Весь свой путевочный срок они играют в карты. С утра до обеда, после обеда — в мертвый час («Мы будем шепотом, сестрица, не беспокойтесь!») и уж, конечно, после ужина до кефира на ночь. Сидят и весь день гулко шлепают картами по столу, изредка обмениваясь желчными упреками по поводу неверного хода. Я поравнялся со столиком картежников и, к своему великому удивлению, в одном из них узнал... Волосуева! Я окликнул его. Энтузиаст активного отдыха посмотрел на меня пустыми глазами и безучастно спросил:

— Вы — без?

— Без чего?

— Без жены?

— Без. А вы?

— Я тоже без жены.— Он заглянул в свой карточный веер.— И, кажется, к тому же еще и без трех!

Волосуев обернулся к партнерам и ласково, с подхалимскими нотками в голосе сказал:

— У меня три взятки, друзья, не стоит бить карты!

— Нет, стоит, милейший, у вас две взятки. Вы без четырех! — жестко бросил один из игроков, могучий, плечистый, угловатый, с диким мохом на лысой шишкастой макушке, как утес из песни.

Волосуев стал ему визгливо возражать, я ушел к себе.

После ужина мы встретились в том же коридоре.

— Почему вы здесь, Волосуев? — строго спросил я.— По моим расчетам, вы должны были катить по Чуйскому тракту. Или хлебать огненную уху на берегу Азовского моря. В крайнем случае — примерять гуцульскую дубленку в Закарпатье. А вместо этого вы активно отдыхаете за преферансом с утра и до вечера. В чем дело? Объясните, пожалуйста.

Волосуев безнадежно махнул рукой:

— Глупая история! Наш местком получил горящую путевку в этот санаторий... На нее претендовали Проскуревич, Шпунтикова и Колесовский. Меня обуяла жадность. Я расшвырял всех. Даже такую востроногую даму, как наша Шпунтикова, и ту на козе объехал. В общем, путевку отдали мне!

— А как же Сусанна?

— Сусанна уехала одна на Азовское море. (Волосуев печально вздохнул.) Пишет мне, что устроилась замечательно, гуляет, загорает, наслаждается огненной ухой и рыбацкими песнями. А я вот тут... ремижусь. Вы обратили внимание на этого здоровенного... с пухом на лысой макушке?

— Обратил!

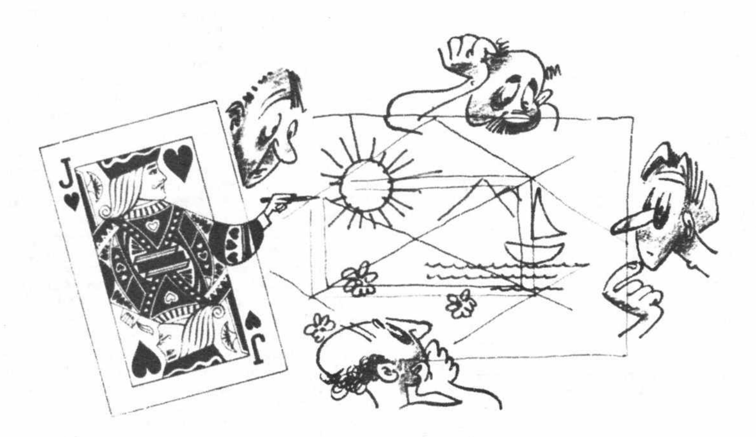
— Это он меня... вовлек. Бухгалтер из Ферганы. По-моему, он просто шулер. Всех обыграл, собака!..

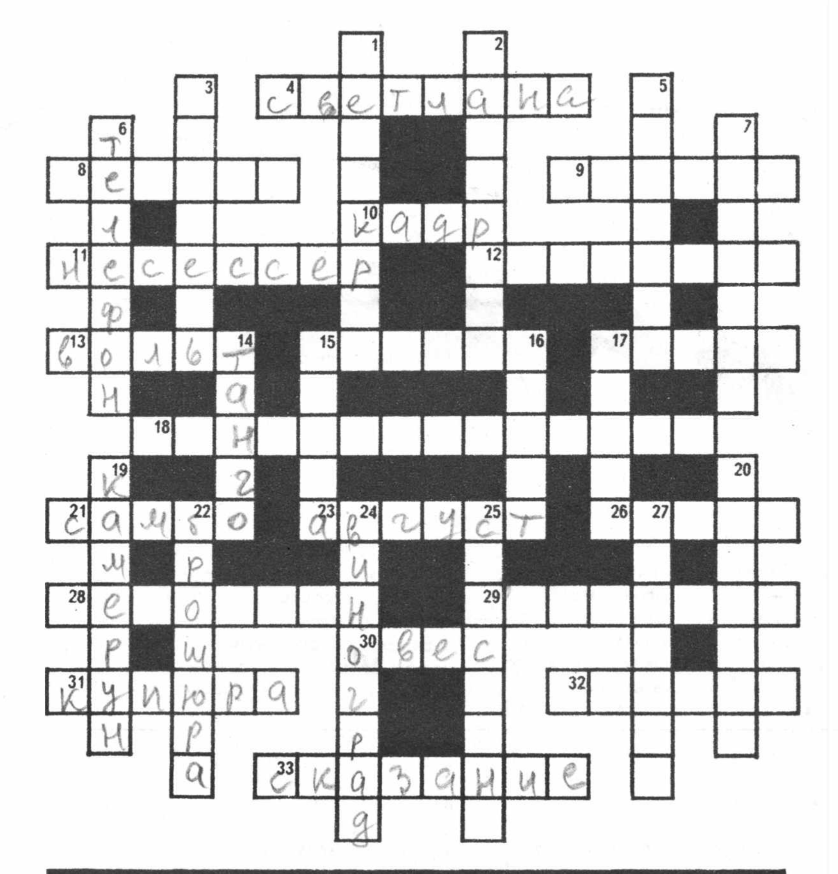
Волосуев вздохнул еще печальнее.

— Вы сможете одолжить мне немножко денег? Я проиграл свои дорожные.

Я обещал его выручить.

Через неделю он уехал вместе со своими партнерами. Последнюю пульку они доигрывали в автобусе. На этом активный отдых Волосуева и окончился. Суждены нам благие порывы, как сказал поэт!..

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Баллада В. А. Жуковского. 8. Металл. 9. Указ, закон. 10. Отдельный снимок на ленте кинофильма. 11. Футляр с туалетными принадлежностями. 12. Река, впадающая в Аральское море. 13. Единица электрического напряжения. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Оптический генератор. 18. Город в Донецкой области. 21. Спортивная борьба. 23. Месяц года. 26. Роман Т. Драйзера. 28. Древнегреческий оратор. 29. Русский писатель XVIII века. 30. Яровой злак. 31. Наименование нарицательной стоимости бумажных денег. 32. Тропическая морская птица. 33. Жанр древнерусской литературы.

По вертикали: 1. Французский живописец. 2. Вид местности с высоты. 3. Рыболовная сеть. 5. Сорт хрусталя. 6. Переговорное устройство. 7. Хлопчатобумажная ткань. 14. Танец. 15. Порт в Финляндии. 16. Добровольное спортивное общество. 17. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 19. Государство в Центральной Африке. 20. Армянский композитор. 22. Небольшое печатное издание. 24. Вьющееся плодовое растение. 25. Экваториальное созвездие. 27. Русский поэт XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 5. «Наливайко». 8. Гардина. 9. Яковлев. 11. Сопилка. 15. Косинус. 17. Кремний. 18. Тонна. 19. Белобочка. 20. Габон. 21. Титул. 23. Короленко. 24. Торос. 25. Экзамен. 26. Аэрарий. 27. Алазани. 29. Гафуров. 31. Плетень. 32. Донателло.

По вертикали: 1. Нарцисс. 2. Линза. 3. Вафля. 4. Аксиома. 6. Шаланда. 7. Четверг. 10. Боровинка. 12. Поговорка. 13. Лазоревка. 14. Цитология. 16. Собакин. 17. Крайова. 22. Лимонад. 24. Терцина. 27. Агроном. 28. Иремель. 30. Вираж. 31. Пепел.

На первой странице обложки: Отмолотился — получи каравай! Таков обычай у хлеборобов колхоза имени Кирова, Краснодарского края. Сегодня друзья поздравляют комбайнера Алексея Скубия.

Фото А. Гостева.

На последней странице обложки: Агитбригада «Родник» приехала в колхоз (см. в номере репортаж «Увлеченные»).

Фото Д. Диева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/VII—1974 г. А 00609. Подписано к печ. 13/VIII—1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1738 Тираж 2 112 000 экз. Заказ № 2546.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото Д. ДИЕВА.

От дороги к пруду медленно, полого спускается луг. По яркой, свежей зелени луга разбросаны крохотные белые маргаритки. Возле пруда пасутся черно-белые коровы. Полдень — время дневной дойки. Но вот эту зелено-белую гармонию нарушили девчонки в красных юбках, красных кепках и синих блузках, и будто костер зажгли на поляне! Агитбригада «Родник» Гурьевского Дома культуры приехала сегодня в гости к доярка̀м.

Агитбригады первых пятилеток, легендарная «Синяя блуза»... До недавнего времени этот жанр народного творчества был не то что забыт, но не очень-то процветал. Зато в последние годы, особенно после Всероссийского смотра агитбригад, по всей стране произошел как бы скачок. Хорошо это чувствуется в районах Калининградской области, по которым мы ездим вместе с директором Дома народного творчества Тамарой Лавровой и старшим методистом по агитационно-художественной работе Софьей Жихаревой.

Вернемся на зеленую поляну, где агитбригада как раз начинает свой концерт.

Факт, документ, облеченный в художественную форму, становятся главным оружием участников бригады. Лень, разгильдяйство, равнодушие критикуются резко, беспощадно. «Неурожаи там бывают, где жить привыкли без забот!» — эта незамысловатая фраза приобретает четкий, вполне конкретный смысл: для участников бригады существует не просто факт, но факт осмысленный, и он в отличие от «простого» факта эмоционально воздействует на слушателя, объясняя сущность явления, его породившего.

Как правило, на бедность материала самодеятельные артисты не могут пожаловаться: при движении вперед есть и недостатки, но всегда есть и то, чем можно гордиться,— дела, о которых должны знать все! Гурьевцы по праву гордятся династией пахарей Низовских. Евгений Низовских — Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина, дважды чемпион страны среди пахарей; его старший сын, Виктор,— чемпион Всесоюзного соревнования юных пахарей, второй сын, Анатолий,— чемпион районного конкурса юных пахарей. И все это нашло отражение в программе агитбригады «Родник». Здесь — то принципиально новое, что отличает работу сегодняшних бригад от работы бригад 20-х годов. Показ положительного занимает все больше и больше места в выступлениях агитационных коллективов.

В программе агитбригады «Юность» Багратионовского Дома культуры есть сценка «Сорняки». Мы попадаем как раз на общее собрание этих самых «сорняков»! Зрелище, надо сказать, впечатляющее: зелено-бурые хламиды висят на «героях» бесформенными клочьями — «сорняки» встревожены и озабочены, никакой им жизни не стало, страшный враг появился у них! «Врага», конечно, надо знать в лицо, и посему показывают портрет Фаины Алексеевны Бусыгиной из колхоза «Путь к коммунизму». Сценка сыграна до забавного серьезно. Зрители смеются, радуются хорошему — смех, как известно, бывает и радостным...

Программа этого коллектива, лауреата Всероссийского смотра агитбригад, посвященного 50-летию образования СССР, интересна и разнообразна. Драматические миниатюры играются в быстром темпе, остры, веселы, смешны. Сценка с коровой, которая поначалу терпеливо слушает свою доярку, разглагольствующую о том, как много она делает для животных (даже цветной телевизор на ферме установили!) и какой неблагодарностью ей платят, уморительна! Корова не выдерживает и человеческим голосом начинает упрекать свою хозяйку в нерадивости... Сценка пользуется большим успехом у зрителей. Вот и сегодня довольны, смеются механизаторы и доярки. Рычит на «корову», явно не оценив юмора, серьезный черный пес, пасущий стадо, и это лишь добавляет зрителям веселья.

Конечно, эти миниатюры не всегда совершенны, скажем, режиссерски, да и вообще проблема квалифицированных клубных кадров стоит довольно остро; до недавнего времени до нее, что называется, не доходили руки. Сейчас работа началась... Мы были на репетиции методистов по клубной работе, на курсах повышения квалификации работников культуры при областном управлении.

...Все репетиции похожи одна на другую. Гулкий зал, в котором каждый шорох, каждое движение как-то по-особенному слышны... Похожи еще и тем, что здесь особенно заметен ведущий репетиции — человек, увлеченный своим делом, который огорчается, как ребенок, если его ученики почему-либо его не понимают.

— Девочки,— расстраивается старший методист Соня Жихарева,— если я в зале вас не слышу, что же будет в поле или на пирсе? Еще раз, пожалуйста!..

И так до тех пор, пока все не будет идеально отточено.

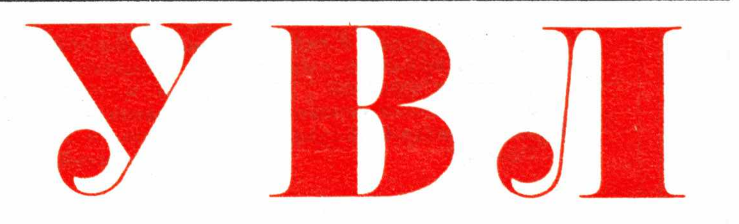
Многое, очень многое должны уметь участники агитбригады! Уметь думать на эстраде, общаться со зрителем, равно как и между собой. Уметь увлечь зрителя, собрать его внимание... Ведь одно дело, когда мы с праздничным настроением идем на концерт, и совсем другое, когда вдруг концерт сам «приезжает» к нам неожиданно! Как же важно артисту чувствовать необходимость своего дела, творчески относиться к нему! Ведь талантлив почти каждый, так поделись же своим талантом с другими, пусть они увидят мир так же отчетливо, звонко, как видишь ты...

Когда на концерте бригады колхоза "Заря коммунизма", Зеленоградского района, ведущая объявила, что учитель Вениамин Филиппов выступит со своими стихами, я, что греха таить, насторожилась. Но невысокий человек с усталым лицом стал рассказывать о рыбаках и ветре, о своем море. И это было здорово!

...Жизнь у агитбригады не из легких: приходится много ездить. По плану они выезжают восемь раз в месяц. Но ведь еще существуют и репетиции! Чаще всего репетируют поздно вечером, иногда ночью. А ведь у большинства семьи. У многих дети, которых приходится брать с собой: часто муж и жена — оба участники агитбригады, искусство, как известно, объединяет.

И вот цифры: «В 1973 году в области самодеятельными артистами, в том числе участниками агитбригад и народных театров, было дано 6 388 концертов, обслужено 688 тысяч человек».

Эта строчка из отчета Калининградского Дома народного творчества означает, что тысячи и тысячи зрителей дружно радовались искусству людей, относящихся к жизни неравнодушно, сознающих себя ее строителями.

Лирический танец — Любовь Коноваловa и Валентина Шметкова.

Зрители...

Т. Лаврова с участниками агитбригады «Непоседы».

Репетиции ведет С. Жихарева.

ЕЧЕННЫЕ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663